

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДОКЛАДЫ К XI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ
СЛАВИСТОВ

Москва 1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

ДОКЛАДЫ К XI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ
СЛАВИСТОВ

(Братислава, 30.VIII – 8.IX 1993 года)

Москва 1992

Редколлегия сборника:

д.ф.н. *В.А. Хорев* – ответственный редактор,
к.и.н. *Л.В. Заборовский*, к.ф.н. *Г.П. Клепикова*

ISBN 5-201-00745-7

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992

Институт славяноведения и балканистики РАН публикует доклады сотрудников Института к XI Международному съезду славистов (Братислава, 1993 г.) дополнительно к тем докладам, которые издает Российский комитет славистов.

Лингвистический раздел сборника открывает доклад Л. Э. Калнынь и Л. И. Масленникоевой "К проблеме славянского слога: соотношение фонетических контуров слога и слова". В нем обсуждается проблема формирования слоговой структуры слова после падения редуцированных. Важнейшие результаты международного сотрудничества в сфере изучения контактов славянских и неславянских языков зоны Карпат и сопредельных регионов, по данным "Общекарпатского диалектологического атласа", представлены С. Б. Бернштейном и Г. П. Клепиковой ("К проблеме дифференциации славянского диалектологического ландшафта"). Значение "Карпатского ареально-этимологического словаря", работа над которым ведется в настоящее время в Институте, для решения этногенетических задач, освещается Л. А. Гиндиным и И. А. Калужской – "Роль Карпат в этногенезе славян позднепраславянского периода в свете историко-филологических и лингвистических данных". Принципиальные аспекты теории языковых союзов, существенно важные для изучения структуры некоторых южнославянских языков (болгарский, македон-

ский) рассматривает Т. В. Цивьян: "О концепте языкового союза и современной балканистике". В литературоведческий раздел включены два доклада. Г. Д. Гачев – "Космо-софия России, Польши и Болгарии" – исследует, на материале прежде всего художественной литературы, некоторые зависимости между особенностями национального менталитета и порождаемой им "картиной мира". М. Г. Чемоданова анализирует специфические стороны развития болгарской литературы XIX в. ("Перевод как фактор становления новой болгарской литературы").

Исторический раздел представлен тремя докладами. Л. В. Заборовский – "Юрий Крижанич о Речи Посполитой (проблемы "вольнобесия)" анализирует одну из малоизученных сторон творчества выдающегося хорватского политолога XVII в. Ю. Крижанича. В докладе В. И. Шеремета ("Христианский адресат османских реформ XVIII–XIX вв.") исследуется важный, остающийся до сих пор недостаточно изученным туркологами аспект предыстории и осуществления танзимата, комплекса реформ в Османской империи, а именно проблема реального значения в них христианского фактора, роли православного населения в ее балканских провинциях, степени их "европеизации". Л. В. Зеленина ("Планы привлечения балканских народов к борьбе с Наполеоном: новые документы, а также новые оценки документов известных"), разбирая как архивные, так и забытые источники, рассматривает некоторые проекты привлечения жителей Балкан к антинаполеоновской борьбе в рамках эволюции восточного вопроса.

К ПРОБЛЕМЕ СЛАВЯНСКОГО СЛОГА:
СООТНОШЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ КОНТУРОВ
СЛОГА И СЛОВА

В славянской исторической фонетике внимание к проблеме слога распределено неравномерно по разным хронологическим периодам. Основное внимание исследователей сосредоточено на праславянском состоянии и направлено на изучение тенденции к открытому слогу и сопровождающих эту тенденцию явлений. Устройство слога после падения редуцированных привлекает меньшее внимание. Основная оценка вновь возникшей ситуации сводится к констатации допустимости закрытых слогов и разрушения взаимосвязи согласного и гласного в слоге, т.е. отмены закона открытых слогов и слогового сингармонизма.

Реализация тенденции к открытому слогу имела многообразные, протяженные во времени проявления. Одни из них были очевидны – например, отпадение конечных согласных, упрощение групп согласных /1 с. 184, 188/. Другие – выявляются путем реконструкции. К числу реконструируемых фактов относится слогораздел в прасл. В основе решения о прасл. слогоразделе лежит представление о слоге как о пространстве, в пределах которого реализуются определенные дистрибутивные правила, теряющие актуальность за пределами слога. Считается, что изменения в сочетании согласных происходили, если сочетание находилось в пределах одного слога, в том числе и в результате перемещения слогораздела – "слогораздел служил надежной защитой от воздействия соседних звуков, относящихся к различным слогам", и далее – в прасл. "явления ассимиляции согласных возможны были только в том случае, если между согласными не шел слогораздел" /1 с. 148, 149/.

Представление о слоге как о типовом дистрибутивном пространстве лежит в основе положения о тождестве консонантных сочетаний в начале слога и слова в прасл., в начале и конце слога и начале и конце слова после падения редуцированных /2 с. 272, 308/. Это не соотносится с реальным фонетическим слогоделением, и

поэтому кажется справедливым замечание В.Н. Чекмана, что отождествление конца и начала слога и слова "следует рассматривать как предписание, а не как доказанное утверждение о существовании связи между разновидностями слогов конца и середины слова" /3 с. 124/.

Крайней формой представления о прасл. открытом слоге как о модели строго определенного типа, а именно – CV, является утверждение В.В. Колесова, что гласные, которым не предшествуют согласные, находятся "не в составе слога" /4 с. 19/, т.е. слог типа V как бы не существует.

В литературе, посвященной тенденции к открытому слогу, более или менее детально каталогизируются явления, эксплицирующие эту тенденцию. В то же время, как заметил В.Н. Чекман, вопрос о том, что послужило толчком к формированию этой тенденции, не ставился. Пытаясь ответить на этот вопрос, В.Н. Чекман устанавливает связь, согласно которой "...тенденция к открытому слогу является общим следствием исчезновения конечных согласных в словах данного языка", и далее – "отпадение конечных согласных нельзя считать результатом действия тенденции к открытому слогу, поскольку до этого ее просто не существует" /3 с.130/. Ср. традиционную интерпретацию того же явления – "одно из древнейших проявлений тенденции открытого слога является утрата конечных согласных" /1 с. 184/.

Если отпадение конечных согласных принять за исходный стимул формирования тенденции к открытому слогу, то следует признать, что этим включается фактор типологического тождества (или параллелизма) фонетических контуров слога и слова. Этим тождеством регулировалось и изменение в группах согласных, образующихся вследствие передвижения слогораздела, сопровождавшего реализацию тенденции к открытому слогу. Если в начале слога появлялось сочетание, недопустимое в начале слова, то оно с помощью разнообразных изменений в звуковой цепи устранялось /1 с. 188, 189/.

Относительно устройства слога после падения редуцированных существует несколько мнений. Считается, что после падения редуцированных преобладает деление на открытые слоги, а сам слог, как и в прасл., строится по принципу восходящей сонорности. Соответственно этому, распределяются по слогам интервокальные кон-

сонантные сочетания /1 с. 259; 5 с. 77/. Что касается допустимости консонантных сочетаний в начале и конце слога, то популярной остается идея тождества конца и начала слога с началом и концом слова.

Нам представляется, что перестройка слоговой структуры слова, которая была вызвана падением редуцированных и прекращением действия закона открытых слогов, должна была изменить соотношение фонетических контуров слога и слова, характерное для периода до падения редуцированных. Для проверки этого предположения нами предпринято исследование, в основу которого положены следующие предварительные соображения.

Фонетический слог – это сегмент звуковой цепи, ограниченный с обеих сторон слоговазделом. Строение слога максимально эксплицировано, если слово сегментируется на слоги самими носителями языка. При этом желательно, чтобы на слогоделение не накладывались орфографические и грамматические ассоциации, поскольку они снижают чистоту фонетического эксперимента. Для изучения слога благоприятные возможности предоставляет диалектная речь, поскольку можно ожидать, что слогоделение, осуществляемое носителями диалекта, регулируется в основном фонетическими правилами и не искажено нефонетическими ассоциациями.

Анализируя диалектное произношение, мы рассмотрим отношение к слоговазделу интервокальных консонантных групп в последовательностях VCCV, VCCCV. По замечанию Е. Кудиловича. "решающую роль в делении слова на слоги играют именно промежуточные группы согласных" /2 с. 267/. Они имеют диагностическое значение при выделении открытых и закрытых слогов. Их реакция на слоговаздел выявляет соотношение фонетических контуров слога и слова.

При рассмотрении интересующей нас проблемы мы используем материал трех диалектов, обследованных нами по специальной программе. Это – севернорусский говор (Тотемский р-н Вологодской обл. с. Мелешово – далее М.), южнорусский говор (Моршанский р-н Тамбовской обл. с. Дьячи – далее Д.), польский, функционирующий в условиях польско-украинского двуязычия (Самборский р-н Львовской обл. с. Лановичи – далее Л.). Материал этих говоров отражен в /6/.

Всем говорам присущ неунифицированный тип слога. Общим для них является выделение в середине слова слогов V, CV и недопустимость слогоделения VC/V, VCC/V. Слогораздел в интервокальных консонантных группах варьируется – во всех говорах выделяются как открытые, так и закрытые слоги. Но сравнительная частота их в отдельных говорах неодинакова. В М. превалирует деление на закрытые слоги, в Д. – на открытые. Диалект Л. занимает промежуточное положение – при высокой частоте открытых слогов здесь чаще, чем в Д., появляются закрытые слоги.

Существо соотношения фонетических контуров слога и слова может быть вскрыто рассмотрением следующих вопросов:

1) существует ли тождество оформления начала слова и начала слога как сегмента, выделяемого в слове не после паузы;

2) существует ли тождество звукового оформления конца слова и конца слога как сегмента, выделяемого в слове не перед паузой;

3) существует ли тождество между звуковым контуром односложного слова и слогом, расположенным между другими слогами, т.е. не между паузами.

Проблема тождества, сформулированного этими вопросами, возникает лишь в применении к словам и слогам, содержащим консонантные сочетания. Звуковое же оформление типа VC, CV, CVC может быть присуще как слову, так и слогу.

Отношение двучленных консонантных сочетаний к слогоразделу имеет своим результатом как сходство, так и различие между фонетическим оформлением конца слога не перед паузой и конца словоформы. Два согласных или стоят в начале слога, или делятся между двумя слогами. Соответственно, конец слога имеет вид -V или -VC, что возможно и для конца слова. В то же время слово может иметь в своем конце сегмент CC, а слогораздел типа VCC/V никогда не реализуется. Последнее обстоятельство имеет решающее значение для суждения об отношении конца слога и слова к двучленным сочетаниям согласных.

Что касается отношения начала слога и слова к двучленным консонантным сочетаниям, то это отношение может быть охарактеризовано следующими комбинациями синтагматических показателей:

а) сочетание допустимо в начале слова и начале слога;

б) сочетание запрещено в начале слова, но допустимо в начале слога;

в) сочетание допустимо в начале слова, но запрещено в начале слога;

г) сочетание запрещено как в начале слова, так и в начале слога.

Эта классификация прилагается к сочетаниям, которые фонетически допустимы в слове. Фонетически недопустимые сочетания (их недопустимость может подтверждаться чередованием, устраняющим сочетание) отсутствуют в любом положении в слове, и, естественно, в применении к ним проблема тождества начала слога и начала слова не возникает.

Сходство и различие по названным показателям будет разным в зависимости от того, какова основная тенденция слогаделения в диалекте, т.е. сегментируется слово на открытые или закрытые слоги. Если превалирует закрытый слог, различие между фонетическим оформлением начала слова и начала слога является следствием того, что сочетание согласных, представленное в начале и середине слова, разделяется слогоразделом в середине слова, т.е. в начале слога не появляется.

Правила сочетания одних и тех же согласных после # и не после (т.е. в начале и середине слова) могут различаться. Это выражается в том, что: 1) в начале слова согласный вообще не вступает в сочетание с согласными, а в середине словоформы вступает, и 2) ассортимент сочетаний, в которые вступает один и тот же согласный, в начале слова уже, чем в его середине. При сегментировании на закрытые слоги это различие между позициями начала и середины слова ничего не вносит в специфику отношений между началом слова и началом слога, так как имеющиеся в середине слова консонантные сочетания делятся слогоразделом и в начало слога не попадают. При сегментировании на закрытые слоги отношение между началом слова и началом слога должно характеризоваться комбинациями синтагматических показателей, данных под рубриками в), г).

При сегментировании слова на открытые слоги различие между фонетическим оформлением начала слова и начала слога реализуется в той мере, в какой этому способствует различие в синтагматических возможностях позиций после # и не после #: сочетание, запрещенное в начале слова и разрешенное в середине, выступает и в начале слога. Сегментирование на открытые слоги

обуславливает отношение между началом слова и началом слога, характеризующее комбинациями синтагматических показателей, данных под рубриками в), б).

Покажем, как двучленные консонантные сочетания принимают участие в оформлении фонетических контуров слога и слова в изученных нами говорах.

В диалекте М. запрещенные в начале и разрешенные в середине слова консонантные сочетания всегда разделяются слоговой границей. Это относится к сочетаниям *пф*, *пм*, *пк*, *тп* и др. — они отсутствуют как в начале слова, так и слога. В М. при преобладании сегментации на закрытые слоги не исключаются полностью и открытые слоги, когда двучленное консонантное сочетание оказывается в начале слога. Это всегда такие сочетания, которые допустимы и в начале слова. Но при этом состав сочетаний, фиксируемых в начале слова значительно более широк, чем тот, который представлен в начале слога. Это значит, что на сочетания в начале слога накладывается больше ограничений, чем на сочетания в начале слова.

Анализ сочетаний, представленных в начале слога и начале слова, с точки зрения некоторых артикуляционных характеристик показывает следующее.

Губные взрывные *и* и *м* не сочетаются с губными согласными ни в начале слова, ни в начале слога. В слоге это достигается проведением слогораздела между губными — *воп/фáт/ку*, *л'уб/в'э*. Но сочетание двух губных в слоге запрещено и в том случае, если первый компонент сочетания фрикативный согласный; в начале слова такие сочетания имеются — *фполуббс'йо*, *фпрохóт*, *вм'эсто* и *р'ев/ма/т'ис*, *вб/доу/бат'*.

С согласными других локальных рядов губные (кроме *м*) сочетаются в начале словоформы и в начале слога, хотя и с разными ограничениями относительно способа образования второго согласного в сочетании. Так, *п*, *б* сочетаются со всеми зубными и переднеязычными в начале слова и только с сонорными в начале слога, т.е. *топ/тáт'*, *оп/су* (=о псу), и *дú/плоф*, *б/блáс'*, *поз'э/бл'и* (сочетания *пл'*, *бл'* чаще оказываются в пределах одного слога, чем *пл*, *бл*), *б/брáт'*, *за/о/про/к'и/ну/л'ис'* и под. Слогораздел может проходить и через губной спираント — *кофр'и/га*, *офрбн/т'е*.

Зубные взрывные согласные в начале словоформы сочетаются с согласными разных рядов и разного способа образования, а в начале слога фиксируются сочетания преимущественно с сонорными и то в виде варианта слогоделения, при котором слогораздел проходит после *т, д*. Ср. *жн'и/тв'и/на* и *от/в'ед'и*, *дрá/тва* и *сот/во/р'и'ѣ*, *по/до/днбм* и *по/дод/нбм*, *от/рáва* и *ба/трáц'ка*. Из шумных согласных в начале слога после *т* зафиксированы *к, к'* – *в'ѣ/тка*, *знá/тко*, *вы/тк'и* и *знáт/ко*, *от/кбл'*, *пот/к'и/н'ош*. Слогораздел может проходить и перед сочетанием взрывных зубных. Оказавшись в начале слога, такое сочетание сокращается до одного согласного; если сочетание состоит из глухих взрывных, то от первого согласного может остаться короткая смычка и это можно оценивать как следствие разделения сочетания между двумя слогами. Ср. *оддáт' → о' /дат'*, *од'д'ѣлноу → о'д'ѣл'ноу*, *потпáют → по' /тá/йт*, *йт'т'е* (пов. накл.) → *йт'т'е*, *попр'им'ит'е → по/пр'и/м'и/т'е* || *>'т'е, с'ѣт'т'е → с'ѣ/т'е*. В начале слова сочетание двух зубных взрывных недопустимо.

Фрикативные зубные и передненебные образуют в основном одинаковый корпус сочетаний с согласными в начале слова и начале слога. По слогораздел, помещающий консонантное сочетание в начало слога, варьируется с слогоразделом, проходящим после фрикативного или через него. Зафиксировано следующее варьирование: *з/м' ~ /зм'*, *с/в ~ /св*, *з/в ~ /зв*, *с'/м ~ /с'м*, *с/п' ~ /п'*, *с/п' ~ /с'п'*, *с/в' ~ /в'*, *с/т ~ /ст*, *з/д ~ /зд*, *с/л' ~ /с'л'*, *с/т' ~ /с'т'*, *з/д' ~ /з'д'*, *с/л' ~ /с'л'*, *с/с ~ /сс ~ /с*, *с/р' ~ /ср'*, *з/р ~ /зр*, *с/к ~ /ск ~ /к*, *с/к' ~ /с'к' ~ /к'*, *ш/п ~ /шп*, *ш/м ~ /шм*, *ш/н' ~ /ш'н'*, *ж/н ~ /жн*, *ж/н' ~ /ж'н'*, *ш/р ~ /шр*, *ж/р ~ /жр*, */шч ~ /шт*, *ш/т' ~ /ш'т'*, */ждж ~ /жд*, *ж/д'*. Если слогораздел проходит перед сочетанием двух одинаковых спирантов, то сочетание сокращается до одного согласного – *рос'с'ѣкла → ро/с'ѣкла*, *б'ешшатрá → б'е/шá/трá*, *ижжол'ѣза → и/жол'ѣ/за*, *рожжы'це → ро/жы'/це*, *ц'ер'ешшес' → ц'е/р'е/шес'*.

Сочетания, имеющие в своем начале задненебный согласный, также могут или разделяться слогоразделом, или находиться после него, т.е. в начале слога: *к/в ~ /кв*, *к/т ~ /кт*, *к/т' ~ /к'т'*, *к/ц' ~ /к'ц'*, *к/н' ~ /к'н'*, *к/л' ~ /к'л'*, *г/н' ~ /г'н'*, *г/л' ~ /г'л'*, *к/р ~ /кр*, *к/р' ~ /к'р'*, *х/в ~ /хв ~ /фв*, *х/м ~ /хм ~ /фм*, *х/т ~ /хт*, *х/н ~ /хн ~ /фн*, *х/р' ~ /х'р' ~ /фр'*. Сокращение двух взрывных после

слогораздела -м' ѓккой → м' ѓ/кой, м' ѓ' /кой, л' ѓ' /к'о (← л' ѓк'к'о спѣт').

Следует подчеркнуть, что не зафиксировано ни одного случая, когда сочетание, первый компонент которого образован шумным согласным, выступает безвариантно только в начале слога и никогда не разделяется слоговой границей. В то же время многие сочетания этого же типа никогда не оказываются в начале слога и всегда разделены слогоразделом. Это - п/с, п/т, п/ц', ф/т, ш/т, ш/з, т/п, т/м, д/б, т/н', т/л', т/х, д/г, с/п, з/м, з/з, с/х, з/г, ш/п', ж/в, ж/м, ш/н, ж/л' и др.

Многие из сочетаний двух шумных согласных, представленных в начале и середине слова, в последнем случае всегда разделены слоговой границей.

Показателем несовпадения в звуковом оформлении начала слова и начала слога является тенденция к устранению двойных фрикативных в начале слога, хотя они свободно произносятся в начале слова - жжат', рожжѣц'е и рожѣц'е, с'с'елос' мо̀ло̀кб, рос'с'елас' и ро/с'елас'. И, напротив, в устранении после слогораздела двойных сочетаний взрывных согласных, а также аффрикат проявляется сходство в фонетическом оформлении начала слова и слога - љѣ'/т'е из љѣт'т'е, кѣ'/ц'а из кѣц'ц'а.

В М. сочетания, начинающиеся на сонант, практически никогда не выступают в начале слога, и это независимо от того, допустимо или нет аналогичное сочетание в начале слова. Слогораздел всегда отделяет н, н', љ, р, р' от последующего согласного, почти всегда - л', м. Отступление от этого правила демонстрируют только мн, мр, л'ѣ - ом/ра/ц'и/ло || о/мра/ц'и/ло, на/дом/но̀ѣ (надо мной) и за/т'е/мнѣ/ѣт'е, гн'ил'/ѣб и ѣѣ'/стб/л'ѣа (имя).

В диалекте Д. преобладает тенденция к сегментации на открытые слоги. Вследствие этого сочетания, допустимые в середине словоформы, оказываются и в начале слога. Исключение составляют сочетания м с губными, л - с зубными, переднеязычными и заднеязычными, где м, л всегда отделяются от последующего согласного слогоразделом - сам/п'ѣт (на то, что это не два слова, указывает словоформа съмтрѣт'ѣѣ с редукцией а → ѣ во втором предударном слоге), ббм/ба, жал/тбк, выл/сѣ/п'ѣт, пыл/ца/п'ѣ, ч'ал/нбк, ѣал/жѣ, тбл/ш'ѣ, кбл/кыл, вал/к'ѣ, во̀л/ѣа, кал/хбс.

Варьирование слогораздела происходит в сочетаниях, имеющих в своем начале сонант. Ср. *на л/бѹ* и *кы/лба/сѧ*, *кан/пѡт* и *ка/нпѡт*, *бл'и/н'цы* и *бл'ин'/цы*, *вѧ/н'кѣ* и с *пр'ѧн'/к'им'и* (сочетание образовано в результате нулевой редукции гласного), *дѣн'/γ'и* и *а/м'и/-н'γ'ит*, *с'и/р'пѧ/м'и* и *ч'ѣр'/пат'*, *мѧ/рѣа* и *мар/фѹша*, *в'ѣ/р'ч'и/выи* и *хар'/ч'ѣ* и др.

В Д. чаще, чем в М., слогораздел проходит через фрикативный согласный и через сонант – *пра/лѧжвы/ла*, *ч'и/р'бѧха*, *иѣбб*, *ѧѣма*, *кѡч'ч'ил/с'и*, *цыѣγѧ*, *з'арнѡ*, *ч'ир'в'ѧк*.

Ассортимент сочетаний в начале слога значительно шире того, который представлен в начале словоформы. Так, запрещены в начале словоформы сочетания *п*, *б* с губными и *к*, *а* в начале слога они допустимы, включая *пп*, *бб* (*а/ппбл*, *а/ббѧн'у*); нет сочетаний *м* с шумными зубными и задненебными в начале слова, но есть в начале слога; нет сочетаний *т*, *д* с взрывными губными, зубными в начале словоформы, но есть в начале слога – здесь фиксируются даже двойные сочетания взрывных, причем первый согласный импозивен (*а/тѧдс/квы/ѹт'*, *ны/т'ѧ/нѹт'*, *д'е/дѡдѡм*); нет сочетаний *н* с согласными в начале словоформы и есть в начале слога; сочетания *лв*, *лв'*, *лѣ*, *лм'* отсутствуют в начале словоформы, но имеются в начале слога; нет *р*, *р'* перед зубными, задненебными, губными (кроме *в*, *в'*) в начале словоформы и есть в начале слога.

Совпадение запрета на сочетание в начале слова и начале слога актуально в отношении сочетаний *м* с губными, *л* – с зубными, передненебными, *ѣ* – с любым согласным. Сочетание *цц* запрещено как в начале слова, так и слога – *ацѧрѡвала* и *а/цѧ/ры/ва/ла*.

В диалекте Л., где сегментация на закрытые и открытые слоги равновероятна, ассортимент консонантных сочетаний, начинающихся на губной взрывной, в начале слога более широк, чем в начале слова. Так, *bv*, *bm*, *bg*, *pk* отсутствуют в начале слова, но допустимы в слоге (*o/bva/l'i/lo/sq*, *o/bmyc*, *o/bga/dy/vac*). И, напротив, губной сонант *m* в начале слова сочетается с согласными шире, чем в слоге – *mš*, *mž*, *mč*, *mk*, *mх*, допустимые в начале слова, в середине слова разделяются слоговой границей (*na m/sy*, *kom/zѧ*, *l'am/čyk*, *pl'am/ka*, *če/tem/xa*).

Как в начале, так и в середине слова губные спиранты *v*, *f* сочетаются практически с любым согласным. Но при слогоделении такие сочетания не обязательно оказываются в начале слога,

так как слогораздел варьируется – перед губным спирантом, после него, через него. Ср. ru/vny ~ ruv/ne, po/vzy/val ~ pov/zy/val, spra/vzač ~ sprazvač; o/řsa ~ ofsa, do/kra/fca ~ krafca, za/řše ~ zařše, la/fka ~ řafka; po/vg'i/nač ~ pořg'i/nač, po/řxo/ři/l'i ~ pořxo/ři/l'i; вместе с тем зафиксировано только: na/řta, pra/vda, u/fny, řu/fl'a, Pa/vla, o/řcu/na, po/vru/slo и др.

Допустимые в начале слова сочетания, в которых первым компонентом является зубной взрывной, возможны и в начале слога. При этом всегда после слогораздела выступают сочетания "t, d + зубные и переднеязычные сонанты", tv, tv', tm, tm', tk, tk', tx, tx', например, la/řva, o/tv'e/řač, plu/řno, řo/řo/řn'ik, m'o/řla, kv'i/tl'i, o/řno/ři, po/řn'e/řč, po/řlo/ga, po/řl'ač, ху/řу, a/řres, ma/řka, kru/řk'i, o/řxu/l'o/na, o/řx'i/nuf. В других сочетаниях слогораздел может проходить и после t, d, т.е. /řb ~ d/řb, /řb' ~ d/řb', /řv ~ d/řv, /řv' ~ d/řv', /řm ~ d/řm, /řm' ~ d/řm', /řj ~ d/řj, /řg ~ d/řg, /řg' ~ t/řg'. Вариация слоговой границы не связано с морфемной структурой слова, например, zad/řa/la ~ po/řbač и o/řb'e/řa ~ o/řb'e/řa и т.д.

Сочетания двух зубных взрывных запрещены в начале слова. В середине слова этим сочетаниям соответствуют: 1) взрывной согласный с долгим затвором, одновременный произношению tt, dd или 2) один согласный – zanatto || zanatu, ôd_dymu || u_dymu. При слогаделении сохраняется варьирование в произношении таких сочетаний, и при этом в начале слога оказывается допустимым сочетание tt – za/na/na/řto || za/na/řto но и od/řy/řač || o/řy/řač.

Фрикативные зубные и переднеязычные сочетаются с согласными в начале и середине слова по сходным правилам. При этом в начале слова актуально большее количество запретов, чем в середине слова. Сочетания, выступающие в начале слова, обычно могут начинать и слог. Это происходит в условиях варьирования слогораздела – перед фрикативным, после него, через него: /řp řp ~ řp/p, /řp' ~ řp' ~ řp/p', /řt ~ řt, /řc ~ řc (s/řc), /řn ~ řn ~ řn/n, /řn' ~ řn', /řl ~ řl ~ řl/l; /řd ~ řd ~ řd/d, /řz ~ řz ~ řz/z, /řl ~ řl ~ řl/l; /řk ~ řk, /řk' ~ řk', /řx ~ řx; /řr ~ řr; /řg ~ řg, /řg' ~ řg' ~ řz/g';

/řv ~ řv, /řv' ~ řv', /řm ~ řm, /řm' ~ řm'; /řř ~ řř, /řn' ~ řn', /řř ~ řř, /řř' ~ řř'; /řř ~ řř; /řř ~ řř; /řř ~ řř; /řř ~ řř; /řř ~ řř;

/řp ~ řp, /řp' ~ řp', /řv ~ řv, /řm ~ řm, /řm' ~ řm'; /řn ~ řn, /řn' ~ řn', /řř ~ řř, /řř' ~ řř'; /řř ~ řř (s/řř), /řř ~ řř; /řř ~ řř, /řř' ~ řř'.

Лишь незначительное число сочетаний, употребляемых в начале

слова, произносится и в начале слога без варьирования слоговой границы. Обычно это сочетания, первым компонентом которых является звонкий фрикативный: /zʒ, /zn, /zj; /ʒv, /ʒv', /ʒd, /ʒn', /ʒl, /ʒl', /ʒʒ, /ʒr, /ʒg; /zʒ', /zr, а также /ʃn, /ʃx, /ʃx'.

Допустимые в начале слова сочетания с губными спирантами и сонантами m, r, а также сочетания z с губными согласными, сочетания ʃ с губным взрывным и r и сочетание ʒm запрещены в начале слога — ро̄ва/та̄с̄ ~ as/val't, бесфор/sy, о̄с̄мал/л'ӣс̄ ~ us/my, на̄ гре/бло, на̄ збо/зе̄ ~ do z/zban/ка, на̄з'v'i/sko ~ naz/v'i/sko, poz/my/vam, poz'm'i/taj, n'ēpo/ty.

Сочетания ʒ с губными согласными и n, n', отсутствующие в начале слова, употребляются в начале слога, но при варьировании слоговой границы слогораздел — перед и через z — /ʒb ~ ʒb', /ʒb ~ ʒb', /ʒv ~ ʒv', /ʒv ~ ʒv', /ʒm ~ ʒm', но только /ʒm, /ʒn, /ʒn'.

В начале слова запрещены сочетания зубных аффрикат с согласными, кроме зубных сонантов. В середине слова состав сочетаний, начинающихся на c, ʒ, шире, и при слогоделении они начинают слог, т.е. /ct, /ʒd, /cs ~ c/s, /cc, /ck, /ck', /cr, /ʒv, /cn, /cn', /cl, /cl', /cj.

Круг сочетаний переднеязычных аффрикат с согласными довольно узок как в начале, так и в середине слова, хотя в середине слова они более многочисленны. Ряд сочетаний, отсутствующих в начале слова, выступают в начале слога. Это — ʒb, ʒb', cп, cп', čl', čk, čk', čk, čk'. Особое отношение к слогоразделу демонстрируют сочетания čc, čč, čs, čs', выступающие только в середине слова — па̄с̄сика̄с̄, о̄с̄со̄нга; аффриката č перед c варьируется с c (w бе̄ссе||v бессу), а перед č — с č (на ро̄с̄си||ро̄с̄си). Эти сочетания при слогоделении меняют в начале слога свой первый компонент: па̄с̄сика̄с̄ и па̄тсе/ка̄с̄, на ро̄с̄си||ро̄с̄си и па/ро̄тсе, w бе̄ссе и f ра/ссу (ср. бе̄ска, ра̄ска). Таким образом, в начале слога запрещены сочетания čs, čč, čč', но допускаются сочетания /ts', /cc, /tc', которые в начале слова произносимы.

Зубные и переднеязычные сонанты ограниченно сочетаются с согласными в начале слова. Это — сочетания lb, lz, l'v, l'v', l'n, l'l', l'ž, l'j; rv, rv', rd, rz, rž. В середине слова, напротив, сонанты широко сочетаются с согласными всех рядов и способов образования, но в начале слога такие сочетания отсутствуют, поскольку слогораздел всегда проходит после сонанта — k'el/ba/sa, pel/zal, za L'/vuf, sil'/ny, zel'/žy/lo, ner/vy, tvar/dy, k'er/zy.

Задненебные согласные широко сочетаются с согласными как в начале, так и в середине слова. Но при слогоделении некоторые из сочетаний, допустимых в начале слова, не попадают в начало слога, так как слогораздел проходит или между согласными, или через *x*. Ср. *žak/p'i/l'i*, *ak/cent*, *raznok/ci*, *vag/zal'*, *vuxval/l'ač*, *rox-v'i/na*, *plahta*, *zeŕce*, *l'eŕša*, *l'eŕko*, *m'ex/xk'i*. Однако чаще начало слова и слога совпадают.

Таким образом, в описываемых диалектах начало слова и начало слога не совпадают по своему фонетическому оформлению, но характер этого несовпадения в разных диалектах неодинаков.

Можно считать, что сегмент, содержащий в своем начале консонантное сочетание, имеет более сложное фонетическое оформление, чем сегмент, в начале которого такое сочетание отсутствует. Бóльшая сложность ~ бóльшая простота оформления начала сегмента может отражаться отношениями:

1) сочетание согласных ~ один согласный (т.е. в одном сегменте сочетание согласных, а в другом остался лишь один из этих согласных);

2) сочетание согласных ~ звуковой ноль (т.е. в одном сегменте есть сочетание, а в другом нет ни одного из членов этого сочетания, нет и сочетания в целом).

В соответствии с этим, если двучленное консонантное сочетание выступает как в начале словоформы, так и в начале слога, то в принципе можно было бы констатировать одинаковую сложность их фонетического оформления. Однако в качестве показателя различной степени сложности фонетического оформления начала сегмента может быть использована частота сочетаний – тот тип сегмента, в котором выступает большее количество сочетаний, характеризуется более сложным фонетическим оформлением.

В диалекте М. сегментация на закрытые слоги препятствует локализации консонантного сочетания в начале слога, делая тем самым фонетическое оформление начала слога более простым в сравнении с началом словоформы (сочетания, допустимые в начале словоформы, недопустимы в начале слога, т.е. имеет место отношение "сочетание согласных ~ один из этих согласных"). Слогораздел возможен и перед консонантным сочетанием – но набор этих сочетаний в начале слога значительно уже набора сочетаний, фик-

сируемых в начале слова. Таким образом, и с этой точки зрения оформление начала слога является более простым, чем фонетическое оформление начала слова.

В диалекте Д. слово обычно сегментируется на открытые слоги. Этим обуславливается большая сложность фонетического оформления начала слога в сравнении с началом слова: в слоге фиксируется значительно больший набор консонантных сочетаний, чем тот, который допустим в начале слова. В начале слога оказываются сочетания, произносимые в начале слова (т.е. имеет место отношение "сочетание согласных ~ звуковой ноль"). При этом следует подчеркнуть, что начало слога не после # ни в коей мере не тождественно началу слова, т.е. началу слога после #. Это наглядно подтверждается следующим экспериментом. Слово, сегментированное на слоги, в начале которых оказываются сочетания, запрещенные в начале слова, предлагается информаторам произнести с межсегментным интервалом более длинным, чем тот, который имеет место между слогами, когда слово воспринимается и говорящими, и слушающими как одно целое, а не как разорванное на отдельные части. Это нарушение связи между слогами ставит второй слог в позицию после #. В этом случае запрещенное в начале слова консонантное сочетание не произносится и в начале слога. Ср. ф *кар'цэ*, *фа/р'цэ*, а при удлинении интервала между слогами — *фа#цэ*; а также *с'і/р'ѡ/нб* и *с'і#ѡ/нб*, *а/р'с'э/к'іѣ* и *а#с'э/к'іѣ*, *бб/нда* и *ба#да*.

В диалекте Л. факт варьирования наличия ~ отсутствия в начале слога многих консонантных сочетаний демонстрирует принципиальное отличие начала слога от начала слова. Это подтверждается и тем, что при наличии достаточно большого корпуса сочетаний, выступающих как в начале слова, так и слога, существует много сочетаний, которые запрещены или только в начале слова, или только в начале слога. Достаточная пестрота картины ведет к тому, что о большей сложности или простоте фонетического оформления начала слова или слога в диалекте Л. можно говорить лишь в рамках конкретных классов консонантных сочетаний.

Как было сказано, отношение двучленных консонантных сочетаний к слогоразделу не может обнаружить различий между фонетикой конца слова и конца слога. Различия такого рода может показать отношение к слогоразделу трехчленных консонантных сочетаний.

В диалекте М. подавляющая часть трехчленных сочетаний в середине слова делится на два слога. Обычно к первому слогу относится первый согласный, а ко второму — два других. Лишь в немногих случаях слогораздел отделяет два первых согласных от третьего. Сама немногочисленность таких примеров — аргумент в пользу того, что говорящие на диалекте избегают слогов, кончающихся на два согласных не перед паузой. При том, что сочетание из двух согласных в конце слова — явление обычное. Все двучленные сочетания, кончающие слог, допустимы и в конце слова. Ср. *нт* (*про/ц'ѣнт/ной* и *проц'ѣнт*), *шк* (*вѣи/шышк/ну/ла*), *рш* (*горш/к'и* и *йорш*), *рп* (*о/ц'ѣрп/ва/йут* и *с'ерп*), *рс* (*в'брс/ты* и *зам'брс*), *рз* (*за/м'брз/нут*), *рж* (*за/хѣрж/л'и/ва/йут* и *корж*), *рх* (*рос/пбрх/н'и* и *в'ерх*), *рѣ* (*с'м'ѣрѣ/йу* и *ж'ѣрѣ*).

В диалекте Д. слогораздел проходит перед трехчленным сочетанием, если оно начинается на шумный согласный (включая *в*). В начале слога оказывается большое количество сочетаний, отсутствующих в начале слова. Например, из 77 сочетаний, начинающихся на *п*, *б* и представленных в начале слога, лишь два выступают в начале слова (*бзд*, *бз'д'*).

Если трехчленное сочетание начинается на сонант, то слогораздел проходит после сонанта или через него — *зам/кн'и*, *закнют'*, *фцѣн/тр'и*, *стал/бн'ѣк*, *дал/жнѣ*, *хѣс'т'и/на*, *м'бр/твѣй*, *зар-плѣ/та* и под.

Никогда в Д. слогораздел не проходит перед последним согласным трехчленного сочетания — поэтому никогда в конце слога перед слогоразделом не появляется двучленное (тем более трехчленное) сочетание согласных.

В диалекте Л. в трехчленных сочетаниях наиболее распространенным является слогораздел после первого согласного. Ср. *ор/тлѣ/ѣона*, *зѣб/зѣн/ка/ла*, *к'ѣм/снѣн'ѣ*, *от/пра/ва*, *пот/кѣ/дал*, *под/гн'ѣ*, *рос/сма/зѣ*, *зас/к'ѣ/вѣм*, *рен/ѣну*, *до/пун/кту*, *Нан'ѣка*, *по/зѣл/кнѣ*, *кор/пка*, *л'ѣ/кар/ск'ѣ*, *ф кур/сѣ*, *мар/хв'ѣ*, *в'ѣй/ска*, *ок/ѣсѣ/ну*, *рог/зѣм'ѣло*. Реже прохождение слоговой границы варьируется — не только после первого компонента, но и перед ним — *хлор/ск'ѣ* ~ *к'ѣ/пск'ѣ*, *ор/кѣ/дѣс'ѣ* ~ *ор/пкѣ/дѣс'ѣ*. Если сочетание начинается с фрикативного согласного, то слогораздел может проходить не только после этого согласного, но и через него, например, *роф/к'ѣ/ѣс'ѣ* ~ *рофкѣ/ѣс'ѣ*, *ропѣ/сѣс'ѣ*, *зѣсмро/з'ѣс'ѣ*, *бѣв/хѣ/зѣ*, *рог/тлѣ/ѣс'ѣ* ~

roštlu/če, beš/km'i/nu ~ beš/km'i/na, zeš/kro/bač', bešxm'e/ŕ'a, o/beš/xlo ~ o/beš/xlo, do s/xro/nu; beščvar/te/go, oškl'ić || oškl'ić, zgoš/kn'a/ly ~ zgoškn'a/ly.

Слогораздел может проходить через *s*, *š* и в том случае, если они находятся в центре трехчленного сочетания: роšpo/dem (~ роšpo/dem), оšva/šk'i (~ оš/svo/fej), оšnu (~ оš/snu), оšro/k'i (~ оš/sro/k'i), екšpurt, оšgra/ma (~ от/šra/ma).

Сочетание двух согласных перед слогоразделом в Л., как и в Д., запрещены, что свидетельствует о нетождественности конца слога и конца слова, допускающего произношение двух согласных перед паузой.

Сопоставление фонетики начала и конца слова и слога не перед паузой и не после паузы позволяет сделать следующие выводы.

Звуковой контур односложного слова, содержащего инициальное или конечное сочетание согласных (или то и другое одновременно), и звуковой контур слога не между паузами (т.е. как сегмента в звуковой цепи) не совпадают. Напомним, что звуковой контур сегмента определяется составом разрешений и запрещений на сочетание составляющих сегмент звуков.

Возможности согласных сочетаться друг с другом в начале слога не после паузы в рассмотренных диалектах не одинаковы. При этом диалекты различаются в зависимости от того, превалирует ли с точки зрения возможности образовывать консонантное сочетание начало слова над началом слога не после паузы или наоборот. Так, в М. начало слова превалирует над началом слога. Это проявляется в том, что в слоге возможности согласных сочетаться друг с другом более ограничены, чем в слове. В то же время в слоге могут быть только те из сочетаний, которые представлены и в начале слова.

В диалекте Д., наоборот, начало слога превалирует над началом слова – не только все сочетания, выступающие в начале слова, могут быть и в начале слога не после паузы, но в слоге выступают сочетания, отсутствующие в начале слова, в том числе и более длинные.

В диалекте Л. начало слова превалирует над началом слога, как и в М. Однако возможности согласных сочетаться друг с другом в слоге в Л. шире, чем в М.: не все сочетания, имеющиеся в начале слога, могут быть в начале слова, хотя, с другой стороны,

сочетания, представленные в начале слова, могут быть запрещены в начале слога. В целом же количество сочетаний, допустимых в начале слова, больше, чем в начале слога. В Л. контраст между началом слога и слова менее выразителен, чем в М.

Если считать, что сочетание звуков – это элемент более сложный, чем один звук, и чем длиннее сочетание, тем оно сложнее, то надо признать, что диалекты различаются степенью сложности фонетического оформления начала слога не после паузы.

В консонантных сочетаниях слогораздел может проходить через фрикативный согласный и через сонант, когда в начале слога оказывается не весь согласный, а часть его. Такой слогораздел резко отличает начало слога не после паузы от начала слова.

Фонетическое оформление конца слога не перед паузой и конца слова не совпадает ни в одном говоре (повторяем, что имеем в виду консонантное оформление сегментов). Оформление конца слога более простое, чем конца слова. Не обнаружено ни одного слога, кончающегося на три согласных, а в конце слова такие сочетания, хотя и более ограничено, чем в начале, возможны.

Таким образом, синтагматические возможности звукового оформления начала и конца слова и слога не между паузами не совпадают. Поэтому нельзя односложное слово рассматривать как модель слога и все синтагматические возможности, реализуемые в слове, переносить на слог. Сходство между односложным словом и слогом состоит в том, что в обоих сегментах присутствует слогоноситель (гласный). Но различно консонантное окружение слогоносителя. В диалекте М., правилам звуковой синтагматики не противоречили бы слова *срочя*, *здрац*, *своря*, *здорс*. Достаточно к этим словам прибавить по одному гласному справа и слева, как слогораздел расчленил инициальные и финальные консонантные сочетания. Фонетическая модель слога, как особого элемента звуковой речи, реализуется в звуковой цепи между другими слогами. Если слог начинает или оканчивает слово, то он в отношении консонантного состава может строиться вопреки слоговой фонетической модели, т.е. реализуются фонетические правила, присущие слову, но не слогу. Поэтому можно считать, что сегмент, содержащий слогоноситель (гласный) в начале или конце слова, собственно, не является в полном смысле слогом, поскольку начинается/кончается как слово, а кончается/начинает-

ся как слог. Нетождественность односложного слова и фонетической модели слога является частным случаем дифференциации явления, которое "интуитивно воспринимается как нерасчлененное" /7 с.4/.

Эти выводы о соотношении звукового контура слова и слога соответствуют наблюдениям Р.И. Аванесова над слогом в русском литературном языке, где звуковое оформление начала и конца среднего слога не совпадает с звуковым оформлением начала и конца слова /8 с. 42–46/. В то же время к анализируемым диалектам не применимо правило Е. Куриловича, согласно которому "к имплозии (концу слога – К., М.) относится максимальная часть группы (консонантной – К., М.), допустимая одновременно в конце слова". А утверждение – "к эксплозии (началу слога – К., М.) относится максимальная часть группы, допустимая одновременно в начале слова" /2 с. 272/, применимо к Д., но и здесь "консонантный максимум" слога оказывается выше, чем в слове.

Анализ слогоделения в современных диалектах был предпринят с целью выяснения того, какое соотношение между фонетикой слова и слога сформировалось после падения редуцированных. Поиски в современных диалектах аргументов в пользу тех или иных суждений о фонетической модели, хронологически весьма отдаленной, не следует понимать, как прямое отождествление хронологически отдаленных друг от друга лингвистических состояний. Важно выявить тот центральный момент, который обусловил принципиальное отличие в строении фонетических сегментов периода до и после падения редуцированных и проецировался на фонетику более поздних эпох вплоть до современных говоров.

Как принято считать, наиболее очевидные последствия падения редуцированных проявились в появлении закрытых слогов и образования новых сочетаний согласных. Но появление закрытого слога было фатальным лишь в конце слова. В середине же слова слог мог оканчиваться на гласный перед любым консонантным началом следующего слога (так в диалекте Д.). В диалектах, предрасположенных к распределению интервокальных консонантных сочетаний преимущественно по принципу закрытого слога, это тем не менее не становится безысключительным правилом, делающим невозможным слогоделение типа V/CCV (так в диалекте М.). Вызванная падением редуцированных допустимость закрытых слогов отнюдь не распространялась на последовательности типа VCV – слогораздел VC/V, как и VCC/V в славянских языках фонетически недопустим.

Сказанное означает, что падение редуцированных создало ситуацию, допускающую существование закрытых слогов, но отнюдь не в качестве генеральной замены открытых.

Что касается возникших после падения редуцированных новых консонантных сочетаний, то они включались в те правила слогаделения, которые были (или стали) свойственны идиому — оказывались в начале слога или делились между двумя слогами.

Думается, что падением редуцированных было вызвано такое кардинальное изменение в фонетическом строе, как разрушение обязательного сходства фонетического контура слога и односложного слова. До падения редуцированных актуальность этого сходства подтверждается серией фактов — тождество консонантных сочетаний в начале слова и слога, развитие протезы перед гласным в начале слова и слога, завершение слова и слога гласным. Падение редуцированных нарушило это подобие между слогом и словом, которое, как было отмечено выше (Чекман), как раз и могло явиться первичным импульсом к формированию тенденции открытого слога.

Сходство фонетического контура слога и односложного слова придавало слогу синтагматическую автономность — изменения в группах согласных происходили, если они находились в пределах одного слога, после смягчения полумягких сочетание типа CV стало функционально значимым, выступая в виде нерасчлененной единицы — лабемы, по Аванесову /9, с. 247/.

После падения редуцированных фонетика слога строится по правилам, отличающимся от фонетики односложного слова. Слогаделение стало основываться на стремлении строить слог как наиболее удобную фонетическую последовательность. Понятие об удобстве неодинаково у носителей разных языков (диалектов), основываясь в частности на особенностях артикуляционной базы идиома. Особенности строения слога в полной мере выявляются лишь в том случае, если слог с обеих сторон ограничен слогоразделом. Односложное слово не является моделью слога.

Отсутствие параллелизма между фонетической организацией слога и слова эксплицируется в том, что слогаделение меняет фонетику слова, поскольку нарушает синтагматические связи между звуками, реализуемые в связно произнесенном слого — так, в М.
от/ббй ← дб, коз/м'е/й'е ← з'м', койдѣ → кол'дѣ, от/с'и/д'и/-

л'и ← ц'с', от/ц'бм ← ц'ц' и др.; в Л. — ves/vo/ʎ'il ← zv, ros/še/kl'i ← śś, oc stajn'i → ot/staj/n'i, puc śn'eg'im → pot/śn'e/g'im, użłości → ot/zło/ści, ożn'if → ot/żn'if.

Дистанцированность слога от слова подтверждается и тем, что слогоделение как фонетический процесс не подвержен морфемным ассоциациям — ср. в М. зал'/дбм, ос/р'е/дѣ, б'е/зоэ/вѣ, сон/ - : сбм, нап/н'ѣ, кос/нѣ и др., в Д. — ра/зрѣт', а/цскла/да, у/дб/пства, с'и/жмá и под.; в Л. — о/pkla/dač, о/bes/xlo и др.

Констатируя расхождение в фонетике слова и слога, наступившее после падения редуцированных, следует в то же время отметить, что в слоге в большей мере, чем в слове, сохранил инерцию праславянский принцип возрастания сонорности /1 с. 141/.

После падения редуцированных принципиально новым типом консонантного сочетания, ранее неизвестным, стало сочетание типа /Son + шумный/. Слог, в отличие от слова, проявил большую долю нетерпимости к таким сочетаниям в своем начале. Особое отношение к слогоразделу проявилось и в сочетаниях типа /шумный + Son/. Подтверждение этому дают рассматриваемые нами диалекты.

В М. при общей тенденции к закрытому слогу образование открытых слогов связано в основном с сочетаниями шумного с сонорным, которые часто в полном составе оказываются после слогораздела, как бы объединяя сонорный с гласным в один слоговой центр.

В Л. принцип деления на открытые слоги нарушается, если после сонорного следует шумный — сонорный оказывается в конце слога. То же в Д. — но кроме того здесь много примеров, когда слог начинается на /Son + шумный/.

Особое место, которое занимают сонорные при слогоделении в консонантном сочетании, можно расценивать как аргумент в пользу того, что слогораздел имеет тенденцию обеспечить восходящую звучность в начале слога (от начала до слоговой вершины). Сообразно этой тенденции в начале слога избегается сонорный перед шумным. Этому не противоречит наличие в начале слога двух шумных, двух сонорных, сочетания шумного с сонорным.

Повышению звучности в начале слога как бы противоречит практика слогоделения в диалекте Д., где в начале слога часто оказываются сочетания типа /Son + шумный/, т.е. ка/мá, ла/мт'á,

a/нѣби, ѳ'і/н'з'іи, с'і/н'цб, жа/нѣ/ха, а/р'н'ѣл', ба/рзбѣ, а/уу/р'цѣ и др. Однако можно предположить, что в условиях тесной артикуляционной связи с шумными согласными в пределах слога происходит ослабление звучности начинающего слог сонанта, и этим снижается контраст между сонантом и шумным; особенно это относится к вибранту. Для Д. больше, чем для других диалектов, характерно проведение слогораздела через сонорный согласный, что также снижает сонорный эффект начала слога.

Тенденция строить консонантную последовательность по восходящей сонорности в начале слова проявляется менее определенно. С одной стороны, чем длиннее сочетание, тем чаще оно имеет в своем конце сонорный согласный. Но с другой стороны, в начале слова выступают сочетания, понижающие звучность по направлению к гласному, т.е. как бы образующие перевернутую дугу сонорности. Ср. в М.: в начале слова — *мш, мж, мѣ, мх, л'з', л'н', рж, мс'н', мнч, мсѣ, мэд*; в Д. — *мсѣ, ндр, мм, мч', лб, лѳ, л'д, л'ѳ', рж*; в Л. — *мс, мз, мг', лб, л'в, л'з, гв, гв', гд, гз, гз, мгл, гzn, гzv', гzn, гzv'*.

С точки зрения протекания сонорности могут быть сопоставлены конец слога и конец слова.

После слоговой вершины происходит понижение сонорности. Это реализуется по-разному в условиях открытого и закрытого слога. При открытом слоге (CV, CCV) звучность понижается путем затухания протянутого гласного, т.е. в пределах одной артикуляции. При закрытом слоге понижение звучности происходит в виде последовательности нескольких артикуляций.

Консонантное оформление конца слова строится обычно по принципу ненарастаная сонорности, т.е. или на одном уровне сонорности, или на понижении. Этому соответствует сочетание шумных согласных или сонорных с шумными. Повышение сонорности может проводиться конечным сочетанием шумного с сонорным. Однако такие сочетания, если не устраняются вставкой интерконсонантного гласного или утратой сонорного, то преобразуются другим способом, имеющим своей целью снять повышение сонорности в консонантном сочетании в конце словоформы. В М. и Л. — это оглушение конечного сонорного, когда ему предшествует шумный согласный. Ср. в М. — *н'ѣтр, л'ѣтр, ѣнѣтр', н'ѣтр, р'ѣтм*; в Л. — *гѣтм, косм, таѣм, јаѣм, драхм, зѣбр, в'атр, кадр, в'ѣтр, тембр, ф'ѣтр*.

bl'ixtr; характерно произношение искусственного слова *degrt* – как *degr*^А или *degr*.

В Д. устранение повышения sonorности в конечном сочетании достигается приданием слоговости плавному сонанту, когда сонорный в звуковой цепи образует слоговую вершину (подобно гласному), а выбор предшествующего сегмента в этой ситуации не ограничен. При слогоделении сочетание шумного с сонантом образует слог, заканчивающийся гласным – *карáбл'* → *ка/рá/бл'и*, *кр'емл'* → *кр'э/мл'и*, *л'итр* → *л'и/тры*, *д'жáбр'* → *д'и/кá/бр'и*; *в'епр'* → *в'э/пр'и*. Можно заметить, что слоговость сонанта превращает односложное слово в двусложное. Выделение в слоге после сонанта гласного указывает на то, что носители диалекта воспринимают слоговой сонант как содержащий гласные *э, ъ*, которые во всех случаях при слогоделении заменяются гласными *ы, и*.

Таким образом, с точки зрения протекания sonorности начало слога и начало слова не совпадают, поскольку в начале слова может быть спад sonorности перед гласным. Конец же слога и слова типологически сходен – здесь избегается подъем sonorности. Говорим – "типологически", так как конкретная фонетика конца слога и слова различается.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

- 1) в результате падения редуцированных был утрачен параллелизм фонетических контуров слога и односложного слова;
- 2) после падения редуцированных звуковое устройство слога оказалось в сравнении со словом более архаичным – именно в слоге продолжает сохраняться прасл. инерция расположения в сегменте звуков по принципу восходящей sonorности.

Примечания

1 Герштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

2 Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

3 Чехман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

4 Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

⁵ *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

⁶ *Калмык Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

⁷ *Правдин М.И.* Словарное толкование, научность и здравый смысл. ВЯ № 6, 1983.

⁸ *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского языка. М., 1956.

⁹ *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЛАНДШАФТА

В настоящее время международный коллектив диалектологов ряда стран (Российской Федерации, Украины, Молдовы, Венгрии, Польши, Чехо-Словакии, Югославии)¹ завершает большой труд лингвогеографического характера, существенно важный для развития карпатского языкознания² — "Общекарпатский диалектологический атлас" (=ОКДА). За годы работы над ним, начиная с 1973 г., когда на VII Международном съезде славистов была сформулирована идея создания подобного Атласа³, подготовлено пять выпусков⁴, один находится в печати, три последних завершаются и редактируются. Планируется, что к XI съезду славистов публикация Атласа будет в основном завершена. Важно подчеркнуть, что параллельно с составлением и выходом в свет выпусков карт, члены авторского коллектива уделяли и уделяют большое внимание исследованию лексики и семантики диалектов обследованного региона, широко пользуясь при этом поистине уникальными данными самого Атласа⁵.

ОКДА представляет собой атлас нового типа. Это — полилингвальный макроатлас, в задачи которого входит описание и пространственная (=картографическая) интерпретация результатов длительного контактирования и интерференции языков (=диалектов), принадлежащих различным языковым семьям — славянской, романской, финно-угорской и др. — в рамках карпатского ареала как естественного продолжения (и периферии) балканской области. Последняя является очагом одной из древнейших цивилизаций в Европе⁶; в Средние века и позднее в макрорегии имели место интенсивные миграции населения и как следствие — развитие процессов этно-лингвистического взаимодействия, возникновение и укрепление конвергентных тенденций в сфере материального производства, духовной культуры, языка, мировидения и менталитета.

ОКДА в сфере лексики и семантики зафиксировал большое число специфических схождений, преимущественно локального

характера, которые позволяют, с одной стороны, вычлени́ть карпатскую зону *in sensu stricto* (= "карпатизмы"), а с другой, — установить корреспонденции с зоной Балкан (= "карпато-балканизмы")⁷. Эти материалы Атласа важны прежде всего для решения проблем собственно карпатского языкознания⁸, таких, как детальное описание диалектов зоны и типов ее дифференциации, использование лингвогеографических данных в историко-этимологических исследованиях, посвященных карпатской лексике (апеллативы, ономастика). Кроме того, ОКДА, несомненно, позволит на новом уровне наших знаний о лексическом составе осмыслить некоторые общие проблемы теории языковых контактов, применительно к специфике данного ареала.

Вместе с тем очевидно, что ОКДА, как и любой диалектный атлас (тем более многоязыковой), содержит материал для решения и иных, не "запрограммированных" его Вопросником, проблем⁹. Так, по-видимому, сведения, отраженные на картах и в комментариях ОКДА, могут быть изучены в славистическом аспекте (равно как и в романистическом и под.), и в этом случае Атлас имеет значение как особый (ареальный) источник сведений о словаре славянских диалектов карпато-балканской макрзоны. Изучение пространственной дифференциации славянского диалектного континуума в зоне Карпат (и Балкан) в рамках ОКДА важно и потому, что в нем отражены данные, как правило, отсутствующие не только в таких макроатласах, как ОЛА, АЛЕ, но и в национальных и региональных атласах — в силу кардинального отличия Вопросника ОКДА, целенаправленно ориентированного на установление результатов языковых взаимодействий, с одной стороны, и вопросников всех славянских атласов иных типов, формулирующих "традиционные" ареалогические задачи, — с другой. ОКДА эксплицирует различные типы ареалов, изучение которых важно для характеристики карпато-балканского фрагмента славянского лингвистического ландшафта.

1. Специфическим для него, по свидетельству Атласа, является значительное число локальных (микро)ареалов, имеющих во многих случаях маргинальный (по отношению к массиву диалектов того или иного языка) характер, — как следствие не-

посредственных контактов славянского населения со своими соседями. Разумеется, изоглоссы такого типа могут изучаться и по некоторым национальным (украинский, польский, словацкий языки) и региональным атласам (ср., например, для карпато-украинских диалектов труды И.А. Дзендзелевского, П.Н. Лизанца, Я. Ригера, З. Гануделевой, В.П. Латты, также – КДА и др.). Несомненное преимущество ОКДА состоит в том, что особая его направленность позволяет с большой степенью точности изучать ареал тех или иных исконных и заимствованных лексических единиц (и их семантику) одновременно во всех славянских диалектах макрзоны, что особенно важно во втором случае, так как более надежным оказывается установление источника иррадиации заимствования из не-славянского (романского, венгерского и под.) лингвистического пространства, которое отделяет (=разделяет) северную (карпатскую) и южную (балканскую) части Славии и, вместе с тем, одновременно – соединяет их, выступая в качестве медиатора, выявляющего реальность лингвистического "континуитета" в карпатской (и шире – карпато-балканской) зоне¹⁰.

Тип изоглосс, манифестирующих заимствования в славянские языки, объединяет множество вариантов, соответствующих сложной картине сепаратных схождения между Севером и Югом Славии и, по существу, индивидуализированной судьбе каждого иноязычного элемента в славянской языковой стихии. Речь идет прежде всего о заимствованиях из (а) романского и (б) венгерского.

А. Мы не рассматриваем здесь тип ареалов, который охватывает все или большую часть славянских диалектов в Карпатах и на Балканах, поскольку он всегда привлекал внимание исследователей и поэтому изучен достаточно хорошо (ср., например географию лексем +kolьba, +kOI_a stra, +urda, +vatra и под. – Клепикова. 1974); описываются изоглоссы, членящие карпато-балканское пространство в меридиональном и широтном направлениях и эксплицирующие существование микрозон различной конфигурации.

+bYsaG- / +dYsaG- с основным значением 'вид двойного мешка'; источники, пути и время заимствования в языки ара-

ла "остаются неясными" (Sadnik / Hf 5/, S. 321), однако большинство версий исходит из лат. *bisaccium* (<*bis* <*bi-* [более старое *duis*] + *saccus*: греч. *σάκκος*, семит. *šaq* 'ткаль' – М.–Lübke № 1121; Ernout-M. I, 126, II, 1033; Skok I, 156; Machek 32; ЕСУМ 1, 176 и др.). По ОКДА, в славянских диалектах Карпат: укр. *be'sahy*, ср.-, вост.-слвц. *'bisahi*, *vi'sahi* (так же – некоторые этнографические труды: Podolák 159) и вторичные значения – *'bisaha* 'высокий, худой человек' и под., ю.-польск. *bi'sagi* 'коромысло', *bi'saga* 'ленивый' (ОКДА), значение 'двойной мешок' – в иных источниках (ср.: Harniczek II, 90; AJPP № 89; Karłowicz); в моравских говорах, лексема известна, по-видимому, мало (ср. фиксации у: Sadnik). Продолжение "изофонии" находим на Балканах: сх. *bisá:ge*, *bisá:zi*, *bisage*, *bi'sazi* (ОКДА; словари), сев.-вост.макед. *bi'sagi*, упомянем здесь и арум. *bi-saga* в том же значении (Papahagi 210), наконец, *b-*форма – в словенском: *bisaga* 'то же' (Pleteršnik I, 27). Эти формы оцениваются как восходящие прямо или опосредованно к лат. *bisaccium*. Напротив, *d-*формы связаны со ср.-греч. визант. *βισακκίον* (калька латинской формы или трансформация последней в греческом); они отмечены в карпатской зоне лишь в восточно-романских диалектах, а на Балканах, помимо арум. *disagă*, *ti-sagă*, также в славянских: ю.-серб. *di'sazi* (ОКДА; РСА – р-н Пирота, Тимока), макед. *'disak*, *di'sagi*, *disazi* (ОКДА; РМ J) и болг. *дусаги*, *дусасу* (см.: БЕР 1, 396; все словари) (см.: Гануделева, Клепикова 128). Лексема – пример сложности процессов контактирования славянских и неславянских диалектов, что порождало сближения и обособления отдельных групп родственных идиомов; эти процессы эксплицируются на синхронном уровне в рассмотренном выше соотношении ареалов.

Особый случай представляет собой и изолекса, репрезентирующая в славянских диалектах контаминацию двух различных по происхождению романизмов: ⁺*merĕnD-* (: лат. *mĕrĕnda* 'еда' и под., ср. греч. *μερίδα* : *μέρος*, *μερὸς* 'часть' и др. – Пизани 166; см. и: М.–Lübke № 5521, 5522 – *mĕrĕnda*, *mĕrĕndāre* и лат. *mĕrīdies* 'отдых в полдень', *mĕrīdiāre* – М.–Lübke № 5530, 5531) ~ рум. *merende* 'еда' и под. (DLR; диал. *me'rindi* – Молдова – ОКДА), диал. *meréz*, *merézúšŕ* 'место отдыха' (запад – ОКДА),

также арум. *mirindu*, *mirindare* ‘есть, жевать’, *mirinde* ‘еда’ и (а) *miridzu* ‘отдых’, ‘отдыхать’ (Papaagi 688, 94, 799) и истро-рум. *merinde* ‘еда’ (Candrea); из румынского вошло в карпато-славянские диалекты: ю.-польск. *m'e'gyida*, *m'e'gynda* ‘еда’, *m'e-gyzać*, *m'e'reidać* ‘пережевывать’, но и *zam'eryi 'dovać* ‘отдыхать’ (ОКДА; Hemiczek 133) морав. *m'čeryzač* ‘пережевывать’, *m'e-gynda* ‘еда’, зап.-, ср.-слвц. *m'eri'zat*, *m'e'rin'zas* ‘пережевывать’ и ‘отдыхать в полдень’ (редко), *m'erinda* ‘еда’ (ОКДА, Machek 293), укр. *m'e'gyn'z'ati*, *m'e'gyn'z'aty* ‘пережевывать’ (лемк., бойк., закарп., юг, восток, гуцул), *m'e'gind'a*, *m'e'rend'a* ‘еда’ (там же) и ‘вымя’ (гуцул.) и др., ср. бойк. *m'e'gyn'zak* ‘место отдыха’ (ОКДА; ЕСУМ III, 442). На Юге Славии, по данным Атласа, отмечено лишь: хорв. *māre:nda* ‘еда’ (ср.: *mařenda*, *marendāti* – Jurišić 114) и сев.-серб. *m'e'gizu(i)et* ‘отдыхает’ (только *marend'a* ‘еда’ рассматривается в: Skok II, 377); ср. макед. *жерис*, *мирис* ‘место отдыха’ (Клепикова. 1978, с. 123).

[†]*ba'EGa* – по данным ОКДА: ю.-польск. *'ba'aga* (редко) ‘навоз’, укр. (закарп., гуцул., зап.-буков.) *'ba'lega*, *'ba'lega* ‘то же’ (с развитием: ... → ‘грязь на дороге’ (верховья р. Прут)) ~ рум. *baligă* (Vrabie 130; ЕСУМ), которое (также – *băligar* и др.) широко представлено в румынских диалектах – кроме юга (ОКДА), ср. арум., мегленорум. *baligă* (Rosetti II, 108; Papaagi). В балканской зоне лексема зафиксирована в сербских диалектах – *bàlega* (*balega*, *ba'l'ega*) ‘навоз’ и под. (ОКДА; РСА; варианты *bàloga* [Далмация], *bàlaga*, *òblega* [Лика], *gàleba* [Карловац] рассмотрены в: Skok I, 100). Сербские формы, как и румынские, объясняются из алб. *bajgë*, *bagël*, *bagjë* ‘то же’ < *balgë* < **balgũā*, **bolgũā*, ср. греч. βολβρον (Çabej II, 457); впрочем, существуют и иные версии, – в частности, относящие лексему к общему албано-румынскому лексическому фонду (Rosetti); о неясности этимологии: Cioranescu 62–63, также: Skok; ср. сопоставление с лат. *basŭla* ‘маленькая ягода’ – с метатезой и изменением семантики: в румынском – М.-Lübke № 873 и д.т.д.

[†]*bešEG-* (: лат. *vessica* – М.-Lübke № 9276, 9277) ~ рум. *beșică*, *bășică*, *beșică*, *be'šiky* ‘(мочевой) пузырь’, ‘опухоль’ и под. (ОКДА; Rușcariu № 189; Candrea № 141; как наследие “балканской латыни” – Skok I,), заимствовано в славянские

диалекты карпато-балканской зоны: укр. *be'sega*, *by'syga* 'воспаление кожи (=рожа)', 'нарыв', 'лихорадка' (ОКДА; ср. и бойк. *бишига* 'вид тифа', буков. *бешига* 'воспаление' и под.; ЕСУМ I, 186 и др.), на Севере известно также в русских диалектах (*бешига* 'болезнь [=рожа - смол.]', 'опухоль, шишка' [южн., донск.], ср. и: Фасмер I, 163) – пути миграции неясны; о наличии слова в польских диалектах см.: Karłowicz. На Юге: сх. *be'sika* '(мочево́й) пузырь' и под. (ОКДА; РСА), макед. *be'šika* 'то же' (ОКДА), ср. и: алб. *mbišik*, *mēšikē*, *mēshikēz* (подробнее: Бернштейн, Клепикова. 1989, с. 70).

⁺*Zestra* (: лат. *dēxter* 'правый' – М.-Lübke № 2618; *Pușcariu* № 181 и т.д.) ~ рум. *zēstrga*, *zāstre*, *zāstri*, *'zestry* 'приданое' (почти повсеместно, кроме Баната – ОКДА; ср. арум. *zestră* – *Parahagi* ; ср. и.: ДФхр.), заимствовано в диалекты зоны Карпат – укр. *'z'aistrā*, *'zestra* (Вост. Словакия, лемк., буков. – ОКДА; *Vrabie* 130; ЕСУМ 2, 58), словц. (сев.-вост.) *'zajstra*, *'žajstra*, *'d'ajstra* 'то же' (ОКДА; *Nița-Armaș* 100), на Юге – болг. *зестра* (*Rosetti* IV-VI, 126; *Nița-Armaș* 100; БЕР; однако в диалектах фиксируется относительно редко), макед. *зестра* (диал. – FMJ) (подробнее: Бернштейн, Клепикова. 1989, с. 71).

⁺*Albi-* (: лат. *alveus*, *albeus* 'корыто' – М.-Lübke № 392) ~ (дако) рум. *albie*, *'alg'iji* (в большей части диалектов – ОКДА; ср. *Candrea*; *Șogănescu* 18), в том же значении вошло в славянские диалекты карпатского ареала – польск. *'hal'bija*, *'xal'b'ija*, *val'bija* (ОКДА; *AJPP* № 71), морав. *'hal'b'ija*, *'hal'vija*, словц. *'hal'bil'a*, *val'bija*, укр. *val'biika* и под. (Вост. Словакия, бойк. – ОКДА; *Machek* 122; *Vrabie* 128; ЕСУМ I, 64).

⁺*fēG-* (: лат. *filix*, *filice* 'напоротник' – М.-Lübke № 3294, *filicaria* 'то же' – № 3298; *Candrea* № 577 и др.) ~ рум. *fērică*, *fēregă*, *fērice*, *'feriky* 'то же' (центр, запад, Буковина), также арум. *feárică* (*Parahagi* 454), мегленорум. *ferică* (*MALRSn* II, 446) – заимствовано лишь в севернославянские диалекты: польск. *'ferečyna*, *'feresyna*, *pereczyna* 'то же' (ОКДА; *AJPP* № 296; ср. и: *Karłowicz* и др.), *řtoraczyna* 'ежевика' (Подкарпатье – *Perniczek* 102), морав. *'fere'č'ina*, *'feračka*, *'peračyna* 'то же', словц. (сев.-зпн.) *'feračina* (ОКДА; *Machek* 108) (см. Бернштейн, Клепикова. 1989, с. 77).

+buka(ta) (: лат. *buccāta ‘хлебец’ < bucca ‘губы, рот’ – М. - Lübbe № 1358) ~рум. bucată, bucă, bucăţică, bu¹katy ‘кусочек чего-либо’, ‘отрезок, часть’ и др. (ОКДА; ср. Puşcariu № 227; Candrea № 191; Cioganescu 109; арум., мегленорум. bucată – Parahagi и под.), заимствовано в украинские говоры: bu¹kat(k)a (вост.-закарп., гуцул., буков. – ОКДА; также в соседних районах Тернопольской обл. – Vrabie 134; ЕСУМ I, 285; Э. Вrabie указывает на существование лексемы в некоторых русских и белорусских говорах – Vrabie).

Б. Предметом специального интереса карпатологов являются многочисленные заимствования из венгерского языка, и отражение их в том числе в славянских языках ареала (см. труды П. Н. Лянца), а также наличие этих элементов в диалектах к югу от Дуная. ОКДА позволяет выявить географию и описать семантику унгаризмов как исконного происхождения, так и иного (тюркского и под.). Ареалы лексем, представленных ниже, имеют различную величину и конфигурацию.

+Sal AŠ (< венг. szállás – см.: MNyTESz III, 661). По ОКДА: ю.-польск. (зап.) ¹saŋaś, ¹saŋas ‘пастушеская стоянка’, ‘(временная) постройка’, ‘загон’, также ‘стадо’, морав. ¹saŋaś, словц. ¹saŋaś ‘стоянка’, ‘ностройка’, укр. (лемк., закарп., буков. [редко], гуцул.) ¹sa¹ŋaś, ¹salaś, ха¹ŋaś – ‘то же’, ‘дом’, ‘стадо’ (ср. также AGB № 265); на Балканах – ю.-серб. sàla:š, ¹salaš ‘амбар’, ю.-вост.серб. ¹saloč ‘корзина для кукурузы’; по иным материалам: макед. салаш ‘хутор’ (ГМЈ), болг. салаш ‘постройка’, ‘хутор’ [редко], словен. salaš (Pleteršnik) (см.: Клепова, 1974, с. 172).

+НОtar (< венг. határ ‘граница’ и др. < др.-урал. hat – MNyTESz II, 73; иначе – из нем. Potter < Potte ‘корзина, загон’ – Skok I, 666); заимствование в зоне Карпат: ю.-польск. ¹xotar (и: ¹kotar [редко]) ‘участок земли (неурожайной)’, морав. ¹kota:r, ¹kotar ‘граница’, ‘земля (общины)’, словц. ¹xota:r ‘то же’, укр. (закарп., сев.-буков., гуцул.) ¹xc tar, ¹hotar ‘то же’ (ОКДА; АЖР № 3; Sławski II, 9; Machek 160; ЕСУМ I, 576: в некоторых украинских говорах возможно посредство румынского – Vrabie 179). На Балканах ОКДА фиксирует с.-хорв. àta:r, ¹atar ‘земля

общины', 'граница' (редко), макед. ¹atar 'то же'; болг. хотарь – в валахских грамотах – *Sławski*; БЕР). Наконец, следует учитывать широкую представленность в румынском: *hotár*, ²*otár* (ОКДА), считается из славянского (*Skok*, иначе, из венг. *határ* – Тамás 443). Известные преимущественно в южнославянских языках k- формы (сх., болг., словен. *kotar*, *kotara* и др.) иногда объединяются с продолжениями венг. *határ*; иного мнения (**kotarь* < слав. **kotь*) – ЭСЯ II, 199там же – мнение о сев.-слав. *kotar-* как южнославянском элементе; однако нельзя исключить здесь влияние венгерского).

⁺*gazda* (< венг. *gazda* 'хозяйство', 'владелец' и др. < слав. *gospoda* – MNyTESz I, 1038) – широко представлено в севернославянских диалектах Карпатской зоны: польск., морав. словц. ¹*gazda* '(богатый) хозяин, крестьянин' и др. (ОКДА; *Sławski* I, 264; *Machek* 116; ЕСУМ I, 451 в части украинских говоров – из рум. *gazdă*: *Vrabie* 144); также рум. *gazdă* (запад, Трансильвания и Молдова – ОКДА; DLR; Тамás 370). На Юге: сх. *gàzda*, ¹*gazda*, макед. ¹*gazda* '(богатый) хозяин', 'собственник земли' (ОКДА; РСА; FMJ), болг. диал. *gazda* 'то же' (БЕР I, 224; РБЕ); далее словен. *gazda* (*Pleternik*); ср. единичное арум. *gazda* (*Parahagi*) и *gazda* 'собственник земли' (Крушево – *Gořab* 217).

⁺*sErsaM* (< венг. *szersám* 'средство, принадлежность' < др.-урал. *szér* + чуваш. *szám* – MNyTESs 3, 741) – отмечается в некоторых славянских говорах зоны Карпат: ю.-польск. ¹*sarsan* 'упряжь', словц. ¹*serša:m*, ¹*seršam*, ¹*sarsan* 'орудия (ремесленника и др.)', 'упряжь' (редко), укр. (закарп., лемк., бойк., гупул.) ¹*sarsan*, ¹*seršan*, *ser'sam(a)* 'то же' (ОКДА); ср. и рум. *săr-sámurî*, *sorsámurile*, *țarțámurî* 'сельско-хозяйственные орудия' и под. (север, Банат), *săr'sámurî* 'бахрома, тесьма' (Молдова) (ОКДА; Тамás 691).

⁺*darab(a)* (< венг. *darab* 'часть, кусок' и под. – слав. **drobь* или словен., словц. *drob* – MNyTESza I, 593), отмечается довольно редко в славянских диалектах: польск. ¹*darab* 'кусок (хлеба и др.)', (редко) укр. *da'raба* 'то же' и 'часть плота' (ОКДА; ЕСУМ 2, 12), а также ср. рум. (запад, Банат) *darab(ă)*, (Молдова) *darab* 'кусок', 'участок (земли)' и 'стадо' (ОКДА; Тамás).

[†]ča! (< венг. csá, csálé – MNyTESz 1, 463, 473; ср. в диалектах – ča:, ča:le:, 'čel:re, 'čelr: и под. – ОКДА); в зоне Карпат также: ср. –, вост.-славц. ča (и 'hejča, 'hoča), в польских – лишь композиты – 'hejča 'heč(a), 'heča, укр. (закарп., редко – бойк., гуцул., буков.) ča!, 'č'ala; широко – в румынском – ča, ča, čala, čalē и др. (ОКДА; Tamás 183). На Юге Славии ОКДА не отмечает эту лексему.

[†]betec (< венг. beteg- [?,]см.: MNyTESz 1, 290); известно некоторым карпатским диалектам: ю.-вост.-польск. 'beteh (редко) 'болезнь', ю.-вост.-славц. 'bet'ax 'то же', укр. (лемк., вост.-закарп., гуцул.) 'beteh, 'bet'ux 'то же', 'болезненный, слабый' (ОКДА; ЕСУМ 1, 178; beteg a), далее – зап.-рум. beteg, betegág и bet'ag (Молдова) с теми же значениями (ОКДА; см.: Прилужи 136; Tamás). О сх., словен. beteg – Sadnik[5]S. 292.

[†]đohaN (< венг. dohány 'табак' – тюркское заимствование; см.: MNyTESz 1, 653), откуда вошло в севернославянские (=карпатские) диалекты: польск. 'duhov (редко) (ОКДА), славц. (ср., вост.) 'doha:n, 'dohan (ОКДА; Machek 91, там же – сведения о наличии лексемы в моравских говорах), укр. (лемк., закарп.) 'duhan, dou'han, do'han (ОКДА; AGB № 128; ЕСУМ 1, 101), также – зап.-рум. đuhán, dohán (ОКДА; DLR; Cioganescu; Tamás 299). Продолжение изоглоссы (=изолексы) – на Юге Славии (сх. du'va:n, đávan, dŭha:n и др. – ОКДА), однако этот элемент определяется как "балканский турцизм" (Skok I, 454) и, следовательно, не рассматривается в контексте венгерских влияний на славянские диалекты; ср. и алб. du'han 'то же' (ОКДА; Fjalor 96).

[†]vav(a) (< венг. vám перс. wām 'плата' и др. – подробнее: MNyTESz 3, 1084), по данным ОКДА, вошло только в украинские говоры (закарп. – редко, гуцул., сев.-буков.) 'vava 'плата (за помол)' и 'таможня', 'шлагбаум' (ср.и: ЕСУМ 1, 324 – *вал* 'мерка'); почти повсеместно – в румынских диалектах – vavă 'таможня', 'шлагбаум', 'плата' и др. (ОКДА; Tamás 835).

География некоторых других унгаризмов, зафиксированных ОКДА, может быть изучена по: Прилужи 136.

II. Ареалы, представляющие дифференциацию славянских диалектов карпато-балканского лингвистического пространства по собственно славянским лексико-семантическим элементам.

Констатация эксклюзивного характера карпато-балканской лексики опирается на верификацию – путем сопоставления "карпатских" лексем с данными северославянских диалектов, расположенных за пределами макрзоны. Не менее важна указанная процедура и для установления специфики в сфере семантики в карпатославянских говорах. Именно на выявлении семантических сдвигов, происходивших в славянской лексике в зоне Карпат базируется гипотеза В.М. Иллич-Свитыча относительно роли "карпатской миграции славян"¹¹. При изучении изменений в семантике важен учет показаний и неславянских языков ареала, поскольку в ряде случаев в них сохраняются некоторые стадии развития значений, не зафиксированные в славянских диалектах. Специфически "карпатские" явления в сфере лексики и семантики ниже иллюстрируются несколькими примерами.

Лексическим "карпатизмом" (с изолированными южнославянскими параллелями) являются репрезентанты слав. *lěviti (<и.-е. *leu- // lēu-, lāu-) с амбивалентным кругом значений 'приобретать' ~ 'лишаться' (направление семантической эволюции: 'лишаться' → ... 'от-делять от себя' ... → 'уступать, ослабевать, облегчать' и под.) с соответствиями в балтийских и германских языках (подробно: Топоров. 1988, с. 257; он же. Прусский язык. 1991, с. 178; ср.и: ЭССЯ 15, с. 28 и сл.). География и семантика продолжений слав. *lěviti отражена в ОКДА: укр. (бойк., гуцул.) polʹvyty, polivety 'смягчиться (о злом человеке)', 'отступить (о боли)', 'потеплеть (о погоде)' и др., из словацкого – лемк. pol'a'vete, pol'a'veti 'то же' (КДА № 192; ЕСУМ 3, 256); хорошо представлена лексема в словацком: 'polavit', 'pol'avit, pol'avic 'потеплеть', 'полегчать', 'отпустить (о боли)' и 'снизить цену' и др. (ОКДА; также в диалектных словарях – Matejčík 292, Ripka 43, Orlovský 207, 249 и др.; ср.: SSJ); о чеш. levit' (po-, od- и под.) с тем же кругом значений, levký 'дешевый, доступный' – Machek 265; ЭССЯ. В южнославянских диалектах – единичные фиксации, имеющие "пейоративную" семантику: сх. левити 'терять время, бездельничать' (по: ЭССЯ), болг. диал. (Родопы) излѣвѣм се 'становиться плюхим, обманывать' (БД II, 171; вместе с тем банат. леве составители БЕР III, 338 сближают с левам/левкам 'братъ, красть', для

которого в качестве источника указывается греч. λαβαίνω и и т.д.); в поле зрения находятся и болг. диал. *лефкѝ* 'сорная трава' (ю.-фракийск. — БД V, 233), словен. *levka* 'плоды и овоши, не замеченные при сборе' (Pleteršnik I, 515), однако их отношение к слав. *lěviti неясно; сомнительна и связь последнего с русск. *половьѣть* 'терять запах, выдыхаться', укр. диал. (буков.) *ловити са* 'скисать (о молоке)' (см.: ЭССЯ).

[†]*kvar-* (< слав. **kvarь* < и.-е. **kwor-*, *kʰor-*, они связываются с **kyriti*, **kuriti*; признается сомнительным родство со **skvyrna* и др. — ЭССЯ 15, 151, карта; о неясности этимологии слав. **kvarь* < венг. *kár* — MNyTFSz 2, 370). Лексемы с данным корнем достаточно хорошо известны в карпатской зоне: словц. '*kva: rit*' (sa), '*kvaric* 'болеть, недомогать', 'тяжко трудиться', 'беспокоиться' и 'тратить, красть', 'лакомиться' и др. (ОКДА, по иным источникам: *kvaric* 'портить': Земплин — Lipták [ркп]), (po) *kvaric* 'то же' (Бардеёв — Ruffa 170, 199), (po) *kvarat* 'измазать (едой)' (Люпча), *kvarit* 'брать без спросу' и под. (Новоград — Matejčík. 1972, с. 252; *kvar* 'свадебный обычай' — с.235) (SSJ), укр. '*kvarēti* 'пасти скот на чужом поле' (Вост. Словакия), *kvaru'vatu* 'болеть (о человеке, животном)' (гуцул., зап.-буков., вост.-закарп.) (ОКДА; дополнительно см.: КДА № 88 — *квар* 'тяжелая болезнь', 'тяжелая работа' и др.; ЕСУМ II, 414). Иные источники подтверждают наличие данных лексем в моравских говорах: *kvārit* 'trāpit, unavovat' (Kott 47 и т.д.). На Юге — см. болг. *кваря (се)* 'причинять ущерб' (словари; БЕР II, 307 в диалектах — *квар* 'повреждение, болезнь' (Пирдоп — БД IV, 110), *кваря, куваря* 'повреждать' (Банат — Стойков 109) и юд.; сх. *kvar* 'убыток, ущерб, потеря' (Босния и Герцеговина), *kvar* 'тяжелый труд' (Сербия), *kva:riti*, *kvā:rit* 'портить, наносить ущерб' (хорошо известно), 'провиниться' (редко) (Босния и Герцеговина), 'тяжко трудиться', *rokva'ril se* 'тяжело заболел' (Сербия), *kva: rila se* 'сделала аборт' (там же) (ОКДА; ср.: РСА IX, 391: *квар, кваря*; Skok 2, 251); далее словен. *kvar*, *kvara* 'вред, ущерб' (Pleteršnik I, 492). На фоне карпато-балканской лексической параллели выявляется карпатский семантический локализм — словц. *kvārit* 'тратить, красть', 'лакомиться'¹².

Карпато-балканской является словообразовательно-семантическая изоглосса репрезентантов слав. **bezočivъ(jb)* < **bezyъ* &

Adj от *oko : *bezocъь(jь) – ЭССЯ 2, с. 35). По данным ОКДА, ареал деривата *bezocъivъ (jь) охватывает некоторые южнопольские, ляхско-моравские, большую часть словацких говоров, отдельные украинские; на Юге представлены дериваты от *bezocъь(jь): Объединяющим обе зоны является специфическая семантика; сдвиг '(безглазый)'... → 'бессовестный, бесстыдный'... → 'дерзкий, наглый' и под., что отмечено в Карпатах: словц. ¹bezocliví: , ¹prezociví: (единично также в: AJS III, № 41), укр. bezoc'ivujǐ (Вост. Словакия), bezoc'ivujǐ (прикарп., гуцул.) (см. и : КДА № в.304) и на Балканах: сх. bèzo ča:n, bežocan, be zđcan 'то же' (РСА), макед. be'zočen (ОКДА; ГМЈ), болг. bezочен, но и bezочлив (РБЕ I, 499, 500), далее – словен. brezocen 'то же' (Pleteršnik I, 58). На северной периферии ареала зафиксировано дальнейшее развитие семантики, ср., например, ляхск. ¹bezoc'ivuj 'неблагодарный', морав. ¹bezocliví: 'грубый', 'завистливый', также словц. ¹prezocivuj 'жадный до всего'; весьмадалекое от рассмотренных значений – ю.-польск. bezoc'ivuj 'тот, кто боится щекотки', ¹bezuoc'ivuj 'тот, кто говорит, чего не знает'. (ОКДА).

В качестве яркого семантического карпатизма упомянем группу значений у продолжений слав. *gyzdъ, которые в последние годы были предметом исследований¹³. Так, если в севернославянской (=карпатской) зоне эти репрезентанты имеют "пейоративное" значение, ср. ю.-польск. gǐzd 'мусор, грязь, беспорядок' и др., морав. gyzd, gyzdak 'скверный, отвратительный' и под., словц. gyzd(hy zd) 'грязь', z(o)hyzdit 'делать грязным, ругать' – ОКДА, ср. и ганац. zgezdit 'обругать', кладнен. vohyzd 'нечто безобразное' и т.д., то на Юге Славии – противоположное значение, "мелиоративное" (ср. сх. gǐzda, gǐzdaк 'красивый, украшенный' и под., макед. gǐzda, gǐzdaв 'то же', ср. и болг. гиздав, гизда се, словен. gǐzda, gǐzdati se и др.). При этом зафиксированные в ОКДА единичные значения, противоположные господствующим в каждой зоне, не меняют – в синхронном плане – общего соотношения семантических объемов в масштабах карпато-южнославянского макроареала (ср., например: польск. [Самбор] gǐzd 'красивый', ¹gǐzdrać se 'неторопливо наряжаться', макед. [Штип] g'izda 'нечистая женщина').

В сфере номинации преимущественно карпатское явление – названия ‘освещенного солнцем склона горы’ (ОКДА, в.733), основанные на мотивационном признаке «обращенность к солнцу». Зафиксированы следующие карпатоукраинские типы наименований: а) *o'sou'n'a* (< слав. *otъ + *sъln-) (зап.-буков.; в КДА № I также: бойк., гуцул., закарп. *osbŭn'a*, *osbŭn'ə*, *osbŭn'e*) и конструкции: на *oso'n: e*, *do'so'ne* (буков.; КДА; закарп. на *osbŭ'na*), б) вариант с фактическим “удвоением” предлога: *vido'sou'n'a* (...< слав. *otъ + *osou'n'a* | ...< слав. *otъ + *sъln- – см. выше) (зап.-буков.; КДА; гуцул. [*vid*]o'sov'in”), соответственно – конструкции (=наречие?): на *vido'sou'nə* (гуцул., то же в: КДА – на Буковине); в) описательные названия типа *bik ho'gy do'sonc'a* (вост.-буков.). Лексема *осошня* представлена в некоторых словарях (Е. Желеховский, Б. Гринченко), также в диалектных описаниях. Аналогия карпатским наименованиям зафиксирована и за пределами зоны: *осошня* (Пежин), *осошня* (Винница, Житомир), *осошня* (Кировоград, Киев, Днепропетровск) (Марусенко 59), *відсо́ня* (Черниговская обл. – Черепанова[рпк]). Иное в русском: *усолонь* ‘тенистое место’ (Фасмер IV, 172), *посолонь* ‘по ходу солнца’ (там же III, 340, ср. сх. на *orosun* < на + ро + sъln-) ср. и др.-русск. *осонье* ‘тенистое место’ (Преображенский 291). Данный мотивационный признак («солнце») присутствует и в диалектных названиях других районов Карпат, однако в принципиально иных номинационных моделях, ср. польск. *do'suńca* [*stó'nečna* 'strona], морав. на *slunku* [*slu:nečni strana*] ,слвц. *do'slon'a* [*slnečna: strana*] и под., лишь сх. *prásu:ncu* [*sŭbčana: stra:na*] и др. (ОКДА). Тот же тип мотивации (= “внутренняя форма”) зафиксирован в румынских диалектах, которым известны описательные конструкции с лексемой *soare* (при литер. *făța dealului* ‘солнечная сторона’ ~ *dosul dealului* ‘тенивая ~’): *dăspre suăre* (=от солнца), *îm făța soărelui* (п. 886), *î făța suăr'li* (п. 531 [при *n-ăjunzi suăr'li* ‘тенивая ~’], пп. 728, 872 [при *la spătele soărelui* ‘тенивая ~’], 29), ср.и: *făța sprelui* (п.272), *dim'parteă suărelui* (п. 876), *pe părtea asta-i suăre* (п. 848), *părția dî făța suăr'li* (п. 386), [*o*] *ars-o suăr'li*, *î făța suăr'li* (п. 537 [при *n-o pîrl'it suăr'li* ‘тенивая ~’]) и др. (ALR sn III, 819; ОКДА)¹⁴; иные варианты описательных названий и в славянских говорах

на территории Румынии: болг. *tam i slănți* (п. 48), *pițe slănțitu* (п. 991), сх. *faž ózli sn̄ta* (п. 25); ср. нем. диал. *z̄nzet* (п. 143), *zonzāji* (п. 249) (ALR).

Данный случай карпатославяно-румынского номинационно-го параллелизма позволяет допустить, что результатом славяно-неславянских контактов в лексико-семантической сфере являются не просто заимствования (= кальки), но и более сложные интерференционные процессы, приводящие к возникновению некоторого числа общих для ряда генетически гетерогенных диалектов фрагментов семантической структуры – путем ориентации на единую модель номинации, – в рассмотренном выше случае с базовым мотивационным признаком «обращенность к солнцу»¹⁵. Подобная интерпретация тем более заслуживает внимания, что в настоящее время именно материалы ОКДА позволяют выявлять все новые и новые примеры наименований такого рода. Ср. карпато-балканские названия «уздечки, недоуздка», использующие «внутреннюю форму» «голова» – так, хорошо известны в этом значении дериваты от слав. **golva* (ЭССЯ 6, 221) (ю.-польск. *ʹogunf*, морав. *ʹohla:f*, слов. *ʹohla:fka*, *ʹohlavec*, укр. (на) *hol o-vac*, *nahotounyk*, сх. *ʹogla:v*, *ʹoglav*, макед. *ʹoglav*, болг. *оглаф*, *оглавник* – ОКДА; Младенов 226) и рум. диал. *săritea*, *sărațnă* и под. (ALR sn II, 291; ср.: *Sandrea* № 237, 239; *M.-Lübke* № 1668 и др.); представлен в славянских и румынских диалектах и иной тип семантического сдвига: «голова»... → «то, что похоже на голову» – для обозначения «головки колеса» (ср.: репрезентанты слав. **golvina* – ЭССЯ 7, с. 9 и рум. диал. *sărațnă* [юг] – Семчинский); наконец, тот же мотивационный признак «голова» (со сдвигом... → «то, что под головой») использован в славянских и румынских названиях «подушки»: ю.-польск. *zoʹgnovek*, морав. *ʹzhlavec* и др. (в том числе южнославянские) ~ рум. *kăpăʹtyj* (юг, восток Молдовы) (ОКДА). Некоторые другие примеры описываются в литературе, посвященной анализу материалов Атласа¹⁶.

Помимо эксклюзивных лексико-семантических явлений, рассмотренных выше, для характеристики славянского диалектного ландшафта в зоне Карпат(и Балкан) важно привлекать и явления, имеющие значительное распространение в масштабах всей

или большей части Славии. В этом случае карпатский ареал, демонстрирует значительную степень дифференцированности. Данные Атласа, в частности, подтверждают и реальную противопоставленность по многим явлениям Севера и Юга в целом, и сложную картину корреспонденций между ними.

Так, лишь в зоне Карпат быгуют репрезентанты слав. *kadlbbь, *kadylba (← *ka-dylbtī – ЭССЯ 9, 115), ср. польск. kadup, kaduba ‘сруб колодца’, ‘деревянный сосуд’, морав. ka'džubek ‘то же’, словц. 'kadlup, укр. 'kadup, 'kadoub, 'kad'ir ‘то же’ (ОКДА). Не переходит на Юг изолекса +kol'ska, очерчивающая все украинские, большую часть польских и словацких говоров (ср.: польск. ko'ujaska, словц. ko'liska, укр. ko'leska, ko'lyiska и под.); лишь на западе зоны фиксируются репрезентанты +kol'Evka (польск. ko'lupka, морав. ko'l'ipka, kol'e:pka, словц. 'kole:pka), которые соотносятся с южнославянскими формами: сх. kóli:vka, kólijevka, макед. ko'lepka, ko'lefkа (ср.: ЭССЯ 10, 129–130). Из преимущественно севернославянских элементов упомянем и репрезентанты +č()rak (см.: ЭССЯ 4, 158), которые зафиксированы в различных фонетических вариантах с основными значениями ‘(большая) ложка, половник’, ‘(деревянный) сосуд’ и др. в славянских диалектах зоны (также ср. венг. диал. 'č'εrak; в диалектах Молдовы: 'š'jog'pak, čerpak. На Юге, в иной словообразовательной форме, – вост.-серб. cgrас, другие варианты – также в Македонии: cgral'ka, cgralka (подробнее: Ripka 45). ОКДА относительно редко фиксирует и лексемы с корнем *хуž- (ср.: ЭССЯ 8, 165) – польск. хуža, хуš, морав. ху:š, словц. xiža, укр. хуža, хыža (также – в говорах Молдовы: хыž, хызы – юг); на Юге, по данным Атласа, – лишь вост.-серб. iža ‘дом’ (представлено в словарях – RJA и в иных источниках), болг. xiža и под. оценивается как новое (ОКДА – архив; ср.: РСБКЕ), однако как будто есть в диалектах (запад, Тырново – Enrietti 736); словен. hiša, hiža (Plateršnik I, 267, 269).

Близка по характеру к перечисленным и лексико-“морфологическая” изоглосса +oboga (Северная Славия) ~ +obog (Юг; кроме того, заимствовано в румынский: obog; венг. aboga < укр. оборіг, также влияние обора – МНУТЕS z 1, 90) (см. также: Клепикова. 1974, с. 180, к. № 13).

Иной тип членения славянского диалектного пространства макрзоны манифестирует следующий пример, также лексико-морфологического характера: $^+ko\check{s}ara$ (украинские, болгарские, македонские диалекты) \sim $^+ko\check{s}ag$ (остальные диалекты Севера, ср. также в румынских и венгерских), при этом дополнительно обследованная территория дифференцируется по семантике – ‘загон, огороженное место’ (север, юг макроареала) \sim ‘помещение для скота, хлев’ (юг) (общеславянский контекст см.: Клепикова. 1974, с. 188, к. 12).

Развитие славянской лингвистической географии и создание атласов различных типов заложили основу для специальных ареалогических исследований, посвященных тем или иным языковым уровням, в том числе лексике и семантике. Пространственная характеристика отдельных лексем, лексических групп, принадлежащих к определенным терминологическим разрядам или объединенных общностью распространения, является важным компонентом штудий диахронического (=сравнительно-исторического, этимологического, глотто- и этногенетического) и синхронического планов. Первое из этих направлений связано с реализацией идей В.М. Иллич-Свитыча о роли “карпатской миграции славян” (см. выше), а также с работами Н.И. Толстого, посвященными латеральным (=архаическим) и центральной (=инновационной) зонам Славии, и некоторыми другими учеными.

В последние годы исследования подобного рода все шире привлекают и материалы многоязыковых атласов, таких как ОКДА и – пока в меньшей степени – ALE. Эти данные, с одной стороны, уточняют установленные типы изоглосс (ареалов), а, с другой, – выявляют новые, еще неизвестные в науке, поскольку макроатласы отражают географию и семантику тех лексических единиц, которые как правило не включались в вопросники славянских национальных атласов. Вместе с тем накопление сведений ареалогического характера вовсе не предопределяет сближения точек зрения на перспективы интерпретаций все более усложняющейся картины славянского диалектного ландшафта¹⁷.

Несомненно, синхронное описание лингвистических ареалов, их каталогизация и квалификация по определенным параметрам (конфигурация, величина, динамика, центральность / маргинальность, монолингвистичность / полилингвистичность и др.) позволяет приблизиться к решению проблем временной стратификации соответствующих явлений – определять хронологию инноваций, заимствований и т.д. Вместе с тем ареальный (=диалектографический) метод выступает как вспомогательный; выявляемые с его помощью типы дифференциации лингвистического ландшафта Славии в дальнейшем должны анализироваться с привлечением иных данных (ономастики, показаний памятников письменности, а также других дисциплин гуманитарного цикла).

Примечание

¹ До 1986 г. в коллективе ОКДА были и лингвисты Болгарии. В дальнейшем их материалы были отозваны из Атласа, поэтому болгарская диалектная зона представлена в настоящем докладе эксерпциями из иных источников.

² О карпатском языкознании как особом разделе языковедческой науки в ее ареалогической проекции см.: *Глепикова Г.П.* Карпатское языкознание – состояние и перспективы международного научного сотрудничества // *Зарубежная историография славяноведения и балканистики.* М., 1986. С. 13.

³ *Бернштейн С.Б.* Проблемы интерференции Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // VII Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

⁴ ОКДА. Вопросник. М., 1981; ОКДА. Вступительный выпуск. Скопје, 1987; ОКДА. Вып. I, II, III (Кишинев, 1989; М., 1988; Warszawa, 1992).

⁵ Библиография работ по карпатскому языкознанию и ОКДА отечественных ученых публиковалась Е.И. Можяевой в изданиях: СБЯ. М., 1975; Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978; Лексика в ОКДА. М., 1989. Из зарубежных авторов наиболее активно выступают по вопросам карпатистики Д. Петрович, Я. Сятковски, Я. Ригер, И. Рипка, З. Гануделева, Б. Очкова, Л. Балог и некоторые другие.

6 Применительно к балканской зоне см., например: Топоров В.Н. Балканский макроконтекст и древнебалканская энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI Межд. конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 3 и сл.

7 Подробнее о связи обеих зон см.: *Клепикова Г.П.* К проблеме взаимоотношений языков центральной и периферийной зон в балкано-карпатском ареале // ОЛА. Материалы и исследования. 1982. М., 1985.

8 И – шире – карпатистики (= карпатоведения) как круга наук гуманитарного цикла, исследующих Карпаты комплексно; ср. аналогично – "балканское языкознание" ~ "балканистика".

9 О "незапрограммированных" результатах ОКДА см.: *Калынь Л.Э., Клепикова Г.П.* К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1989, № 3. С. 93.

10 Существенно при этом понимание "пространства границы" между славянским и неславянским мирами в данном регионе как связи, средостения между "своим" и "чужим": "...понятие границы апеллирует не столько к разграничению и ограничению, сколько к срединной абсолютной, всеобщей связанности (разр. наша – С.Б., Г.К.) многого и разного на потребу единого и главного, которым может быть только целое" (*Топоров В.Н.* Функция границы и образа "соседа" в становлении этнического самосознания" // Сов. славяноведение. 1991, № 1. С. 29, 31).

11 Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. ОЛЯ АН СССР, 1960, № 3. О роли этой гипотезы на современном этапе развития науки см.: *Клепикова Г.П.* Карпатское языкознание и ОКДА.П. // Лексика в ОКДА. П. М., 1992. С. 115.

12 См.: *Клепикова Г.П.* → // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity J. Komenského. R. XXVI. Bratislava. 1977.*

13 Обзор их см.: *Овчинникова Е.Н.* – // Лексика в ОКДА. I. М., 1989.

14 *Siatkowski J.* Der Atlas der karpatischen Mundarten // *Zeitschrift für Dialektologie u. Linguistik. LVIII. Wiesbaden, 1991.*

15 Ср. применительно к балканской ситуации: "...похожесть не означает унификации, а непохожесть не опровергает наличия

на глубинном уровне единой структурной схемы" (*Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979. С. 249, 265). И далее: "...одинаковое существует в различиях, а единственное иррадирует в разное, обращаясь там непременным образом" (*Она же.* Лингвистические основания балканской модели мира. М., 1990. С. 68, 70).

16 См. также коллективный доклад Редколлегии ОКДА XI Международному съезду славистов в Братиславе (в печати).

17 Можно напомнить различные точки зрения, существующие в отношении перспектив специальных ареалогических разысканий в славистике. Ср., с одной стороны: "...при увеличении материала, числа изоглосс, взаимоотношения отдельных поясов и соотнесенных зон будут, надо полагать, проясняться и упорядочиваться" (разр. наша. — *С.Б., Г.К.*) (*Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии". М., 1977, с. 54). С другой стороны: "...знаком первоначальной пестроты славянской миграции к Западу, Югу и Северо-Востоку является пестрота лексических изоглосс... невероятно мозаичных и затрудняющих восстановление древней диалектной картины, которая предвляла языковую нивелировку новых этнолингвистических славянских конгломератов Запады, Юга и Востока. Чем дальше идет работа над ЭССЯ, тем более стойким делается впечатление мозаичности (разрядка наша. — *С.Б., Г.К.*) внутриславянских изоглосс. Концепции вроде карпато-полесского пояса диалектных изоглосс... просто тонут в той праславянской сложности, которую дают сплошные ряды древних соответствий славянской лексики (*Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 64—66). По-видимому, оба приведенные выше суждения справедливы в части дескриптивной. Основная задача, однако, состоит в анализе и детальном изучении синхронно зафиксированных изолиний и ареалов.

Сокращения

Бернштейн, Клепикова. 1989 — *Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П.* — В: Материалы к VI конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1989. Гануделева, Клепикова — *Гануделева З., Клепикова Г.П.* — В: Лексика в ОКДА. II. М., 1992; КДА — Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; Клепикова. 1974 — *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974;

Клепикова. 1978 – *Клепикова Г.П.* – В: Македонски јазик. ХХХ, Скопје, 1976; Марусенко – *Марусенко Т.В.* – В: Полесье М., 1967; Младенов – *Младенов М.* – В: СБЯ, 1975; Пизани – *Пизани В.* *Etymologia paregra* // Этимология. 1973. М., 1975; Прилози – *Прилози.* МАНУ. ХХIII/1. Скопје, 1988; РБЕ – Речник на български език. I –. София, 1977 –; РМЈ – Речник на македонскиот јазик. I–III. Скопје, 1961–1966; СБЯ – Славянское и балканское языкознание. М.; Стойков – *Стойков С.* Лексиката на банатскиј говор. София, 1968; Топоров. 1986 – *Топоров В.Н.* Вокруг "лютого зверя" // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988; Топоров – *Топоров В.Н.* Прусский язык. А–D ... М., 1977–1990; Черепанова – *Черепанова* (ркп); AGB – *Atlas gwar bojkowskich.* I.–Warszawa-Kraków... 1980–; AJPP – *Mađeckí M., Nitsch K.* *Atlas językowy Polskiego Podkarpacia.* Kraków, 1934; ALE – *Atlas Linguarum Europae*; ALR – *Atlas lingvistic român.* Serie nouă. I.–. București, 1956–; ASJ – *Atlas slovenského jazyka.* III. Bratislava, 1981; Buffa – *Buffa F.* *Narečie Dihej Lúky v Bardejovskom okrese.* Bratislava, 1953; Candrea – *Candrea I., Densușianu O.* *Dicționarul etimologic al limbii române.* București, 1907–1914; Cioranescu – *Cioranescu A.* *Diccionario etimológico rumano.* La Laguna, I.–, 1959; Çabej – *Çabej E.* *Studime etimologjike në fushë të shqipes.* II. Tiranë, 1976; DExp – *Dicționarul explicativ al limbii române.* București, 1975; DLR – *Dicționarul al limbii române.* I.–. București, 1913–; Enrietti – *Enrietti M.* *Slavi *xysŭ/ *xyzŭ 'casa, capanna'* // *Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti della Cl. di scienze morali, storiche e filologiche.* XXVIII. Roma, 1974; Ernout-M. – *Ernout A., Meillet A.* *Dictionnaire étymologique de la langue latine.* Paris, 1951; Gořab – *Gořab Z.* *The Arumanian Dialect of Krusevo.* Skopje, 1984; Herniczek – *Herniczek-Morożowa W.* *Terminologia polskiego pasterstwa górskiego.* II–III. Wrocław..., 1976; Jurišič – *Jurišič B.* *Rječnik govora o. Vrgade.* II. Zagreb, 1973; Lipták – *Lipták S.* (ркп.); MALR – *Micul atlas lingvistic român.* I–III. București, 1956–1967; Matejčik – *Matejčik J.* *Leksika Novohradu.* Martin, 1974; M.-Lübke – *Meyer-Lübke W.* *Romanisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, 1935; MNYTESz – *A Magyar nyelv történeti etimológiai szótára.* I–III. Budapest, 1967–1976; Nița-Armaș – *Nița-Armaș S.* – В: *Romanoslavica.* XVI, 1968; Papahagi – *Papahagi T.* *Dicționarul dialectului aromân general și dialectal.* București, 1963; Podolák – *Podolák J.* *Pasterstvo v oblasti Vysokých Tatier.* Bratislava, 1967; Pușcariu – *Pușcariu S.* *Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache.* Leipzig, 1905; Ripka – *Ripka I.* – В: *Studia slovac.* R. 18, c. 1. Bra-

tislava, 1983; Rosetti – *Rosetti A.* Istoria al limbii române. I-VI. București, 1964–1966; Tamás – *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966; Vrabie – *Vrabie E.* – В: Romanoslavica, XIV. București, 1967.

Остальные сокращения в издании ИРЯ РАН "Этимология".

РОЛЬ КАРПАТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СЛАВЯН
ПОЗДНЕПРАСЛАВЯНСКОГО ПЕРИОДА В СВЕТЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

О важности региона Карпат в этногенезе славян позднепраславянского периода нам уже приходилось писать достаточно развернуто¹. Именно в границах карпатского ареала и теснейшим образом примыкающего к нему географически и, главное, культурно-исторически Балканского п-ова разворачивался сценарий последних веков славянского этногенеза в дописьменную эпоху. Этот период с полным правом может быть назван историческим, так как практически на всем своем протяжении он фиксируется письменными памятниками ранневизантийской эпохи, т.е. историко-филологическими источниками. Другое важнейшее обстоятельство заключается в том, что собственно исторические данные согласуются в очерченной зоне, вплоть до полного совпадения, с показаниями археологии и лингвистики. Именно в карпатском ареале и сопредельных ему с севера и северо-востока районах выявляются реальные пространственные и временные точки отсчета в абсолютных величинах как для ретроспективного (праславянский период), так и проспективного (исторический период) изучения процессов славянского этногенеза.

Исторический период, обеспеченный прямыми письменными источниками (в небольшой реконструкции), начинается на рубеже V–VI вв. н.э. и совпадает с началом славянизации Балкан, что совершенно естественно, так как набеги славян на Империю не могли не фиксироваться ранневизантийскими историческими хрониками и другими сочинениями подобного жанра. Работа с такого рода источниками значительно облегчена после выхода в свет "Свода древнейших письменных известий о славянах", т. I, I–VI вв. (М., 1991; далее – Свод), содержащего эксерпты оригинальных текстов, параллельные переводы, сведения об авто-

рах и рукописной традиции и подробные исторические и филологические комментарии. Можно указать следующие историко-филологические источники относительно самых ранних дат упоминания славян под их теперешним названием (оно же самоназвание) $\Sigma\kappa\lambda\alpha\beta\eta\nu\omicron\iota$, *Slaveni*² и соотносимых с ними по времени территорий распространения. Речь идет о бесспорной дате самого первого письменного сообщения о славянах, реконструируемой на основе знаменитого пассажа из "Тайной истории" Прокопия Кесарийского: "Иллирик же и всю Фракию, считая от Ионийского залива до предместий Византия, включая и Эладу и область херсонесцев, гунны, склавины и анты /разорjali/, совершая набеги почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, /и/ творили ужасное зло тамошним людям" (*Historia arcana*, XVIII, 20)³. Этой датой может быть только 527 г., когда, по общепринятому мнению, Юстиниан воссел на византийский престол⁴. Другой важнейший пассаж у того же Прокопия, а именно, *Bella*, VI, 15, 1–2 повествует о том, что одна из двух частей герулов, потерпевших, вероятно, в первом десятилетии VI в.⁵ поражение от лангобардов, "решили отнюдь не переходить реку Истр, но осели где-то на самых окраинах обитаемой земли" (имеется в виду о. Фуле – совр. Скандинавия), при этом предварительно "они прошли поочередно все племена склавинов", естественно в направлении на север. Отсюда наиболее вероятная гипотеза о местопребывании славян уже на рубеже V–VI вв. в Полабье и части Словакии приблизительно на территории между Моравой и Гроном⁶.

Соответственно, относительно территории расселения славян (склавинов и антов) к середине VI в. имеется прямое и достаточно однозначно толкуемое свидетельство в "Гетике" Иордана: "Славяне (*Slaveni*) пребывают от города Новиетуна и озера, которое называют Мурсианским, вплоть до Данастра и на север до Вискы; вместо городов они живут в болотах и лесах. Анты же, которые суть самые сильные из них, там, где Понтийское море изгибается, простираются от Данастра вплоть до Данапра; эти реки отстоят друг от друга на много переходов" (*Iord. Get.*, 35; перевод – *Л.Г.*). Не углубляясь в подробности локализации Мурсианского озера и города *Novietunens* (согласно наиболее

устоявшемуся мнению, античн. *Noviodunum* – совр. Исакча в нижнем течении Дуная, см. комментарий Т. Моммзена к *Iord. Get.*, 163, с готской адаптацией начального согласного второго компонента – кельт. *-dunum* в *-tunum* по германскому передвижению согласных, ср. Свод, с. 133), отметим неизбежную схематичность географических свидетельств Иордана, заимствованных им у Кассиодора (приблизительно конец первой трети VI в.). Очерченный Иорданом регион является неотъемлемой частью (в проекции к югу) территории расселения славян в позднепраславянскую эпоху уже после распада праславянского языкового единства, но фактически до заселения славянами Балкан, т.е. районов к югу от Дуная. В это же время, согласно надежным свидетельствам Прокопия, славяне вместе с гуннами уже занимали значительные пространства севернее Дуная. Имеется в виду известное свидетельство Прокопия, что среди конных воинов Мартина и Валериана "больше всего было гуннов и склавинов и антов, которые обретаются (*ἄβρουχι*) за рекой Истром, недалеко от тамошнего берега (*Bella V*, 27, 2, ср. VI, 26, 19⁷).

В аспекте междисциплинарных данных об этногенезе славян позднепраславянского периода особое значение приобретают лингвистические факты, так как в кругу гуманитарных дисциплин, занимающихся проблемами дописьменной истории, только лингвистика обладает относительно точной процедурой ретроспективной реконструкции. Краеугольное значение для решения имеющихся задач исследования очерченного ареала приобретает особая лингвистическая дисциплина – карпатское языкознание, возникшее и развивающееся в последние 25 лет на стыке балканистики и славистики⁸. Предметом исследования этой дисциплины в узком смысле является выявление лексико-семантических изоглосс, пролегающих, если говорить только о славянском компоненте, как через современные славянские диалекты Карпат, так и через исторические (южнославянские языки). Синхронному описанию изоглоссного континуума были посвящены два фундаментальных труда: "Карпатский диалектологический атлас" (М., 1967) и "Общекарпатский диалектологический атлас", т. I-II (Кишинев – М., 1988-1989), – оба выполненные под руководством С.В. Бернштейна. Задачи диахронической интерпретации данных

изоглосс призван решить "Карпатский ареально-этимологический словарь", составляемый авторами доклада совместно с М.А.Осиповой и Т.Ф.Семеновой в Институте славяноведения и балканистики РАН. Стержнем и основой данного словаря является совокупность карпатоукраинско- (и шире — карпатославянско-) южнославянских изоглосс, особым образом маркированных для всей концепции карпатского и южнославянского глотто- и этногенеза, разворачивавшегося в раннесредневековый период на глазах истории.

Ниже приводится фрагмент словника Карпатского ареально-этимологического словаря, дополнительный к опубликованному ранее⁹.

*ban'a в знач. 'минеральный источник': карп.-укр. баня с.-хорв. баня

*berkyni 'рябина': карп.-укр. берекня, польск. brekinia, чеш. břekyně, словц. brekyňa ~ болг. брѣкня, с.-хорв. брѣкня

*bitka 'драка': карп.-укр. битка, чеш. bitka, словц. bitka, в.-луж. bitka, польск. bitka ~ болг. битка, с.-хорв. битка, словен. bitka

*bli skavica 'молния': карп.-укр. блисканиця, чеш. blýskavice, словц. blýskavica, польск. błyskawica ~ болг. блисканица, с.-хорв. блискавица, русск. диал. блесканица, полесск. блысканиця

*boba, *bobica в знач. 'ягода': карп.-укр. боба ~ с.-хорв. боба

*(sə)bučьka 'маслобойка': карп.-укр. збушка, словц. zbuček ~ болг. бучка, с.-хорв. бучка, бѹшка

*bъselinъkъ 'пасека': карп.-укр. пчолънок ~ с.-хорв. пчѣлняк

*bъlkъ/*bъlčъ 'яма в ручье под водопадом, омут': карп.-укр. бовч, словц. blk, польск. betk, betch ~ с.-хорв. бѹх, ср. рум. bilc, bălc

*balvanъ в знач. 'камень, скала': карп.-укр. бовван, боловане, польск. balwan, чеш. balvan, словц. balvan, bolvan ~ болг. балван, мак. балван, с.-хорв. балван, ср. венг. bálvány, рум. bolovan, bălvan

*capica в знач. 'пчелиная матка': карп.-укр. царіца ~ болг. царіца, ср. русск. диал. царіца

**sicati* 'сосать грудь': карп.-укр. *сѣцати*, словц. *sicat'*, чеш. *sícať*, польск. *sysać* ~ болг. *сѣцам*, мак. *сѣца*, с.-хорв. *сѣцати*

**srkati* 'дойть тонкой струйкой': карп.-укр. *сѣркати*, чеш. *srkatí* словц. *srkať*, н.-луж. *сѣркаѣ* ~ болг. *сѣркаж*, ср. русск. диал. *сѣркажь*, рум. а *şircuî*

**šerpa'a*, *šerpa* 'черенок, крышка посуды': карп.-укр. *чєрєпѣя*, словц. *šerpa* ~ болг. *чєрєпѣя*, мак. *чєрєпѣя*, с.-хорв. *чрєпѣя*, словен. *šerpnja*, *šerpja*

**čisto* в знач. 'полностью, совсем': карп.-укр. *чѣсто*, словц. *čisto*, *čiste* ~ болг. *чѣсто*, с.-хорв. *чѣсто*

**čulii se* 'прижать уши': карп.-укр. *чѣлими(ся)*, словц. *čuliti*-*sa* ~ болг. *чѣля*, мак. *чули*, с.-хорв. *чѣлиши*, ср. рум. а *ciuli*

**čul(ъ)ъ* 'корноухий': карп.-укр. *чѣла*, *чѣлий*, словц. *čul'a*, *čul'a*, чеш. *čulá*, *čulka*, польск. *ciula*, *czuła* ~ болг. *чул*, мак. *чулав*, с.-хорв. *чѣла*, *чѣла*, ср. рум. *ciul*, *ciulă*

**čvrst(ъ)ъ* 'черствый': карп.-укр. *чєврєстий* ~ болг. *чєврєст*
**do* в знач. 'кроме, только': карп.-укр. *до* ~ болг. *до*, с.-хорв. *до*

**čvrbna* 'внутренности': карп.-укр. *дѣя*, *дѣьва кишкѣ* ~ болг. *дѣьѣж*, *дѣьѣшник*, словен. *čvrba*, *čvrbna*

**dičubnje* в знач. 'животное': карп.-укр. *дѣчѣбие* ~ болг. *дѣчѣбие*, ср. рум. *dihanie*

**žzviŕgъ* 'пропасть, яма': карп.-укр. *жєзѣро* ~ болг. *жєзѣр*

**žza* (вар. к **žga*) 'ведьма': карп.-укр. *жєя*, *жєѣбаба*, чеш. диал. *ja za*, польск. *jedza*, *idza* ~ болг. *жєжа*, с.-хорв. *жєжа*, словен. *jeza*

**gatji* 'мужские штаны': карп.-укр. *гѣчи*, словц. *gate*, *gače*, чеш. *hase*, *gat'e*, польск. *gacie* ~ болг. *гѣщи*, мак. *гѣчи*, с.-хорв. *гѣче*, словен. *gača*, ср. русск. *гѣчи*, венг. *gatyá*, рум. *gate*

**(o)gladi/adlo* 'зеркало': карп.-укр. *гѣдѣло* ~ болг. *оглѣдало*, с.-хорв. *оглѣдало*, ср. русск. диал. *гѣдѣлка*, *гѣдѣльце*, рум. *oglindă*

**gněsati* 'мять': карп.-укр. *гѣнѣсати* ~ с.-хорв. *гѣнѣсати*

**godina* в знач. 'дождь': карп.-укр. *гѣдина* ~ мак. *гѣдина*, с.-хорв. *гѣдина*, словен. *gōdina*

**godovъn'akъ* 'откармливаемое на убой животное': карп.-укр. *гѣдѣвѣж* ~ с.-хорв. *гѣдѣвѣж*

**golsiti* в знач. 'оповещать': карп.-укр. *голбсити*, чеш.

hlásiti, словц. *hlásit' ~* с.-хорв. *гласити*, словен. *glasiti*

**gora* в знач. 'лес': словц. *гора*, чеш. диал. *hora ~* болг. *гора*, с.-хорв. *гѡра*, словен. *góra*

**gpsi* в знач. 'скрипка': карп.-укр. *гѣсла*, *гѣсли*, словц.

husle, в.-луж. *husla*, н.-луж. *gusle*, польск. *gęśle ~* с.-хорв.

гѣсла, *гѣсле*, словен. *góslí*

**grěška* 'ошибка, пропуск при пахоте': карп.-укр. *грѣшка ~* болг. *грѣшка*, с.-хорв. *грѣшка*

**gun'a* в знач. 'вид верхней одежды': карп.-укр. *гѣня*, словц.

huňa, чеш. *houňe*, *huňa*, польск. *gunia ~* болг. *гѣня*, мак. *гунѡа*,

с.-хорв. *гѣнь*, ср. русск. диал. *гѣня* 'лохмотья'

**хотѣв* знач. 'сени и др. хоз. помещения': карп.-укр. *хорбми*, *хорѣмци ~* с.-хорв. *трѡм*, словен. *hram*, ср. русск. диал.

хорбмы, блр. *харбм*

**хора*, **хоравъ* 'шероховатость (-ый), неровность (-ый)':

карп.-укр. *трѡпа*, (*хрѡпавий*, словц. *гара*, чеш. *chrápu*, н.-луж.

chróra ~ с.-хорв. *хрѡпе*, словен. *hrára*

**ъздѣмити* 'исчезнуть': карп.-укр. *зѡдѣмити ~* с.-хорв. *зѡдѣмити*

**кладѣн'a* 'копка из снопов': карп.-укр. *кладѣня ~* болг. *кладѣня*,

с.-хорв. *кладѣња*, ср. рум. *clăie*, русск. диал. *кладѣня*

**klevetati* в знач. 'бранить': карп.-укр. *клеветати*, чеш.

klevetati ~ болг. *клеветѣ*, с.-хорв. *клеветати*, ср. русск. диал.

клеветѣть, *клеветѣтъ*

**кошница* в знач. 'улей', 'плетеный амбар для кукурузы':

карп.-укр. *кошниця*, чеш. *košnice*, словц. *košnica*, польск. диал.

kosznica ~ болг. *кошница*, мак. *кошница*, с.-хорв. *кошница*, ср.

рум. *coșniță*

**крѣтати* в знач. 'двигать': карп.-укр. *крѣтати*, *крѣнути*,

чеш. *křátati*, словц. *kriatat'sa*, польск. *krztać się*, н.-луж.

kšétaš ~ болг. *крѣтам*, с.-хорв. *крѣтати*, словен. *krétati*

**квасъ* в знач. 'минеральная вода', 'щавель': карп.-укр.

квас, словц. *kvas*, польск. *kwas ~* болг. *квас*, с.-хорв. *квѡс*, мак.

квас

**квоцька* в знач. 'созвездие Плеяд': карп.-укр. *квѡчка*,

кльчка, словц. *kvočka*, *коѣка*, чеш. *kvočka*, польск. диал. *кво-*

- zka ~ с.-хорв. *квѣчка*, словен. *kvěčka*, ср. рум. *cloșcă*
 **ľdvica* ‘поясница, почка’: карп.-укр. *лѣдвица*, ст.-польск.
ľdzwica ~ с.-хорв. *лѣдвице*, словен. *ľdvica*
 **лѣдѣникъ* ‘покрывало на кровать’: карп.-укр. *лѣжник* ~ мак.
ложник
 **ľutiti* (*se*) ‘сердить(ся)’: карп.-укр. *лѣтити*, ст.-чеш. *ľutiti* ~
 болг. *лѣти*, мак. *лѣти*, с.-хорв. *лѣтити*, словен. *ľjutiti*, ср. русск.
 диал. *лѣтитъся*
 **ľznuti* ‘поцеловать’: карп.-укр. *узнѣти* ~ с.-хорв. *лѣзнѣти*
 **ľzъko* в знач. ‘может быть’: карп.-укр. *лѣко* ~ болг. *лѣко*
 *(*za*)*mal(ъk)o* ‘чуть не’: карп.-укр. *мѣло* ~ болг. *мѣло*,
 с.-хорв. *зѣмало*
 **modlitivati* ‘давать имя новорожденному’: карп.-укр. *мо-*
лѣтвати ~ болг. *молѣтва*, ср. русск. диал. *молѣтвить*
 **муха* в знач. ‘пчела’: карп.-укр. *мѣха* ~ болг. *мѣха*, с.-хорв.
муха, ср. русск. диал. *мѣха*
 **naprasъnъjъ* в знач. ‘внезапный, неожиданный’: карп.-
 укр. *напрасний* ~ болг. *напрасен*, с.-хорв. *напрасан*, ср. русск.
 диал. *напрасный*
 **natъšće sъrdъse* ‘натошак’: карп.-укр. *натѣще сѣрце* ~
 с.-хорв. *натѣше сѣрца*, ср. полесск. *натѣшосѣрце*
 **nin(ъ)ati* ‘спать’: карп.-укр. *нѣнати* ~ с.-хорв. *нѣнати*
obkylaviti ‘заболеть грыжей’: карп.-укр. *окилавити* ~ с.-хорв.
ѡкилавети, ср. полесск. *окилавѣты*, русск. диал. *окилѣ(ве)тъ*
 **opleče* в знач. ‘женская сорочка’: карп.-укр. *оплѣча*, слвц.
орпеско ~ болг. *оплѣшки*, с.-хорв. *ѡплѣче*, *ѡплѣчак*
 **osvѣnuti* ‘быть застигнутым рассветом’: карп.-укр. *ос-*
винѣти ~ с.-хорв. *освѣнѣти*, ср. русск. диал. *освѣнѣтъ*, полесск.
освѣнѣти
 **obvolkъ* ‘окно’: карп.-укр. *ѡболок*, *ѡблак*, *ѡблок*, слвц.
oblok, польск. диал. *ѡвѡк* ~ болг. *ѡблак*, с.-хорв. *ѡблок*, словен.
oblok, рум. *obloc*, венг. *ablak*
 **obrastъ* ‘снег, снежная мгла’: карп.-укр. *ѡпастъ* ~ с.-хорв.
ѡпѣст
 **ostatъnъ* ‘последний’: карп.-укр. *ѡстѣтнѣй* ~ болг. *ѡстѣтен*,
 ср. русск. диал. *ѡстѣтнѣй*
 **ostrъva* ‘палка с сучьями, вокруг которой формируют стог’:

- карп.-укр. *острева́*, словц. *ostrva, ostrev*, чеш. *ostrev*, польск. диал. *ostrew* ~ с.-хорв. *òстрва*, ср. русск. диал. *острбевь(е)*
- **pakъ* 'потом, же': карп.-укр. *пак*, словц. *pak*, чеш. *pak*, польск. *pak* ~ болг. *пак*, с.-хорв. *пак*, ср. русск. диал. *пак*
- **pastyrъ* в знач. 'пастух': карп.-укр. *пастыр*, словц. *pastier*, польск. (книжн.) *pasterz* ~ болг. *пастыр*, с.-хорв. *пастыр*
- **pekati* 'ругать': карп.-укр. *пекати* ~ болг. *пекѣ, пѣкам*, ср. оусск. диал. *пекѣтъ*
- **pelvъn'a* 'помещение для соломы': карп.-укр. *пелѣвня*, чеш. мор. *plěvňa, plevník* ~ болг. *плѣвня*, с.-хорв. *плѣвѣна*, ср. русск. диал. *пелѣвня, пелѣвня, пелевница*
- **pitati* 'кормить ребенка' карп.-укр. *питати*, чеш. *pitati* ~ с.-хорв. *питати*, словен. *pitati*, ср. русск. диал. *питѣтъ*
- **pleso* в знач. 'горное озеро': словц. *pleso*, чеш. *pleso* ~ с.-хорв. *Pleso*
- **rogacъ/-a* 'вид лепешки': карп.-укр. *погач(а)*, словц. *ragáč*, чеш. *ragáč* ~ болг. *погѣча*, мак. *погача*, с.-хорв. *погача*, ср. рум. *pogace*, венг. *pogacsá*
- **potreba* в знач. 'свадьба': карп.-укр. *потреба* ~ болг. *потреба*, с.-хорв. *пѣтреба*
- **praskati* 'трещать, лопаться (о почках)': карп.-укр. *прѣска-ти*, словц. *praskati* ~ болг. *прѣскам*, с.-хорв. *прѣскати*, словен. *praskati*
- **prěsъnъ(jъ)* в знач. 'приятный': карп.-укр. *прѣсний* ~ болг. *прѣсен*
- **prętati* в знач. 'нарывать', 'сквашивать молоко': карп.-укр. *прѣтати*, словц. *prati*, чеш. *prati*, польск. *przysać* ~ с.-хорв. *прѣтати*
- **prítvorъ* 'сени': карп.-укр. *притвор*, польск. *przutow* ~ болг. *прѣтвор*, мак. *притвор*, с.-хорв. *прѣтвор*
- **prologъ* 'горная долина': карп.-укр. *пролиг* ~ болг. *прѣблиг*, с.-хорв. *прѣлог*, *Прѣлог*
- **(jъz-/y-)puliti* 'вытаращить, выпучить (глаза)': карп.-укр. *вѣ/ипулити, пѣулити*, словц. *puliti* ~ болг. *пѣуля*, с.-хорв. *пѣулити*, *испѣулити*, ср. русск. диал. (у)пѣулиться, полесск. *пѣулытьсѣ*
- **rozblōka* в знач. 'разница, различие': карп.-укр. *розлѣука*, словц. *rozluka* ~ словен. *razlōka, razdōk*

**raztoka* ‘рукав реки’: карп.-укр. *ростька*, польск. *roztoka*, чеш. *raztoka*, словц. *rāztoka* ~ болг. *рѣзтока*, с.-хорв. *рѣстока*, ср. рум. *răstoacă*, русск. диал. *растька*

**riśakŕjé* ‘праздник Ивана Купалы’: карп.-укр. *Русѣли* ~ болг. *Русѣли*, с.-хорв. *Рѣсаље*, *Рѣсѣли*

**slěro oko* ‘висок’: карп.-укр. *сліне око* ~ болг. *слѣно око*, с.-хорв. *слијено око*, словен. *slera oka*

**slěra myš* ‘летучая мышь’: карп.-укр. *сліна миш* ~ с.-хорв. *слијени миш*

**solpъ* ‘водопад’: словц. *slap*, чеш. *slap* ~ болг. *слав*, с.-хорв. *слѣп*, словен. *slāp*

**sqpręgъ/-ža* в знач. ‘упряжка волов’: карп.-укр. *сопрѣжа* ~ болг. *сѡпрѣж*, мак. *сопраси*

**sujeta* в знач. ‘печаль, несчастье’: карп.-укр. *суѣта* ~ болг. *суѣта*, с.-хорв. *сѣјета*

**sverbigъzъ* ‘шиповник’: карп.-укр. *свербилѣз* ~ болг. *сѣрбилѣзка*, с.-хорв. *сѣрбилѣз*, ср. русск. диал. *свербилѣз*

**šъrotъ* ‘водопад’: карп.-укр. *шѣнит*, *шѣнит*, польск. *szepot* ~ с.-хорв. *шѣпѣт*, мак. *шенот*, ср. рум. *șipot*

**tvъrdo* в знач. ‘очень’: карп.-укр. *тѣрдо* ~ болг. *тѣрдо*

**tъrskati* ‘дергать, трясти’: карп.-укр. *тѣрскати* ~ болг. *тѣрскати*

**větriti (sę)* в знач. ‘нюхать’: карп.-укр. *вѣтрилися* ~ с.-хорв. *вѣтрили*

**zarōva* ‘обрыв’: карп.-укр. *зѣрва*, словц. *zarva* ~ с.-хорв. *зѣравѣн*, ср. рум. *zarvă*

**zvonъ* в знач. ‘часть’: карп.-укр. *дзвѣн* ~ мак. *звон*

**želъ* в знач. ‘долина, ущелье’: карп.-укр. *жѣлоб*, чеш. *žleb*, словц. *žlab* ~ мак. *жлеб*, с.-хорв. *жлѣб*

Примечания

¹ Гиндин Л.А., Калужская И.А. Реконструкция карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных

семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991. С. 14–36.

² Свод. С. 127.

³ Свод. С. 203.

⁴ Ср.: *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Указ. соч. С. 16; также Свод. С. 247.

⁵ *Баришић Ф.* О најстаријој прокопијевој вести о славенима // *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1953. Књ. 2. С. 25, ср.: Свод. С. 210 с обширной литературой.

⁶ *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Указ. соч. С. 16; ср.: Свод. С. 212 – комментарий С.А. Иванова с определенной долей предвзятости.

⁷ Свод. С. 177, 209 и сл.; специально об этих пассажах у Прокопия см.: *Гиндин Л.А.* Проблемы славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // *Вестник древней истории*. 1988. № 2.

⁸ О содержании и истории карпатистики см.: *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Указ. соч., С. 19 и сл.

⁹ *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Указ. соч. С. 24–36, там же о принципах формирования словника.

О КОНЦЕПТЕ ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА И СОВРЕМЕННОЙ БАЛКАНИСТИКЕ

"Балканистика, камо грядеши?", "Существуют ли вообще балканизмы?" "Балканистика на распутье" и т.д. – сомнения такого рода постоянно сопровождают балканистику, и в последнее время звучат весьма настойчиво. Повороты темы могут быть разными, но в конце концов они сводятся к неудовлетворенности самим концептом "языковой союз" (ЯС), что, впрочем, сопровождает этот термин с того самого времени, когда, введенный Н.С. Трубецким, он прочно вошел в обращение, воспринимаясь при этом прежде всего (если не исключительно) в связи с балканским языковым союзом (БЯС). Шлейф сомнений – в лучшем случае – и нападок заставляет прибегнуть к своего рода апологии балканистики с тем, чтобы не только оправдать ее право на существование, но и показать, что это не есть механическое объединение под типологической крышей различных дисциплин, которым это, едва ли не насильственное действие, ничего не прибавляет.

С глубоким почтением вспомнив заслуги предтеч балканистики, тех, кто стоял у ее истоков (Тунман, Миклошич, Иокль, Вейганд и другие) и особенно отметив классический труд К. Сандфельда "Балканская лингвистика. Проблемы и результаты"¹, ни в какой степени не устаревший за тридцать с лишним лет, обратимся к вкладу Трубецкого, который явился по сути дела не только основоположником балканистики как самостоятельной теоретической дисциплины, но и автором программы ее развития. В свое время эта программа была недооценена, да и просто не услышана; впоследствии же оказалось, что балканистика пролагает свой путь по вехам и указаниям, намеченным Трубецким.

Однако в данном случае мы начинаем не с теории языковых союзов, легкой в основу балканской лингвистики (лингви-

стика же стала отправной точкой для возникновения балканистики, которая – в широком и современном понимании ее предмета – занимается составлением цельной "общеевропейской" картины мира из мозаики частных "балканских", принадлежащих народам Балканского п-ова, в силу разных обстоятельств находящихся в состоянии контакта), а с понятия *личности*, которое Трубецкой считал одним из самых важных прежде всего в рамках евразийства. Личностью он считал не только отдельного человека и не только народ, но и целую группу народов (*многонародная личность*), создавших, создающих или могущих создать особую культуру. Проявление личности есть ее индивидуация. Одновременными индивидуациями многонародной личности являются входящие в нее народы. Для многонародных личностей связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится рассматривать это физическое окружение как продолжение данной многоличностной личности. Личность неповторима и неразложима, но между отдельными личностями существуют общие черты, природные или вызванные сожительством; поэтому можно говорить об их духовном родстве.

Эти мысли высказаны Трубецким в его книге "К проблеме русского самопознания"² и, конечно, ориентированы прежде всего на Россию. Мы не будем здесь останавливаться на истоках и контексте этих идей у Трубецкого, упомянем лишь, что здесь явно нашла отражение философия всеединства Владимира Соловьева, в частности, понятие единого различия человека и человечества. При анализе русского воплощения многонародной личности для Трубецкого было важным разъяснение, выделение составляющих: восток и запад, иранский, туранский, финноугорский элемент и т.д. Балканское же воплощение многонародной личности, с которым Трубецкому пришлось соприкоснуться поневоле (биографически), поставило перед ним, как представляется, проблему синтеза, когда неповторимые и неразложимые личности вырабатывают столь высокую степень духовного родства, что можно говорить об образовании особого рода единства. И вполне органично изучение этого единства бы-

ло начато с уровня языка как строительного элемента личности, как инструмента особого рода, являющегося одновременно и субъектом, и объектом творчества, формирующим картину мира, менталитет, культуру и формируемым всеми неязыковыми или внеязыковыми сферами существования и деятельности человека.

Поэтому столь плодотворным в кругу этих идей оказался введенный Трубецким концепт ЯС, предполагавший рассмотрение ограниченного ареально языкового сообщества как единой системы с особым строением и особыми закономерностями развития, вытекающими из свойств самой системы. С сожалением приходится повторить, что именно в балканистике идеи Трубецкого были не просто недооценены, но в большей части непоняты. Было воспринято определение ЯС как некоей внеположной данности-реальности; отсюда, очевидно, возникло стремление и к опровержению данности, и к критике самого определения. Тем самым был упущен основной и сокровенный смысл концепта ЯС – его принципиальная конвенциональность (не в философском, а в словарном значении слова). Концепт ЯС – это инструмент анализа, открывающий новые измерения языкового пространства, новые интерпретации языковых процессов (прежде всего конвергенции и дивергенции), новые параметры классификации языков (и новые повороты ареальной типологии и лингвистической географии), т.е. новый языковой хронотоп. Конвенциональность концепта ЯС подчеркивается здесь в опровержение плоско-позитивистского вопроса "а как это на самом деле?", вопроса, который заводил и, к сожалению, продолжает заводить балканистику (и не только ее) в тупик эмпирии – описания "реальной жизни", "повседневного опыта" и т.п.

Концепт ЯС вызвал к жизни идею общей системы БЯС, представленной в виде особого рода языка-посредника, также сугубо конвенционального. Сама эта мысль возникла по двум основаниям. Во-первых, актуальность для Балкан проблемы языка-посредника (почему он, казалось бы, столь нужный, в реальности не состоялся) побуждала к поискам какой-то замены конкретного языка иным средством общения, объединяющим "балкан-

скую жизнь". Во-вторых, к поискам такой системы подталкивала сама теория ЯС. Когда же такого рода грамматический язык-посредник, описывающий балканский синтаксис, был сконструирован, и оказалось, что синтаксические структуры разных балканских языков достаточно естественно и органично вписываются в некую единую схему (притом не слишком сложную), стали проступать такие свойства БЯС, которые, на первый взгляд, если не опровергали эту схему, то во всяком случае ставили ее целесообразность под сомнение³.

Конструкции, образующие общую схему, оказались более чем обычными, так сказать, самыми средними (анализм, слияние родительного и дательного падежей, замена инфинитива "балканским конъюнктивом" и т.п.). Тем самым подтверждалась неуникальность балканизмов, их "растекание" по небалканским языкам, – то, что выдвигается оппонентами теории ЯС в качестве довода против этого концепта. Действительно возникает соблазн подстроить под схему БЯС какой-нибудь другой, небалканский, язык, что, как будто, и получается. Но в том-то и тайна БЯС, что его уникальность создается монтажом неуникальных элементов.

Необычное возникает из обычного потому, что сам монтаж построен на соединении контрастных принципов: противопоставление элементов друг другу, с одной стороны, – их сосуществование, перетекание друг в друга и, в конце концов, слияние, с другой. Бинарные оппозиции, лежащие в основе описания БЯС, так сказать, классифицирующие его материал, формируют особый способ анализа предмета, приводят к своему собственному отрицанию. Это отказ от бинаризма в пользу амбивалентности, которая лежит в основе той "балканскости", о которой речь пойдет далее. Амбивалентность иллюстрируется, например, следующим: с одной стороны, конвенциональный язык-посредник опирается на онтологическую реальность, поскольку общность балканских языков имеет в основе не только единую структуру, но и некоторый "объединенный" инвентарь для ее воплощения; с другой стороны, это обстоятельство ни в коем случае не означает унификации балканских языков.

Напротив, чем доказательнее выстраивается общее в БЯС, тем ярче выступает индивидуальность, неповторимость, не-смешиваемость каждого из них. Эта ситуация потребовала введения особого критерия описания, и им стала оппозиция *похожесть/непохожесть*; суть в том, что она дает возможность описывать балканские языки одновременно и как *похожие*, и как *непохожие* друг на друга. Таким образом вырабатывается особый статус БЯС, когда *похожесть* не означает одинаковости, а *непохожесть* не опровергает наличия единой структурной схемы. Простота синтаксической схемы БЯС, обеспечиваемая высокой степенью совпадения синтаксических конструкций в балканских языках, заставляет с особой остротой ощутить их сугубую разность и увидеть в этом симбиозе *похожести/непохожести* основную жизненную силу БЯС: пока актуален этот симбиоз, актуален и БЯС. В этом и состоит сама жизнь балканских языков, ее динамика, кипение балканистических процессов, выплескивающих за пределы непосредственных контактов.

В конце концов оказывается, что наиболее фундаментальные схождения возникают как бы из нуля, что в основе их лежит не субстанция, а интенция, приводящая в движение внутренние ресурсы каждого члена БЯС. Такое генерирование общности изнутри стимулирует и противоположный процесс – сохранение исторических и генетических корней, живое ощущение своего прошлого, которое воспринимается как гарант сохранения собственной индивидуальности/*непохожести* и тем самым, как гарант будущего. Противоположные тенденции не опровергают, а усиливают друг друга, следование правилам не отрицает свободы, единство не означает одинаковости, а различие не свидетельствует об отсутствии единства.

Едва ли не при первом подходе к БЯС ощущается потребность перейти пределы языка, т.е. узко лингвистического аспекта, и обратиться к тому, что можно назвать "балканской ситуацией". Она, в свою очередь, может быть сформулирована как единство противоположностей, как монтаж уникального из неуникальных элементов, как утверждение бинаризма и отказ от него в пользу амбивалентности. Это отсылает к глубинному

слою, охватывающему весь сложный комплекс духовной жизни Балкан, к проблеме коммуникации в рамках оппозиции *я/другой*, оппозиции универсальной, но в условиях Балкан приобретающей особый, балканский колорит.

Переход к внелингвистическому уровню не означает расставания с языком, однако теперь язык рассматривается не только как универсальный инструмент коммуникации и описания картины мира, но и как ее семантическая основа, как особый, более того, уникальный код модели мира (ММ). Уникальность его отношений со своим "работодателем" – ММ – состоит в том, что они в одинаковой степени влияют друг на друга, формируют и структурируют друг друга. Язык не просто выполняет "дескриптивное задание", подчиняясь ММ, но и сам в процессе описания влияет на нее, параллельно воспринимая, уже опосредованно, свое собственное влияние. Тем самым язык начинает выступать как важнейший фактор культуры, как хранитель и создатель культурных ценностей; лингвистический уровень ориентирует на выход за свои собственные границы, и это ощущается как насущная задача современной балканистики, которая свыклась с идеей балканской модели мира (БММ) еще до того, как она была "узаконена".

Мы не ставим задачу дать точную формулировку концепта БММ, – в частности, потому, что, по крайней мере пока, это было бы прокрустовым ложем. Как кажется, некое общее представление, обозначение каких-то существенных и достаточно масштабных признаков будет более плодотворным, чем поиски точного определения, понимаемого (в терминологическом смысле) как ограничение. Поэтому здесь предлагается по виду тавтологичная формула БММ, ее, так сказать сигнатура: основной и определяющий признак БММ – то, что все, включенное в нее, приобретает признак "балканскости" (балканистичности, *балканского*).

БММ актуализирует понятие *балканцы*, в которое вложено и нечто большее, и нечто иное, чем указание на "место жительства", и понятие *балканский менталитет*. Как и в случае языкового уровня, первое же соприкосновение с каждым членом этой

многонародной личности, т.е. с каждым балканским народом, раскрывает его глубокую индивидуальность, *непохожесть*, вплоть до контрастности; в той же мере эта *непохожесть* питается и высвечивается глубинным сходством. Этим контрастом, оппозицией *тот же самый/иной*, которая оборачивается тождеством – *иной* и есть *тот же самый* (эту же оппозицию переформулировать в *я/другой, свой/чужой*, с таким же взаимодействием оппозитивов) и начинаются Балканы. Архетипическая ММ в принципе антропоцентрична, поэтому анализ БММ ориентирован на человека как точку отсчета, и этот человек – *homo balcanicus*, для которого оппозиция *я/другой* имеет особое преломление.

Поразительна разработанность самосознания в рамках БММ: она позволяет почти моментально проходить ступени от *балканца* – предельно общего понятия, делящего мир по правилу дихотомии (все остальные – *не-балканцы*), до понятия предельно узкого – *я сам, мой дом*, чему противопоставляется ближайший *сосед*, а весь мир представляет *своя махалá*.

Эти метаморфозы возможны потому, что у БММ есть надежный фундамент, и таким фундаментом является особо острое чувство исторической непрерывности, преемственности, чувство исконной принадлежности к своему локусу. Балканский менталитет укоренен в прошлом. Не случайно концепт "вечного возвращения" был разработан Мирча Элиаде, которого в определенном смысле можно назвать образцовым *homo balcanicus*. Не случайно ключевой балканский эпос, "Одиссея", представляет собой возвращение, обратный путь в *свое место* и в *свое время*, восстановление того, что было утеряно и упущено в безумном пути вперед, к чужой Трое. Это – противопоставление другому, также средиземноморскому (но не балканскому) эпосу-путешествию, "Энеиде", где путь обращен вперед, в будущее. Балканцы же черпают свое будущее в прошлом, оно является конечной целью длинного пути, соответствующего проживанию жизни; прожить жизнь означает вернуться к ее истокам, как об этом говорит Кавафис в стихотворении "Итака":

Когда задумаешь отправиться к Итаке,
молись, чтоб долгим оказался путь...

.....
Пусть в помыслах твоих Итака будет
Ковечной целью долгого пути.
И не старайся сократить его, напротив,
на много лет дорогу растяни,
чтоб к острову причалить старцем —
обогащенным тем, что приобрел в пути,
богатств не ожидая от Итаки.

Какое плаванье она тебе дала!
Не будь Итаки, ты не двинулся бы в путь...⁴

И когда балканцы называют свой прорыв к независимости, к новому обретению государственности и новому этапу в формировании национального самосознания Возрождением, то в этом снова можно видеть обращенность на себя, на свои этнические, культурные и исторические корни, на восстановление распавшейся *связи времен*. Вполне понятно, что наиболее надежным гарантом сохранения непрерывности и наиболее явным доказательством тождественности самому себе, средством утверждения личности, индивидуальности является язык, т.е. *родной язык*. Отсюда столь характерная для БММ острота отношения к языку, восприятие его как основного национального богатства. Язык — это центр, в котором сходятся история, духовная культура, сама жизнь, т.е. все ценности, которые обеспечивают прочность своего *Я*.

Повторим, что механизм БММ основан на уникальном монтаже неуникальных составляющих. Уникальность эта поддерживается еще и тем, что речь идет о конгломерате разных ММ, которые, оставаясь самими собой, создают нечто единое, и оно, это единое, является и большим, и новым. БММ — это некая, постоянно создающаяся целостность, порождающая *иное*, преобразующая материал, который, казалось, не давал на это никаких надежд, будучи вполне обычным. Целостность БММ, существующая лишь на основе *разного*, различия, оказывающегося тождест-

вом, тождества, оборачивающиеся различием, – все это создает перед участниками балканского диалога (вернее, полилога) многообразные пути для ухода от выбора *да/нет*, т.е. от однозначности, определенности. Так создается особый статус амбивалентности, когда ответ заключает в себе возможность одновременного согласия – *да + нет* – и одновременного отрицания – *не да + не нет* – и при этом отказа от неопределенности *ни то, ни се* или *ни да, ни нет*.

Представляется, что ключ этой семантической ситуации – все в том же специфически балканском преломлении оппозиции *я/другой (свой/чужой)*. *Другой* в БММ многообразен; это – *другие*, и многообразность обеспечивается не только численным умножением, но и тем, что *другой*, или *чужой*, легко становится *своим*, так же как и *свой* – *чужим*. Это меняет и взгляд на самого себя – прочное *Я* дробится и, в свою очередь становится многообразным. Таков случай Диониса-Загрея, которого можно считать прототипом *homo balcanicus*. В толковании неоплатоников, Дионис, взглянув в зеркало, т.е. на самого себя, был поражен дроблением своего отражения, – тем, что его *Я* распалось на множество *Я*, одновременно и разных, и одинаковых. Расчленение, распыление Диониса, его *μερισμός*, сосуществующий с собиранием и воскрешением в ипостаси прежнего *Я*, единственность этого события и его циклическое повторение, т.е. вечное возвращение, как кажется, может служить и метафорой, и формулой БММ.

Мысль Трубецкого о связанности многонародных личностей с физическим окружением весьма актуальна для балканского контекста. Это связанность БММ с балканским пространством, ее обусловленность этим утесненным, сжатым в причудливую лабиринтообразную структуру пространством, где особо значимым становится измерение по вертикали, т.е. *высота* (горы) и *глубина* (море), а малость территории преодолевается постоянным движением по сложным, окольным ("балканский бриколаж", в терминах Леви-Стросса) путям, заведомо убегающим от простоты и прямоты, затрудняющим достижение *своего* и постоянно сталкивающим *разное*.

Это пространство, содержащее в себе громадную энергию, в то же время создает и невероятную эмоциональную нагрузку, что чрезвычайно сильно и точно сказано И. Андричем в рассказе "Письмо, датированное 1920 годом", трагически отзывающемся сейчас: балканец бежит из родного города (в данном случае это – Сараево), не в силах выносить то сосуществование *разного*, при котором каждый признает только *свое*, а всё вместе создает атмосферу почти материализованной ненависти, тем более сильной, что она сочетается с *твердой верой, возвышенной стойкостью характера, умением любить и жадной справедливости*: "Соотношение между вашей любовью и вашей ненавистью точно такое же, как между вашими высокими горами и в тысячу раз превосходящими их невидимыми геологическими наслоениями, на которых они покоятся... Ибо в этой отсталой и бедной стране, в которой, теснясь, живут четыре разных религии, нужно в четыре раза больше любви, взаимопонимания и терпимости, чем другим"⁵.

На первый взгляд кажется, что мы отошли от темы концепта ЯС, – но только на первый взгляд. Напротив, мы последовательно идем за Трубецким, для которого лингвистика (и соответственно концепт ЯС) входила в комплекс дисциплин, или, вернее, в комплексную дисциплину, которую он называл *этнософией*: туда включались география, антропология, этнография, статистика, история, история искусств, литература и т.п. – все, что является предметом изучения современной балканистики. Именно таким образом, с помощью этого сложного инструмента может быть раскрыта *многонародная личность в ее физическом окружении*; в нашем случае это – балканская картина мира.

Примечания

¹ Sandfeld C. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. P., 1930.

² Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 3–7.

³ См. об этом в книге автора "Синтаксическая структура балканского языкового союза." М., 1979.

⁴ Пер. С. Ильинской.

⁵ *Андрич И.* Письмо, датированное 1920 годом // *И. Андрич.* Мост на Дрине. М., 1985. С. 435, 436.

КОСМОСОФИЯ
России, Польши и Болгарии

9.4.90. Занимаясь более четверти века описанием национальных миров (см.: *Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988; Он же. Национальные образы мира // Вопросы литературы. 1987. № 10*, где сопоставлены Италия, Англия и Америка, и др.), я выработал некоторую методологию, с помощью которой удается улавливать и трактовать различия и реконструировать национальные модели мира, системы ценностей, особенности души и логики.

В нижеследующей публикации я даю некие тезисы по России, схему Польского образа мира и сопоставление России и Болгарии. Так проступят три образа мира: особенности каждого рельефнее прочертятся, когда их больше соположено будет даже просто рядом.

Космософия России

8.2.90. Удивительно, как гадавшим о судьбах России не приходило на ум спросить ее природу: чего она хочет, какой бы истории она могла желать от народившегося на ней человечества? Все русские мыслители, чертавшие ей модели развития, — от Чаадаева до Шафаревича — думали в рамках ИСТОРИОсофии. То есть брали некие схемы развития и устройства обществ, которые сказались на поверхности земли за тысячелетия цивилизаций, и прилагали эти карты к России, раскладывали ей пасьянсы. "Западники", "славянофилы", "соборность", "православие и католицизм", "Византизм и Славянство", "Россия и Европа", "народ-богоносец", "Развитие капитализма в России", "Русская идея", "Евразийство", "Социализм", "Русофобия" — все берут некие надземные готовности вокруг России и принимаются ими соображать насчет нее. Так это и в нынешних страстных публи-

цистико-политических спорах: "что нам менять и брать?"... Будто страна и ее природа есть некая пассивная безгласность и безмысленность, и просто материал-сырье истории в переработку. Но ведь уже устройство природы здесь есть некий текст и сказ: горы или море, лес или степь, тропики или времена года — это же все некие мысли бытия, сказанные словами природы!

Историо-софия есть "мудрость Истории": какие строи и общества она разыгрывает на территории данной страны как на экране, исходя из своих ценностей. Космо-софия, что я развиваю, — есть "мудрость Космоса". Природа страны понимается как Природина Народу, который ей и Сын, и Супруг. Культура, что возникает в ходе их сожителства за историю, есть чадородие их семейной жизни. Природа есть текст, скрижаль завета, что Народ должен прочитать, понять и реализовать в ходе Труда, в творчестве культуры на сей земле. Причем Труд и культура восполняют то, чего не дано стране от природы. Каждая национальная целостность есть Космо—Психо—Логос, то есть тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления находятся во взаимном соответствии и дополнительности друг к другу.

"Русь! Куда же несешься ты?" "Что пророчит сей необъятный простор?" Писатели-художники, поэты чуяли излучения воли и смысла от Русского Космоса и пытались угадывать их значения. Пушкин, Гоголь, Тютчев, Блок, Есенин, Пастернак... Но чистые умники: философы, политики, даже историки (чуть есть о русской природе в начале "Историй" Соловьева и Ключевского...) как-то решали за Россию без хозяйки. Не говорю уж о МРАКсизме, который будто уж "материализм", а совсем не любит "Матушки-природы", который попросту налагает схемы своих пяти всеобщих формаций и не ждет милостей от природы, а насилует ее...

Ныне ахнули: что сделали с природой! — и возникло слово "экология". Но оно, научненькое, — тоже гуманистично-эгоистично: будем жалеть природу, как рачительный хозяин жалеет кобылу, не загоняет конягу в усмерть. Нет — вернуться к благоговению перед Природой как сокровищницей сверхидей тайного разума! Это умели и первобытные народы, и древние философы.

Вот и я, строя Космо-софию, прибегаю к натурфилософскому языку четырех стихий. "Земля", "вода", "воз-дух", "огонь", понимаемые расширительно и символически, — суть слова этого языка, его "морфология", а его "синтаксис" (вос-связь всего — "религия") — Эрос (любовь). На этом языке и принялся я читать национальные миры, в том числе и Россию, ее природу, историю, культуру, литературу и мысль.

Но для начала дам некую схему Русского Космоса. Россия — мать-сыра земля, то есть "водо-земля" по составу стихий. И она — "бесконечный простор": Пространство тут важнее Времени. Беспредельность — аморфность. (Для сравнения — Космос германства: тут первоидеи — "огне-земля", форма, труд, и Время важнее Пространства, которого, "жизненного", не хватает...) Россия — огромная белоснежная баба, расползающаяся вширь: распростерлась от Балтики до Китайской стены, "а пятки — Каспийские степи" (по образу Ломоносова). Она, выражаясь термином Гегеля, — "субстанция-субъект" разыгрывающейся на ней истории. Очевидно, что по составу стихий ее должны восполнить "воз-дух" и "огонь", аморфность должна быть восполнена формой (предел, границы), по Пространству должно врубиться работать Время (ритм Истории) и т.д.

Это и призвано осуществлять Мужское начало здесь. Природина—Россия—Мать рождает себе Сына — русский Народ, что ей и Мужем становится (как Гея—Земля в греческой мифологии рождает себе Уран—Небо, что ей тоже и Сын, и Супруг). Его душа — нараспашку, широкая — значит, стихия "воз-дух" в нем изобильна. Он легок на съем в "путь-дорогу" (сверхценность это в Русском Космосе); Даль и Ширь здесь привилегированнее Выси и Глуби (что, напротив, во германстве сверхценнее), горизонталь мира важнее вертикали (опять же обратное — во германстве, где горняки-рудокопы и шпили готических кирх пронзать небо устремлены; русские ж церкви приземисты, и округлы грибки-боровички куполов). Русский народ = СВЕТЕР (Свет + Ветер — мой неологизм): гуляет, "где ветер да я", летучий, странник и солдат, плохо укорененный. Неважно он, такой беглый, пашет свою землю, как мужик бабу, — по вертикали, так что его даже припиливать приходилось крепостным правом, а то все в

бега норовил... И потому второго Мужа России понадобилось (уже не как Матери—Родине, а именно Женщине—жене) в дополнение, который бы ее продрал по вертикали да крепко обнял-охватил обручем с боков, чтобы она не расползалась: заставой богатырскою, пограничником Карацупой, железным занавесом — бабу в охряпку... И этот мужик — чужеземец. Охоча холодноватая Мать—сыра земля до огненного чужеземца в дополнение к своему реденькому, как иная бороденка, Народу: он свой, родной, любимый, да больно малый да шалый. Воз-Дух и Свет (ведом и мдр тут — "белый свет", как снег) он ей подает, но ведь у стихии Огня вторая важнейшая ипостась: Жар, а сего недодает. Вот и вынуждена Россия варяга приглашать на порядок—форму и закон, из грек православие православия (тоже прямая, вертикаль и закон — Божий), половца и турка с Юга притягивает, татаро-монгола — с Востока. Потом немцы с Петра правили, немецко-еврейский социализм с Ленина, грузин Джугашвили, в ком соединились Петр с Тамерланом (догматический марксизм и шамуд идеологии с Запада — и султан "секим-башка" с Востока). Уж он-то так продрал Русь-бабу, что бездыханная лежит... Потом чуть полегче: хохлы-малороссы с Хрущева пошли, с выговором на фрикативное "гх" — и у Брежнева, и у Горбачева. Как бы в отместку за присоединение к России, Украина в пору "застоя" своими людьми стала Россиею править: куда ни гляньешь в аппарат власти, армии, культуры — везде от всяческих "енно" рябит...

Даже стратегия русских войн — от охоты России-бабы на чужеземца. Она его приманивает (поляка, француза, немца), затягивает в глубь себя: никогда не на границах ему отбой, а взасос его вовлекает — и уж тут, во глубине России, самый ор-газм битвы: летят головушки и тех, и других, орошают ее топкое лоно огненной кровушкой, как спермою: им смерть, а ей — страста да сласть. Так ведь еще в "Слове" битва как свадьба видится, как смертельное соитие. Если германская тактика — "свиный", "клин" = стержень, то русская — "котел", "мешок" — как вагина, влагалище.

Да, в каждом национальном Космосе обитает и особый национальный Эрос. Он определен прежде всего вертикально: Небо

(мужское) – Земля (женское). "Здесь, где так вяло свод небесный На землю тощую глядит", – такой, не страстный Эрос отмечал Тютчев в России, где вектор Выси переходит в тягу Дали – горизонтали: путь-дорога, разлука, поэзия несостоявшейся любви, тоска... Родима тут сторонка, край, косвенное, "косые лучи заходящего солнца" любил Достоевский...

Итак, в Русском Космосе три главные агента Истории: Россия = мать–сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство–Кесарь. И оба начала ей необходимы. Народ – это тот малый, что протягивается по горизонтали: из Руси – всю Россию собою покрыть напрягается, хотя и убогий числом-населением: мал да удал! Но – и бегл, не сидит-стоит на месте. Потому и понадобилось жесткое начало власти, формы, порядка – и оно естественно с Запада натекло. Оттуда же – индустрия (огнеземля промышленности) и город. Народ – воля, а Государство) = закон. Меж ними и распялена Психея России, душа русской женщины. Недаром в русском романе при ней два героя, что реализуют эти ипостаси: Онегин – и Генерал при Татьяне, Вронский и Каренин-министр при Анне, непутевый, бесСТАНный Григорий и есаул Листницкий при Аксинье, поэт-доктор Живаго и комиссар Стрельников при Ларе и т.д.

Раз уж я Психею затронул, что обитает в Русском Космосе, то и о присущем сему месту Логосе итог своих исследований доложу. Тут ум тоже двоякий, как и два его субъекта – мужских начала, и он все время мыкается-трепыхается в этом поле, усильваясь сводить начала с концами. Поскольку Кесарево начало власти, закона и формы у нас не первовырабатывалось, а уж пришло готовым, как итог и результат, с Запада (и мы не посвящены в те поиски и мучения тысячелетне-вековые, в которых эти итоги и законы и формулы так же мучительно рождались), закон, аппарат и ихний Логос – рассудок обретает невольно догматическую недвижимую форму: тезисов, положений веских и жестких: "так надо!" – и послушания науке, и логике, и идеологии, и правой вере: "молчать! не рассуждать!" – за тебя уже рассудили люди знающие, что ТАМ – наверху...

В противовес этому – Логос воли-свободы, поиска пути и смысла жизни, что в поэзии, песне, в фольклоре русском. Лите-

ратура же великая, русская классическая XVIII–XX вв., Слово России, – два эти полюса сопрягает, и потому в ней такая пружинность и энергетика, что вечно питать будет. Также и мысль философская во России отмечена напряженной поисковостью, тут не ответы, а вопросы... Принципиальная незавершенность и несказуемость "последнего слова" – это и Бахтин отмечал в строении русского романа и в мысли.

Если формула логики Запада, Европы (еще с Аристотеля): **ЭТО ЕСТЬ ТО-ТО** ("Сократ есть человек", "некоторые лебеди белы"), то русский ум мыслил по логике **НЕ ТО, А...** (ЧТО)?..

Нет, я не Байрон, я другой...

Не то, что мните вы, природа...

Русский ум начинает с некоего отрицания, отвержения, и в качестве "тезиса-жертвы" берется-кладется некая готовая данность (из Запада, как правило, пришедшая). Оттолкнувшись в критике и так разогревшись на мысль, начинает уже шуровать наш ум в поиске положительного ответа. Но это дело оказывается труднее – и долго ищется и ... не находится чего-то четкого, а повисает в воздухе вопросом. Но сам поиск и путь – уже становится ценностью и как бы ответом.

По этой же логике и "Война и мир": не Наполеон, а Кутузов; и Достоевский: не Рим и Запад, а мы... И т.д.

Даже ракета недаром у нас изобретена. Ее принцип движения – самоотталкивание: тоже "не то, а ...". "От самой от себя у-бегу!..."

Мир удивляется: как это у нас критика и полемика такая жесткая и страстная между собой! А я это понимаю, как необходимый разогрев: в промозглом космосе мати–сырой земли, чтобы не свалиться на обломовский диван, на усение в медвежью берлогу, – все средства хороши, в том числе и разогрев злости. Да и работяга русский когда хорошо работает? Когда разозлится, раззадорится.

ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗНЫХ СИСТЕМ
И ПОЛЬСКИЙ ОБРАЗ МИРА
(Текст эссеистского литературоведения)

Я – не полонист. Я – культуролог. Уже 25 лет я занимаюсь описанием национальных образов (моделей) мира. Это – мой способ путешествовать: не имея возможности ездить по миру телом, я странствую умом и воображением. На несколько лет погружаюсь в изучение страны: в ее природу, историю, быт, пищу, язык, литературу, искусство, философию, религию, естествознание... и в итоге рисую целостный образ. Так я описал-объездил-обласкал умом Россию, Болгарию, Индию, Германию, Италию, Элладу, Францию, Англию, Америку, Киргизию, Эстонию, Грузию, Литву – и вот очередь дошла до Польши, куда прибываю ныне, как странствующий космограф.

Задача: описать национальную целостность как Космо–Психологос, то есть прозреть связь между устройством природы страны, складом психики ее человека, идеями культуры, логикой мыслителей, образами поэтов. Выявить национальную шкалу ценностей, энтелехию (целевую причину) данного народа, страны.

Мой жанр – интеллектуальный детектив. Если специалист по данной стране (русист, американист, полонист и т.д.) может быть уподоблен участковому приставу, который знает все о своем участке, то странствующий сыщик Шерлок Холмс имеет пабитый взгляд и опыт и по малому числу данных может прозревать связь фактов и реконструировать картину...

Вот схемы-символы некоторых национальных миров:
Эллада представляет бытие – как шар: Сфайрос; в Лого-

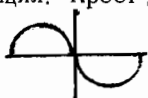
се – мера, ритм, средний термин силлогизма.

Германство: Дом – Haus и Stammbaum – Древо, Вертикаль;

в логике – противоречие, антиномия;
причинность и происхождение.

Франция: Крест декартовых координат и на нем волна-синусоида; в логике – баланс, симметрия; цель пуще причины.

Италия: Арка = колонна и купол – ; в мышлении – дискретность, атомизм.

Америка: Небоскреб как искусственное дерево, обвитое Змием; белое полушарие и черное ; в Логосе: как что делается? – прагматизм, операционализм.

Россия: внизу Мать–сыра земля, над ней Народ–Светер (Свет + Ветер) и государство–Кесарь; а меж ними – Путь–Дорога: (однонаправленная бесконечность). В Логосе – "диалектика души"; формула русской логики – "не то, а..."

Что же мы найдем для Польства?

То, что будет предложено ниже, не претендует быть научно точной моделью Польского Космо–Психо–Логоса. Это мой образ Польского образа мира. Мой миф о Польше. Однако это дело имеет такое же право на существование, как художественный портрет человека – рядом с его фотографией, подробными анкетными данными, отлагающимися в досье исследователя... Выводы здесь добываются посредством имажинативной дедукции (воображением).

Во-первых, надо перевести реалии Польши на мой мета-язык четырех стихий: ЗЕМЛЯ, ВОДА, ВОЗ-ДУХ, ОГОНЬ – в какой пропорции распределены они в Польскости, что здесь акцентировано?

Вслушиваюсь в Польский язык. Язык – ведь это портативный космос: в нем материя утончилась в дух, но дух все еще веществен: звучит. И вот поражают – ШИПЯЩИЕ. А шипение = огонь в воде. Польский гений путем палатализации тут разработал неслыханное в прочих языках разнообразие: взрывные = огне-земельные, сухие сделал мокрыми; перевел и смычный "т" в

"ч" (теплый – чёплый, ciepły); а фрикативный, из стихии воздуха, "з" – в "ж" (земля – жьмя, ziemia), и даже рокочущее "р", звук огня, личности, труда-ургии и истории – в "ж" (из лат. res – тут "жеч", rzecz). Палатализация – смягчение = увлажнение, то есть к стихии ВОДЫ пригонка.

Итак, шипящие – диалог Огня и Воды, мужского и женского, их спор и Эрос. Но в воде огонь сразу гаснет, а тут – долго живет, звучит звонко; чеканно, кузнечно звучат шипящие. (Тут кузнец польских сказок бьет о наковальню германства). Значит: Влаго–Воздух есть суверен Польского Космоса, и в нем – факельный человек, поляк: вспылчивый, в ком гордость = кресало-огниво, и порывистость, и свобода (ибо при постепенности обволокнет, загасит все Влаго–воздух), и, по прогорании, остаются Пепел и Алмаз.

Проверяю Шопеном. Сухой форшлаг и мелизм четко ударной ("огнеземельной") германской музыки им превращен в божественное мелодическое поприще; все эти фигурации, овеания, клубление пространства, волнующегося вокруг опорных звуков темь; дух, дышащий в "аккомпанементе", – се активность посреднических стихий: Воды и Воздуха между полярными (по Платону, в "Тимее"): Землей и Огнем. Пассажи Шопена, фактура трепещущая его, рокотанье и дрожь – это аналог шипящим в фонетике.

Но что есть Влаго–воздух? Это – ПЕНА, состав Афродиты. Пена = ПАНИ, активная роль женского начала в Польше. Среди христианских божеств Матка Бозка оттеснила здесь и Бога–Отца, и Сына, и Дух Свят и стала еще и Королева Польши, – то есть и Богово, и Кесарево в себе сопрягла. И Мать и Супруга поляку: вспомним средневековые и ренессансные статуи в жанре "Пенькна мадонна"; а Матка Ченстоховска не только корону имеет, но и кораллы-бусы, что есть уже атрибут Жены возлюбленной.

Итак, женское начало тут – не Мать–Земля, как в других космосах, но – надземна, воздушное пространство занимает. Женское облегает сверху, а Мужское – снизу в Польстве: столбом огня из земли. Теперь и символическую фигуру, образ устроения мира по-польски, попытаться вывести можно. Это – ЛИПА

Кохановского. Она – Мировое Древо в польском варианте. Тут – и роскошная листва, ее шелест, птицы райские, ветры с полей сюда доклады доносят, пчелы жужжат на польские шипящие: ЖЖ, ЖЬЖЬ, ДЖДЖ, ДЖЬДЖЬ, да и на ЗЗЗ, мед-пиво дают. Вот Древо Жизни! И его я вижу как Польскую модель мира:

Вот рисунок:

Листва = воплощенный Влаго–Воз-дух:
в преизбытке даже над куполом шара Небо
зачерпнуто.
И она – как локоны Пани.

Сравним с моделью Мирового Древа по-германски:
это – Stamm-Baum. Мы переводим как "родословное дерево",
но тут СТВОЛ – Stamm задает смысл: сила осевой опоры,
голая вертикаль и ее этажи, откуда сучья: Кантовы уровни,
балки, перекрытия. Само Древо читается по модели ДОМА.
Stamm-Baum это – Haus. Да и слово Baum – от bauen = "строить";
так что крестьянин (Bauer) в германском сознании – это не мужик-земледелец-копатель, а именно строитель: труд – ургия подчеркнута даже среди -гонии матери природы.

А в польскости ЛИСТВА важнее Ствола: она в образах поэзии превоспета. Липа – округла, романска, как и Галльский ДУБ друидов. А между ними – готическое древо Fichtenbaum-ель. И философ в Германии – Фихте: Логос от Ели, тогда как во Франции поэт ШЕНЬЕ – от ДУБА (le chêne). В Польше же Липе такое почтение, что даже месяц целый в году ею поименован: ЛИПЕЦ.

В России же не одиночное Древо, но ЛЕС будет моделирующим: артель и собор дерев. Если Липа Кохановского – это Древо как Лес: в Дереве, в самости поляка – богатство Польши, Леса ("Еще Польша не згинела, дохонд мы живы": человек – условие бытия Польши), то в русском сознании одиночное дерево – это сиротство, а личность отдельная – это малозначимость; и потому Кольцов, когда ему надо аналог Пушкину взвидеть, рисует ЛЕС (так названо его стихотворение на смерть поэта).

Промедитируем еще фигуру ЛИПЫ: Листва = Влаго–воздух; Ствол = Огонь, Корни – Земля, Женское – сверху, Мужское снизу: Кордиан–шляхтич–факел – и Хам, Слизак–улитка. Романтизм–Позитивизм. Польский флаг – Белое над Красным.

Итак, Польский Космос есть некое марево Бытия, надземное в основном, со стихией ЗЕМЛИ не натвердо связанное, так что земли может быть тут больше (как в Речи Посполитой) или меньше (как после разделов), но Польскость – не в квадратных километрах, а в воз-духе и в сердце, как в "Польском пилигриме" Мицкевича и у ссыльных в Сибирь поляках (надоумила Дина Прокофьева). В "Свадьбе" Выспанского Невеста видит сон: бесы везут: "Куда? – в Польшу. – А где же Польша? – Нигде, – отвечает Поэт. – Она в сердце". И показательно, что именно бесы мыслят пространственно-земельно.

Польша геополитически – как гармошка между Западом и Востоком Европы: то расширяется, то сжимается – и тогда перебегает в Дух, в Листву, во Влаговоздух, в романтизм прыснет – есть куда! Так что Польскость не боится, а даже навлекает на себя трагедию (с точки зрения земли и тела). Она и изощрена на трагедию = как на шипящие. Трагедия ведь – дар! Крестьянин Слика в "Форпосте" кучу малу своих бедствий пересчитывает – и все мало! Но поляк вынесет и будет пировать и плясать. Недаром "Кулик" Словацкого восстание как свадебный поезд представляет.

Посредничество Польскости между германством и российством в том даже проявляется, что в тутошнем бутерброде колбаса (немецкий Wurst) вместе с сыром (русская Мать–сыра земля)... То есть в Польском Космо–Психо–Логосе элементы и того и другого обнаруживаются и синтезируются. Но чтобы не растопиться именно из-за этой близости, Польскость через голову соседней союзнится и питается романской субстанцией.

Удивился я далее, что предатель *земли* польской может не терять героического ореола. Вот Яцек Соплица в "Пане Тадеуше" – убивает из-за угла Стольника Горешку в момент его битвы с "москалями". А Ян Белецкий в поэме Словацкого орду татар приводит на родину – в отмщение магнату. И – покаяться – и славны. А все потому, что Польскость – не в земле, а в ЧЕСТИ. Даже парадоксально скажу: чем меньше Польши, тем больше поляка (и наоборот): вон – Конрад Валленрод!.. Да и сам Адам Мицкевич. И Шопен...

Но за последний кус земли, чтобы было хоть где похоронить! – будут стоять насмерть: вгрызутся, как мужик Слимак в "Форпосте", кто один в абсурдном упорстве одолел нашествие немцев-колонистов. И в повести видно (как и в "Гражине" Мицкевича), что национальная воля и ум – в женщинах Польши. Это Слимакова чувствует, что земля – не в моргах и деньгах, а в – "Дзяджах": чтобы было где душам умерших кружку поставить.

И вот еще великий в Польше сюжет: взаимоперетекание живых и умерших: чуждые умерших как живых духов, действующих и в нашей жизни. Про то – "Дзяды" Мицкевича. А в "Свадьбе" Выспянского персонажи истории – они же действующие лица в настоящем: Вернигора, Браницкий, Стањчик и т.д. Смазаны Прошлое и Будущее в поляке – плывут в мареве Настоящего; но оно в "Свадьбе" не твердь, а полусон и иллюзия, пир полупьяного существования...

И в "Солярисе" Ст. Лема реализуются думы и мечтания, навязчивые идеи людей, их внутренняя жизнь и подсознание: Солярис их читает, знает – и воплощает... Да это же как и в "Дзяджах": воскрешение образов умерших, живущих в моей памяти. Кстати, Солярис – это же дышащий и волящий воздушный океан! Владо-воз-Дух! Король Влаговоздух – как "Король дух" Словацкого! Океан – как живое всесущество, демиург. Если по иудаизму Бог – это "Огонь посядающий", ветер, гром и столп огня, то польский образ Бога имеет в стихиях себе соответствием – водовоздух...

Живость умерших, умение с ними жить в соседстве и ориентировке на них – и в балладах Мицкевича ("Свитезянка" и упыри), и в "Тренах" Кохановского, и у Броневского "Ясневый гроб", и Мацей Борына весь 2-й том "Мужиков" Реймонта лежит умирающий, как органнй пункт на Смерти; и в "Березняке" Ивашкевича могилы жены и брата – при усадьбе; и современный прозаик Мысливский пишет "Камень на камень", где строится – СКЛЕП.

Но отсюда и Польский Эрос: у Марыси в "Свадьбе" два возлюбленных: живой муж Войтек и умерший жених Призрак.

Эрос русской женщины – иной: ей, Матери-сырой земле, тоже нужно два мужика: хмельной, разгульный Народ-Светер и Го-

сударство—Кесарь, закон—аппарат. Онегин и Гремин, Обломов и Штольц, Вронский и Каренин и т.д. И еще — поэзия разлук, коей препоясана русская земля: происходит перекося вертикали Эроса — на ширь-даль-горизонталь... чтобы любовь и песня прокатывались по всему необъятному пространству и его единили...

В польском Эросе она — наверху (а не внизу, как Мать—сыра). И у Гоголя—Яновского, кто, на мой взгляд, Конрад Валленрод польства в русской литературе (разъел пушкинскую цельность критическим и сатирическим направлением), Ведьма наяривается сверху на Хому Брута.

Глубинная амбиция поляка — соперничество с Христом: заменить его собой, Польским народом, на коленях у Пьеты (=Пенькны Мадонны). Жертвенность, мессианизм Товянского и Мицкевича.

Разберемся меж персонажами Эроса: Отец, Мать, Сын, Жена... В одних странах разворачивается Эдипов комплекс: Сын убивает Отца и женится на Матери (Эллада, Европа Западная так). На Востоке и в России — то, что я назвал "Рустамов комплекс": Отец убивает Сына (Рустам — Сына своего Сохраба, Илья Муромец — Сокольника, Иван Грозный, Петр Первый и Тарас Бульба — сыновей своих) и, в варианте, женится на Снохе (у Максима Горького Эрос Артамоновых — снохаческий). В Америке — Орестов комплекс: "матереубийство"; переселенцы покидают Мать—родину Старого света, а новую землю не как Мать, не как Природину, а как пассивный материал-сырье для труда ощущают, без священного отношения...

А в Польше как с этими ипостасями?..

Отец оттеснен — в ничтожность: и король безгласен при "либерум вето"; и в литературе Отец — слабый персонаж (в "Границе" Налковской — разоблачение отцов). В "Дзядях" (не Отец, а Отец Отца тут сакрален — Дед) мятеж Сына на Отца—Бога: его поливает. А почему? Потому что сам так страдал, как другой сын Бога — Христос; и чуть ли не превзошел... Потому-то Папа тогдашний как еретические воспринял книги Мицкевича "Польский пилигрим" и "Книги народа польского": как покушение заместить Христа Польским народом — в любви Матери Божией... Так что в Польше ревность Сына—Брата — к Брату

(и в "Березняке" Ивашкевича): кто кого пережертвит, "Ромулов комплекс" (не скажу: "Каинов"...). Горизонтальное соперничество (однопоколенники: Соплица и Горешка), а не вертикальное...

Еще посравним с другими моделями.

Шар и Круг, столь совершенные в эллипстве, отвергаются Мицкевичем: лимоны Италии – мертвенные шары из золота (в "Тадеуше"); и "прусский король начертал КРУГ и сказал: "вот Бог новый" (в "Польском пилигриме"). Также и квадрат и куб германства – отвратная для польской эстетики фигура; и орнаменты преобладают тут листовые, а не геометрические.

Чужд и итальянский космос атома-камня-индивида в сияющей пустоте. Ближе французская *milieu* среда, значащая полнота: тут тоже из четырех стихий не крайние – земля и огонь, а посреднические – вода и воздух – значащи; также и носовые звуки, и роль женщины. Но нет в Польше симметрии и баланса, а вспыльчивость: прорвать облегание рывком – таков ритм тут: всполох!

Также и русские символы здесь оспариваются: если у нас Свет ("белый свет"), то тут Цвет почтеннее, радуга–Ядвига! А Путь–Дорога тоже в минусе: в Польше вертикаль важнее горизонтали, и этим ближе к германству. "Дорога в Россию" Мицкевича – ужас, кошмар бесконечности и белизны. И у Марии Павликовской–Ясножевской "Придорожная Верба" (*Wierzba przydrozna*) – при дороге = при чуждом себе месте, отвернута от нее руками – вверх! У нас Гоголь–Яновский, кто чуток к тому, чего в Польше нет, по контрасту и восславил и Бесконечный простор, и Дорогу (Русь–тройка). И внес идею "мертвых душ" – как живых...

Чуждо и германское древо готическое, ель, кипарис: как он, чопорный, в сравнении с березой, в "Пане Тадеуше" отвергнут!

Теперь начнем пробираться к Польскому Логосу, т.е. складу мышления и важным в нем категориям.

В польских образах Пространства и Времени вот что замечаем. "Для выражения места в русском языке употребляются наречия "где", "там", "здесь", "нигде", "езде" и др., а для выражения направления в сторону предмета (с глаголами дви-

жения) – "куда", "туда", "сюда", "никуда" и др. В польском языке такого различия нет. В обоих случаях употребляются одни и те же наречия"¹. Но это значит, что не так важны и проработаны тут в понятии пространственные векторы и страны света, что, напротив, так важно в ориентированном на горизонталь (даль–ширь) мира русском Космосе. Большая аморфность внешнего пространства – ибо оно стянуто внутрь, ко мне, присутствует здесь и теперь, как и во Времени: Прошое и Будущее стянуто ко мне, в сие существование. И потому оно так пышно и насыщенно цветуще – как Липа! Так ощущается текущая жизнь человека.

А Время?.. Акценты в нем выдает язык: "почему" здесь – *dłaczego* (= для чего) и "потому" – *dlatego* (= для того), то есть взгляд не назад, в причину, происхождение вещи, в прошлое (как в германстве), но ближе к французскому подходу спереди, из цели ("почему" – *pourquoi* – то же самое! для чего"), к чему вещь?.. Финализм и предопределение, характерные для многих французских мыслителей, перекликаются с польским мессианизмом...

Но еще точнее: любит поляк рассуждать так: "ах, если бы тогда все произошло иначе?!" – под Рацлавицами в 1794-м, или в Варшаве в 1831-м... То есть, по модусу, так сказать, *future in the past* – возможного иного будущего в прошедшем...

Из трех точек: причина (прошлое), центр (настоящее), цель (будущее) здесь привилегированнее центр, где сердце (вина) бытия. Об этом говорит и фиксированное ударение на предпоследнем слоге, в центре слова обычно; и Амфибрахий – польская стопа в шаге на 3 (мазурка, полонез...).

Поляку важно: как себя вести в миг настоящего времени и как выглядеть (а не победа): умирать *красиво* (и Броневский "Смерть революционера", и Пушкин в письме Вяземскому 1 июня 1831 г. о декоративно-рыцарской смерти польского командующего Скрженецкого и всей свиты с ним, с гимном "Еще Польша не згинела" на устах).

¹ *Василевска Д., Каролак Ст.* Учебник польского языка. Варшава, 1964. С. 70.

Мицкевич в своих лекциях о славянских литературах, сравнивая Горация и Кохановского, отмечает у первого горловой голос и вдохновение, идущее от головы, а у второго – голос грудной, и из глубины сердца. Тут топография важна: Рим = Голова, и головное, capitoлийское вдохновение у Горация: рассудок и мера. Польша – грудь, сердце... Значит, идея "головного" и "начальства" здесь отступает в ценности перед принципом Центра, где сердце. (То же и в фонетике: "о" носовое съедает "а" = высь и "у" = глубь). А грудь – полость влаго-воздуха, обитель легких. Так соответствие устанавливается между Космосом (вода-воздух) и Антропосом (грудь), и Психеей (сердце), и Логосом (центр, настоящее). Также и в Социуме польском: важна срединная фигура шляхтича, который психикой – дворянин, магнат, а бытом – мужик, однодворец. Во времена Мицкевича 18% населения – шляхта... Значит, чувство личного достоинства: Я сам! я пан! – демократично в Польше, массово. Об этом же вежливая форма тут – на 3-е лицо (как и в атомарно-дискретном италианстве – *Lei*): *pan, panstwo, pani* есть акт объективизации, создание дистанции между индивидами – против их фамильярного соприкосания в "ты" и утопления во множественности "Вы" и "Мы". Учтивость, уважение к отдельности и самости другого. Неслиянность "Я" и "Не-Я", индивида и Целого. Если Рок России – Единое, нечленораздельность, то Рок Польши – множественность, неслиянность... Отсюда – отсутствие эпоса; вместо него лиро-эпический жанр баллады, а также емкость здесь малой формы: фразы Кохановского, мазурки Шопена: каждая – микрокосмос...

В поэме Словацкого "Ян Белецкий" Пан Бжезани так рассуждает: "Наш польский край – готическая башня: В ней тысяча колонн – подпора в храме; Пусть выпадет одна – какую силой Ты удержишь храм? Все ляжет грудой праха! Я выпаду!..." (перев. А. Коваленского). Тут уравнение $1 = 1000$: значимость Одного! Все от его свободной воли зависит. Отсюда – "либерум вето": Один имеет право преградить путь всем! (Ср. русское: "Один за всех, все – за одного").

Кохановский: "Верно, что деды (не отцы – авторитет, а деды! – *Г.Г.*) богатств не имели, больше иметь они их не хотели"¹. То есть не по нужде бедны, а по неохоте убиваться в тру-

¹ Цит. по: *Мицкевич А.* Собр. соч. М., 1955. Т. 4. С. 277.

де, понимая, что качество жизни – не в количестве материй, а в ценностях души: свобода, честь, радость жизни. В германстве и американстве, напротив: -ургийная, трудовая добродетель ценится. И бытом становится человек барин (нувориш), а душою – хлоп, тогда как в Польше обратная картина: шляхтич бытом – хлоп, а душою – аристократ, рыцарь, артистичен, беспечен. Такое создается впечатление, что тут постоянно пируют и танцуют и весело жизнь препровождают. Немногозаботливость, Бесшабашность. Радость бытия вкушается сразу, а не откладывается на потом, про запас... Недаром и гимн Польши это мазурка Добровского – плясовой ритм, не марш. И кто-то там заметил: "Проплясали поляки свободу Польши"...

Самодостаточность в Психее (отсутствие застенчивости, "комплекса неполноценности", польский "гонор") – координируется и с отсутствием опосредования в Логосе, которое – от неуверенности: перелагает на иное, отсылает от себя подальше, не берет на себя ответственность. Здесь же – решительность как в отрицании, так и в утверждении. Если формула эллинской и западноевропейской логики: "это есть то-то" ("Сократ есть человек"), а формула русской логики: "не то, а... что?" ("Нет, я не Байрон, я другой..."; "Не то, что мните вы, природа..."), то формула польской логики: «не это, а вот что!» Она близка к русской тем, что начинается с негации, отталкивательно, реактивно, но близка к западноевропейской – своей утвердительно-стью в итоге, тогда как русская – разомкнута в бесконечность вопрошения и исследования, есть отсыл в даль...

Вот схема логического построения у Мицкевича:

"На каких людей отчизна наша возлагала... надежды?...

Не на людей, одевавших всех красивее...

И не на людей, воевавших где-то...

Но на людей, которых вы назвали добрыми поляками...^к

("Книги Польского пилигримства", VI)

Польский Логос выявляется и из особенностей вклада поляков в мировую *Науку*. Он – в отрыве и одолении Земли (Коперник и наш Циолковский, открывший реактивный принцип: ракета летит самоотталкивательно, как и мысль разгоняется по логике "не то, а..."); в развеществлении тверди: открытие Марией Скло-

довской-Кюри (опять французское склонение, как и у Шопена...) радиоактивности – ведь тем она гранит атома-камня (стихия земли) раскрыла как марево-истечение, радугу, влаговоздух, поле, континуум...

Подобно и у Юлиана Пшибося в стихотворении "Материк" – тут весь польский Космо–Психо–Логос! И одухотворение вещества, и взмах-порыв; и Листва, и Тень; и волновая теория строения всего в мире; и кривая-лукавая, женская линия...

* * *

В общем получилась у меня, так сказать, "романтическая" модель Польскости. Но недаром в дополнении к ней возникла и "позитивистская" модель. Ее *raison d'être* столь же бесспорен. Ведь История, Культура находятся в диалогическом отношении к национальному Космосу и Этносу и антропосу: то что не дано последним от Природы, естественно, первые призваны восполнить, произвести искусственно: через труд и воспитание в Обществе. Национальная целостность поэтому есть нечто принципиально открытое, незавершенное.

Но подобно и в оркестре человечества каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего ума-умения: гобой дорог скрипке тем, что он умеет то, чего она не умеет. Так что не унификация, а уникальность – вот верный курс. За что мужчина любит женщину? За то ли, что она похожа на него? Напротив – за диво совершенной непохожести. Так и соседнюю или дальнюю нам национальную целостность: ее возлюбленную непохожесть – вот что да восценим и чем будем дорожить!

Изложенное здесь тезисно – есть некий дайджест принятого мною и частично осуществленного большого исследования польского образа мира, которое я надеюсь развить дальше, навлекши сим выступлением на себя корректирующий огонь полемики.

Духовная жизнь в Москве в эпоху Болгарского возрождения

Это – середина Девятнадцатого века. Тогда в лице болгар, приехавших в Москву учиться, встретились два космо-исторических тела: Россия и Болгария. Продумаем эту встречу и НЕвстречу. То есть: чем жила тогда Россия и чем Болгария, и что они могли понять и не понять друг в друге?

В России, особенно в Москве, тогда шло тоже бурное Возрождение, поиск национально-самобытных начал. Век Петра и его вектор абсолютно западной ориентации окончился с изгнанием Наполеона. Оно осуществлено не Питером-батюшкой, окном в Европу, а Москвой-матушкой: Русью и народом – ее Сыном, и естественно, в исторической гордости воспрянули теперь Мать и Сын против Отца, а именно Мать–земля (исконная родина Русь) и ее природный Сын–Народ и его дух – против деспотизма Отца–Государства–Варяга–Запада (Эдипов комплекс в Истории). В Москве в противовес Государству возникает Общество; вдали от министерств и коллегий, проспектов и чиновничьего духа Петербурга – тут, в кривых переулочках, в женских кривых, а не мужских прямых линиях, на лоне Матушки Сын–Антей русского духа воспрянул к мысли и Логосу, и вот его голос – в тогдашней интенсивной интеллектуальной жизни и спорах.

"Москва, спаленная пожаром" – это допетровская Русь, обоженная западным люциферовым огнем. Словно Россия (в этом такте своей истории) после того, как избыточно-недопереваренно впустила в себя западные начала, вытошнила ими, выплюнула. Ориентировка на "варяг" сменилась ориентировкой на "грек" – на Юг: на свою веру, язык, историю. Этот вектор через Киевскую Русь естественно привел и далее на Юг и Запад – и в орбиту интереса попали и славяне: с чехами (Ганка, Коллар) наш М. Погодин вступил в контакт; он же с Венелином и т.д.

И подобно тому, как русские воины, казаки, выплевывая француза, зашли в Пространстве далее естественных пределов русского Космоса, раскатились через Германию аж в Париж, так и московский Логос в самопоиске своей сути зашел за пределы

России во Времени: перепрыгнув через век XVIII и царски-боярские XVII—XV, заглянул в свою доисторию: в фольклор, народный быт, общину, песни, летописи, и откуда есть пошло Слово России; так язык древнеболгарский приблизился, и этот народ славянский и православный.

С Петром = Наполеоном вторглась в Русь жгучая модерність и злоба дня экономики, политики и социальности. Воскресение ж Москвы привело и к вознесению Руси и ее начал. А это — иной шаг и темпоритм Времени, близкий к Вечности. Это — Духовная культура, в отличие от той рассудочно-интеллектуально-научной, что шла с Запада. Это дух братства—соборности—общины и любви — в отличие от классовой ненависти и борьбы как движущей силы истории, что в это время предложили Дарвин и Маркс.

Но совершалось это уразумение, национальное самопознание как вторичное: людьми как раз высочайше образованными именно в западной культуре, истории и философии: Карамзиным, Грибоедовым, Чаадаевым, Пушкиным, Тютчевым, Хомяковым, Аксаковыми, Иваном Киреевским, который журнал именно "Европеец" основал и статью-манифест "Деятнадцатый век" написал, а уж потом — "Москвитянин" явился. Разверзся их мыслями и трудами диапазон исторических координат: стали мыслить основными ценностями, их искать и к ним пробиваться из нынешних политико-дипломатических игр, интересов и злобо-дневностей. Вместо нее — ДОБРО—ГОД-ность: вместо дня — год (век, вечность) и то, что годно на добро и благо — и высшее, и земное, жизненное, материнское.

И в этой устремленности — тоже совпадение тогдашних москвичей с болгарами: они тоже через голову чужеземной им современности турецкого ига обернулись к тому, что было за полтысячелетия до того: к своему царству-государству, языку и культуре, фольклору и вере, — и тем подкрепляли самочувствие, как и славянофилы поднимали самосознание русских. Шло взаимопитание. Славянство расширялось и в пространстве, и во времени как общая субстанция, почва и пища, что окормляла и ныне питает и русских, и чехов, и болгар и крепит их взаимно друг другом. В этом смысле Юрий Венелин, которого поддерживал Погодин, открыл болгар не только самим себе, но и субстанцию

русскую подкрепил. А собрание русских песен Петра Киреевского было толчком-сигналом для болгар собирать свои песни и древности.

Замечательно в этих духовно-культурных сотрудничествах отсутствие имперских и геополитических амбиций. Последнее – забота Питера из-за Петер-бугра: там всякие дипломатии, козни – «хитрости». В Москве же духовно-культурная бескорытная взаимопомощь и сострадание. В работе нашей коллеги Дудзинской Е.А. "Славянофилы и Болгарское возрождение" приводятся слова из обращения к читателям по поводу издания "Паруса": "Не внешнее политическое, но внутреннее духовное единство нам дорого... Пусть развивается каждая из народностей вполне самостоятельно, пусть каждое племя внесет свою долю труда в общее дело славянского просвещения"¹. А когда Погодин М.П. написал о возможности образования славянского государства от Тихого океана до Адриатики во главе с Россией (потом Данилевский и Сталин мыслили о том же), А.И. Кошелев напечатал следующее примечание: "Мечта, к счастью, несбыточная: подобное государственное единство подавило бы духовную независимость каждого племени в отдельности. Нет! Знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых отдельных славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России"². Тут точная формулировка и для нынешних межнациональных отношений – поучиться можно.

Контакт в Москве происходил не на государственных, а именно на общественных началах. Дело в том, что в России вечная проблема: слабость Общества – как буфера между Народом непросвещенным и сверхмощным Государством вампирическим. Порабощенные же славянские народы: и чехи, и сербы,

¹ Русская беседа. 1859. Кн. 4 (объявление об издании газеты "Парус").

² Русская беседа. 1859. Кн. 1. Смес. С. 61.

и болгары, не имея крыши своего государства, зато породили более энергичное и приближенное к народу Общество (и церковь). Там общества торговые, просветительные, училищные настоятельства: школы и культуру самочинно, не спросясь властей, собирали средства – и основывали. Не то, что государственная система просвещения в России, от Уварова до Ягодина. И в этом отношении Москва имела чему поучиться у меньших братьев. А Общество сподручнее было развивать во России именно в Москве – подальше от центрального огня власти и пекла. Тут все – самочиннее: и купцы островские, и фрондерские издания славянофилов, что Петербург на корню прикрывал: и "Европеец" Киреевского, и "Телескоп" Надеждина, и "Парус" Ив. Аксакова и др. Тут и Славянский благотворительный комитет, и проч. Именно Иван Аксаков в своей публицистике развивал идею о необходимости того, чтобы самонародное Общество переняло на себя многие функции, которые пока осуществляются приказно, сверху; что и стало совершаться после Реформы: земства, суды, пресса и т.д. Даже некое распределение географическое можно отметить: Петербург = Государство, Россия = Народ, Москва = Общество. Так, собственно, и далее было: здесь и Третьяковская галерея – искусство, поддержанное купечеством, здесь и Мамонтовская опера, и Московский художественный театр, Саввой Морозовым поддержанный и т.д.

Но в середине XIX в. на московские инициативы славянофилов из Петербурга смотрели косее даже, нежели на революционно-атеистические идеи "западников"...

Также и общинные основы быта и народной социально-трудовой организации, что сохранились у южных славян ("задруга" и т.п.) были родственны русской общине, "миру" и "сходу".

Это объясняет ту психологическую "совместимость тканей", благодаря чему болгары уживались в Москве и не просачивались севернее – в Питер, где сыро-промозглый климат (чахотка), студёные души и чиновно-отчужденный стиль проспектов. В Москве же неторопливый ритм, уютные усадьбы, печи, кривые переулочки – своя махалла! Патриархально-домашний дух общины, гостеприимство, застолья, радушие – все это располагало

к тому, что души раскрывались навстречу друг другу, и шел взаимообогащающий обмен мыслями, идеями... Как приемные дети матушки Москвы могли себя здесь чувствовать болгары.

До сих пор мы рассматривали наш сюжет: встреча двух космо-исторических тел России и Болгарии в середине XIX в. по сходству: что похоже и роднит. Теперь вникнем в различия. Главное – государственная независимость России и порабощенность болгар. Для них Россия – славянский Эдем: тут славянская речь, культура, своя вера – все на приволье, и в этом смысле Россия – будущее Болгарии. Но болгарин даже под турецким иггом был хозяином- собственником земли и самоактивен в экономике, и в этом отношении болгарин – это будущее для русского крепостного и колхозника: в смысле хозяйственной хватки, пока – недосыгаемость нам.

Далее. Сама эта громадная независимая славянская держава Россия пребывала в середине XIX в. в раздоре и поиске путей и в неуверенности, куда идти. Да и Москва стала противоречива даже по архитектуре: "Пожар способствовал ей много к украшению", но на скалозубов, питерский, фрунтовой лад: проложены проспекты, и петербургски-имперски-классицистически-ампирная стилистика проникла в усадебную Москву. Ну и споры западников и славянофилов тут ярейшие шли. В разную даль каждый заглядывал. Меланхолический Агасфер–Чаадаев, как Кассандра, предвидел Россию – как беспутную жертву мировой истории: быть может, "мы рождены, чтоб сказку сделать былью", но страшную сказку: чтобы дать всем ужасный урок: как не надо жить и строить общество: ... И кажется, мы поработали хорошо в нашем веке; чтобы сбылось его апокалиптическое пророчество... Но Чаадаев – безбытен, бессемеен, слабокоренен. В этом смысле антиподны ему Аксаковы–Востоковы, с крепкими корнями в народно-русском и семейном быту, и их мироощущение – радостно в настоящем. Нельзя сказать про них даже, что они "оптимисты" – таковы, скорее, "западники": Белинский, что завидовал внукам и правнукам (это нам, значит!...), и Герцен, и прочие, нечуткие к настоящему, а с процессным сознанием (прогресс! эволюция! "светлое будущее"! – все по-том!)

Кстати, исторические стадии середины XIX в. напоминают наши в XX в.; сходны и проблемы для общественного сознания. Победа над Наполеоном – победа над Гитлером. Потом страна – рабыня своей победы: усиление деспотизма. Затем – смерть самодержца, оттепель короткая, восстание декабристов (и поляков и венгров); повело на реакцию, и вот – "застой" ихних 30-х–40-х, наших 70-х. Но разбуженный дух уходит в глубь и подспуд, и 40-е годы XIX в. – золотая эпоха русской литературы и философии; а у нас – культурология, да и литература... Потом Крымская война – поражение = наш Афганистан. Смерть Кесаря, новая метла – и Реформы 60-х = у нас Перестройка 80-х–90-х. И ныне клокотание общественной мысли у нас сходно с российским бурлением в начале эпохи реформ. На что ориентироваться? На Запад, индивидуализм, парламент – или искать "самобытные начала" и формы хозяйства: на колхоз–общину делать ставку? Иль на купца–"кооператора"? И такой хаос, разброд возможных форм, укладов и путей!...

Тут-то обнаруживается еще одно сходство истории России и Болгарии: в обеих странах своевременно не проходили фазы и стадии общеевропейского процесса – и вот вынуждены восполнять их запоздало и стяженно. Ускоренное развитие – общий рок и России, и Болгарии. Но легко осуществлять в маленькой, компактной Болгарии с чуткой обратной связью эти шаги, а в России, что дистанция огромного размера, да еще и историческая сороконожка (по вовлеченному в ее путь многообразию регионов и народов, находящихся на разных стадиях) – как ей наладиться в путь-дорогу? Одна нога делает шаг к парламентарной демократии (Прибалтика, допустим), а другой бы вернуться к бортничеству в тайгу и тундру (как эвенку), чтоб спастись народом. Да и инерция огромного колосса, у кого "размаха шаги сажень", – попробуй смени направление, засемени, медведь, шажками по темпоритмам Европы! Потому катастрофами и разрывами, не плавно, а рвать пятки – таков тип доселе русского развития. Однако классы истории проходить все равно надо – с азав, а не блефовать "ускорением" и "большими скачками".

Однако до сих пор я делал выкладки в исторической сетке координат, согласно которой принимается некая единая шкала и последовательность (Гегель – шествие мирового Духа через страны и народы исторические; Маркс – смена пяти общественно-экономических формаций и др.), и все частные истории народов будто должны-обязаны в нее вписываться и клетки заполнять. Но почему? А где национально-историческая самобытность и автохтонность саморазвития каждой национальной целостности? И здесь я предлагаю метод, который называю: *Космософия*. Ему согласно, каждая национальная целостность есть Космо–Психо–Лагос, т.е. единство местной природы, национального характера и ментальности народа тут. Природина есть субстанция–субъект совершаемой над нею Истории. Природа страны (равнина или горы, море или степь, лес и т.п.) есть не пассивный материал в переработку, а скрижаль завета: некий подсказ Наро́ду, как тут жить-быть и что делать с нею в лад, но и в восполнение трудом того, что не дано от природы. Наука История работает причинами. Историософия – это телеология: ищет особые цели – призвание и целесообразность. Обе – линейны, по горизонтали мировой истории единой, наземной. Космософия видит каждую страну – как шар на вертикали: земля–небо. Истории тут выходят разные.

И вот по Космософии Россия = мать–сыра земля, т.е. "водо–земля". И она – равнина, балто-славянский щит, бесконечный простор, по которому реденький народ–СВЕТЕР (свет + ветер), странник Русь, несется тройкой расширяться и своею немощью покрыть Россию ("покрыть" в обоих смыслах) – колонизовать, причем истекает на этом силою. Русь – жертва России, что и видим сейчас в итоге истории: почти погибла Русь, потратя все силы на создание России–Союза. Теперь же снова Руси вбираться в себя из России, на самоспасение.

А Болгария – это чаша в Балканах, вниз и вверх дном: Чаша вниз дном – это котловины ее земель между гор: Фракийская, между Средна гора и Стара планина, Розова долина; Котел, Клисурa (=ущелье)... А чаша вверх дном – "там, на Балкана", где гайдук и ветер свободы. В котловине же – земля и труд, культура и "къща" (дом), семейство, быт. Там "стара май-

ка", "тежки": "чорбаджи" и "чорбаджийска дъщеря" и "тежки сватби". Жена ж юнаку – "самодива". "Там, на Балкана" – люди воз-духа, и таковые и неслись в Россию: бессемейные, недомашние потянулись на север, ветер и снег, к свободе и культуре, прочь от любви–дома, семьи. "Хайдутин къща не реди, майка не храни" ("Гайдук дома не строит, мать не кормит").

И вот призвание Болгарии – гармония между этими чашами: свой шар блюсти в своем геополитическом средостении между Турцией и Европой, между Россией и Средиземноморьем–Элладой. Сюда все стекает и переваривается, но миссия болгарства – сидеть на месте, "самозадоволяване" (=самоудовлетворение). Болгария – это приход (как и дружины Аспаруха), а Русь–Россия – это вечный уход–расход: "от самой от себя у-бе-гу". И чтобы не слететь совсем с космодрома бесконечного простора в Космос ракетой, самосохранительно себе Россия-баба второго мужика запросила: чужеземца, варяга, Запад, закон, Государство, что ее, аморфную, опояшет формою-пределом, заставой богатырскою, пограничником Карацупою да железным занавесом. Так что в русской истории три агента: Россия–мать сыра земля, Народ =Светер и Государство–Кесарь. И все сюжеты русской истории в этом трилоге прочитываются: Русь–Россия, Народ, Государство. В том числе и сейчас. И происходит это в поле тяготений между Востоком и Западом – занимая Север Евразии.

Ну а Болгария в середине XIX в., в той волне–такте ее истории – какая в ней ситуация? Избыточно натекло тюркского элемента: в быт, язык, нравы, в музыку, жест и танец. Слишком налита оказалась телесность и приземленность. Греческий элемент помогал держать веру и самоотличаться от турок. Но придавлен славянский элемент: Слово, Дух, Небо. Вертикаль сверху – ее надо подпитать. И вот Балкан и Север – зов в Россию.

А горизонталь геополитическая требует ориентировки на Запад: оттуда торговля, рынок, политика, демократия. Потому болгары в Москве – это не политики, а культуртрегеры: слово славянское, литературу развивали. А кто политикой горит – те поближе вокруг Болгарии: из Румынии (Ботев), из Сербии (Каравелов: в России политикой не занимался, а был писатель),

Царьград (Раковский). И если Освобождение пришло из России, то это уж воля Империи, а не зазыв болгар московских.

Теперь мы схематично описали эти два космо-исторических тела, что вступили в контакт болгарами и славянофилами в Москве. Ясно, что в этой сущности они очень мало могли понимать друг друга – в сущности национально-исторических проблем и призваний.

И недаром, как только Россия освободила Болгарию, та самосохранительно переориентировалась на Запад и германство: иначе бы залила та малую Болгарию своим равнинным добром: что хорошо ей – то горной Болгарии плохо.

Также и русские: когда столкнулись с реальными болгарам у них дома – оттолкнулись в лице Леонтьева от этих корыстных животных и низменных торгашей: третьесословны они, все болгары, и дурно пахнут на вкус русского аристократа, как и "Бай Ганю" для Горького и Короленко, что отказались его печатать. Это он мог, русский барин, себе на потребу из Инсарова парсуну малевать – как человека, что нам, байбакам, скажет всемогущее слово "Вперед"; но Инсаров – маска и кукла, а не живой болгарин, так же как кукольны те "братушки", которых малевали Вазов и прочие болгарские писатели из русских...

Так и в милых отношениях болгар в Москве и славянофилов был предел непреходимый: при всем доброжелательстве не могли понять друг друга изнутри, из "я", а разве что из "ты" – друг–брат; а все более "онно" – как объект интереса, симпатии, сострадания, братской помощи, даже и жертвы, – но все равно без интимного трансцензуса.

Тут – как дружили Журавль и Лисица; и особенно между Государствами в политических отношениях важно это понимать: что предлагаемое мое хорошее для друга и брата может быть плохо. Увы, этого не понимали после второго Освобождения Болгарии Россией в 1944 г. – и стали унифицироваться. А ведь в Болгарии был развит широкими социалистами кооперативный социализм, на 25% экономика им была охвачена; СССР же залил это все государственно-бюрократическим социализмом: русскую меру, где все БОЛЬШОЕ навязали Болгарии, которая "мъничка" и "шепа земля" ("горсть земли"). Это когда моя болгарская тетя, леля

Руска, приехала в Москву, говорила: "У вас, в России, все "большое", а Болгария – мѣнинка (маленькая)".

Какой же урок той встречи–невстречи болгар и русских в середине XIX в.? Любовь к брату да сочетается с *презумпцией непонимания*: что я могу не понимать ближнего, кого люблю, и должен осаживать себя в демьяновых дарах и ноздревских поцелуях и амикошонстве... Хотя нет, это урок – от нынешней ситуации. А тогда-то как раз, можно сказать, идеальны были отношения...

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Процесс развития литературы, который мы встречаем в эпоху национального Возрождения в Болгарии, не укладывается в привычные рамки понятий, адекватных опыту классического развития. Путь движения болгарской литературы вел от синкретизма в письменности к обособлению художественной литературы. Этому движению сопутствовало переплетение различных творческих тенденций, которые в странах, развивавшихся в более благоприятных условиях, определяли порознь целые периоды и даже эпохи литературного развития, но которые здесь, служа общей цели (становлению новой болгарской литературы, призванной способствовать борьбе за национальное освобождение), укладывались в рамки одной эпохи. Литературные течения на развитие и оформление которых в Западной Европе понадобились столетия, в Болгарии как бы наслаивались друг на друга, либо развивались почти одновременно. Они порой отличались незавершенностью, что было вызвано запоздалым, а затем бурным, стремительным развитием литературы в период формирования нации. В болгарской литературе эпохи Возрождения наблюдается взаимопроникновение разнородных идейных и эстетических явлений, их сосуществование. Причем такое сочетание не носило эклектического характера. Литература национального Возрождения предстает как относительно органическое соединение различных стадий, которые, хотя и чередуются в быстрой смене преобладания тенденций классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма, однако на протяжении длительного времени не обособляются и свидетельствуют об интенсивном развитии.

В становлении болгарской литературы наряду с другими факторами немаловажную роль сыграли связи с литературами других стран. Особенности литературного развития в значительной степени определили специфику связей, отражавших взаимо-

проникновение творческих тенденций, отсутствие глубокой дифференциации течений. В эпоху Возрождения переводятся произведения разных стран и эпох, противоположных направлений и школ. Разнородные эстетические тенденции в одних случаях противостоят друг другу, в других – взаимодополняют друг друга. Создается весьма своеобразная ситуация единства и борьбы противоположностей в литературном процессе, свидетельствующая о сложнейшей диалектике литературных связей в период формирования национальной литературы. Болгарская литература относилась к идущим извне влияниям избирательно, являясь не пассивной, а активно воспринимающей средой.

В конце XVIII – начале XIX в. в Болгарии еще сильна струя христианско-религиозной литературы, а пробивающая себе путь светская литература нередко использует ее традиционные формы. В болгарской литературе той поры еще встречаются жития, сборники поучений, катехизисы. По этой линии идет и восприятие иноязычных литератур. И.Х. Кырчовский в 1814 г. перевел с греческого апокрифические сочинения "Слово, исказанное заради умирания" и "Повесть ради страшного и второго пришествия Христова". Одним из самых популярных произведений первой половины XIX в. было "Житие святого Алексея, человека божия" (1833) в стихотворном изложении серба К. Огняновича. Под влиянием этого произведения П.Р. Славейков в 1845 году написал "Житие святого Теодора Тирона". В первые десятилетия XIX в. в Болгарию проникает богослужебная литература из России. Эти книги, написанные на церковнославянском языке, способствовали решению одной из важнейших задач болгарского национально-освободительного движения – сохранению языка, противостоянию ассимиляторской деятельности фанариотов. Со временем религиозное сознание все более вытесняется рационалистическим, христианские идеи – просветительскими, выразившими главную потребность того времени – необходимость создания самостоятельного болгарского государства. Просветительская идеология преобладает в первой половине XIX в., когда национально-освободительное движение носит культурно-просветительский характер, когда просвещение приобретает значение основного фактора общественного прогресса. Просветительские идеи Паисия Хи-

лендарского и Софрония Врачанского, первыми страстно призывавших к борьбе за независимость, к изучению национальной истории, к познанию рода своего, имевшего великое прошлое, к "наслаждению знанием", создавших культ разума, были подхвачены Петром Бероном, Константином Фотиновым, Неофитом Рильским, Иваном Богоровым, Неофитом Бозвели, Ем. Васкидовичем, Иваном Селиминским, Василом Априловым и другими писателями, содействовавшими духовному развитию болгарского народа. В знаниях, в научном прогрессе видели болгарские просветители предпосылки политической и духовной независимости. Они полагали, что без овладения наукой болгары не смогут долго существовать, погубят себя, исчезнут как нация или станут рабами более образованных наций. Этот тревожный лейтмотив звучит в произведениях большинства возрожденцев. Мы не встретим подобных опасений в высказываниях просветителей стран, имевших политическую и государственную независимость.

Отличительная особенность литературных связей национального Возрождения заключалась в обращении болгар не к опыту современников, а к опыту предшественников в иноязычных литературах. Причем "разрыв" в первой половине XIX века, как правило, велик – в столетие и более. В 1802 г. Софроний Врачанский переводит отдельные главы из труда Амвросия Марлиана "Theatrum politicum" (1631) и помещает их во втором Видинском сборнике в разделе "Философские мудрости". Интересно, что в текст Марлиана Софроний вводит и свои размышления о судьбе болгарского народа, о необходимости его просвещения и развития национальной культуры. Переводчик осуждает соотечественников за покорность гнету, невежество, призывает их собирать деньги не на монастыри, а на школы, заботиться о просвещении. В 1809 г. Софроний вновь возвращается к работе "Theatrum politicum" и на этот раз переводит ее полностью, озаглавив по-болгарски "Театрон политикон сиречь гражданское позорище". Если Марлиан стремился показать, какими качествами должен обладать идеальный властитель, то Софроний, в предисловии к труду, говоря о значении переводимой им книги, подчеркивал, что она очень полезна не только государям, находящимся у власти, но и всякому человеку. Контраст жестокой

реальности идеалу, изображаемому в книге Марлиана побуждал к сопротивлению гнету. Работа Марлиана, написанная на латинском языке, была переведена в 1758 г. Николаем Маврокордато на греческий, с которого Софроний и перевел ее на болгарский язык. Отметим, что греческий язык в первой половине XIX в. служил своего рода языком-посредником в знакомстве болгар с общественной мыслью и литературой других стран. Большая часть написанных Софронием Врачанским книг – это переводы с греческого (исключение представляет его автобиография).

С греческого была переведена в 1802 г. Софронием и восточная "Повесть о семи мудрецах", известная в болгарской версии под заглавием "Мифология Синтипа Философа". Это беллетристическое произведение, восходящее к индийскому источнику, также пронизано просветительскими тенденциями, имеет дидактический характер. О степени популярности "Повести о семи мудрецах" в болгарской среде говорит тот факт, что в 1844 г. это произведение было переведено вторично – известным педагогом и писателем Христаки Павловичем и напечатано в Будапеште под заглавием "Баснословие Синтипы Философа". В 1850 г. попом Крестю из Разграда был сделан новый список с перевода Софрония Врачанского правда, с некоторыми сокращениями.

Стремясь познакомить болгар с европейской правовой мыслью, в 1845 г. просветитель П.Г. Пиперов перевел произведение французского писателя Фенелона "Приключения Телемака" (1688), в котором отстаиваются идеи просвещенного абсолютизма. В предисловии к произведению переводчик познакомил читателей с благотворной для России деятельностью Петра I. Восхищался фигурой Петра I и болгарский журналист и филолог Иван Богоров (переводчик "Робинзона Крузо" Д.Дефо, 1849). Интересы многих болгарских литераторов устремлены к эпохе Просвещения. Ход собственно болгарского художественного развития определял круг иностранных произведений, избираемых для переводов и пользовавшихся успехом в стране.

Болгарское Просвещение стимулировало развитие публицистики, оды, басни. Вершиной просветительской литературы была публицистика, в значительной степени являвшая пример синкре-

тической литературы, "универсальной" формы идеологии. Ярчайшие примеры просветительской публицистики – произведения Паисия Хилендарского, Василя Априлова, в которых отразилось пробуждение болгарской нации. Широкое распространение получила басня. Басни Эзопа переводят Софроний Врачанский и Петр Берон; басни Крылова – Найден Геров, Петко Славейков, Андрей Петкович. При переводе крыловских басен усиливается дидактика, нравоучение, что объясняется разными стадиями в развитии влияющей и воспринимающей сторон. Материал крыловских басен как бы "перебрасывается" назад, на предшествующую ступень литературного развития, на которой находилась в этот период сама болгарская литература.

Болгарские оды ("Оды Софронию Врачанскому" Дмитрия Попского (1813), "Ода Юрию Ив. Венелину" (1837), "Ода Берону" (1839), "Рыдание на смерть Ю.И. Венелина" (1839) Георгия Пешакова) по форме близки стихотворениям русских поэтов XVII в. – Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, хорошо известных болгарскому читателю той поры. Однако знакомая форма наполнялась новым содержанием: болгарские оды, как правило, посвящались не государям, как это происходило в независимых странах в эпоху Просвещения, а писателям, ученым, способствовавшим возрождению нации.

В эпоху Возрождения широкое распространение получила такая форма литературных связей, как "болгаризация" – приспособление иностранных произведений к болгарской действительности. На первых порах чужеземные сочинения заменяли отсутствовавшие оригинальные художественные произведения. "Болгаризация" возникает в конце 40-х годов XIX в. Это была весьма активная форма освоения инонационального опыта, когда переводчик по существу выполнял роль соавтора. Степень "болгаризации" произведений была различной. Иногда героям давались болгарские имена, а местам действия – болгарские названия. Так, Освальд превращался в Бояна, Лиза – в Цветану; Рейн становился Дунаем. Изменялся сюжет, пейзаж, изображение быта и нравов приближалось к болгарской действительности. Феодалы превращались в чорбаджиев, благородные принцы – в просветителей, учителей. Переводчики-соавторы изменяли в произведе-

ниях то, что было чуждо мировоззрению болгарина, национальному быту, сознательно приближали произведения к болгарскому читателю. Таким образом, "приспособленные" (термин, используемый болгарскими переводчиками той поры) иностранные произведения отражали болгарскую действительность, помогали решать национальные проблемы. В 40–70-е годы большой популярностью пользовалась сентиментальная проза. "Бедная Лиза" Н.М. Карамзина становится в переводе И. Груева "Сиротой Цветаной" (1858); "Наталья, боярская дочь" подвергается болгаризации в 60-е годы дважды – Ст. Захариевым и П.Р. Славейковым. Романы французского писателя Бернардена де Сен-Пьера "Поль и Виргиния" "Индийская хижина" вышли в интерпретации Анастаса Гранитского (1850). "Душенька" И.Ф. Богдановича болгаризована Т. Запряновым (1865). Огромным успехом пользовались сентиментально-дидактические произведения немецкого писателя Христофора Шмидта, в которых добродетель всегда побеждала пороки: ("Корзиночка для цветов" вышла в интерпретации М. Пашова (1858); "Яйца, крашенные к пасхе" приспособил Д.Т. Душанов (1872); "Наводнение на Рейне" болгаризовано С.С. Бобчевым в "Наводнение на Дунае" (1871) и др. Из иноязычных литератур выбирались те произведения, к которым тяготела и была подготовлена читающая публика той поры.

"Болгаризация" широко использовалась и в период становления болгарской драматургии. Были подвергнуты адаптации "Недоросль" Фонвизина, "Скупой" Мольера, пьесы сербского писателя Стерии-Поповича, греческого драматурга Хурмузи. При перенесении на болгарскую почву иностранных произведений переводчики и драматурги Болгарии меняли не только имена героев и место действия, но также жанр и художественный метод. На основе сентиментальной повести Н.М. Карамзина "Наталья, боярская дочь" К. Величков написал пьесу "Невенка и Святослав" (1874). Величков сам называл драму "романтической", притом с полным основанием. Повесть русского писателя А.Ф. Вельтмана "Райна, королевна болгарская" (1843) была сначала переведена Э. Мутевой и И. Груевым (1852), а затем переработана Добри Войниковым в пьесу "Райна-княгиня" (1866). Эта пьеса пользовалась особым успехом у зрителей эпохи Возрождения. В ней

изображался поход в Болгарию русского князя Святослава в эпоху Первого болгарского царства. Монологи Святослава о дружбе русских и болгар, его уверения, что пришел он в Болгарию, чтобы подарить ей свободу, имели глубочайших символический смысл: они вызывали национально-патриотические и русофильские настроения у зрителей и вселяли надежду на помощь России в освободительной борьбе. В дни Апрельского восстания 1876 г., под впечатлением от пьесы "Райна-княгиня" жители города Панагюриште назвали "Райной-княгиней" местную учительницу Райну Попгеоргиеву, которая тайно от турецких властей вышла для повстанцев бархатное знамя с девизом "Свобода или смерть!" Романтическая драматургия перекликалась с освободительным движением. Таким образом, адаптированные, творчески переработанные произведения не просто были овеяны национальным колоритом, но включались в национальный литературный процесс, более того – в национально-освободительное движение. В поэзии "болгаризация" наиболее ярко представлена творчеством П.Р. Славейкова, автора вольных переложений стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Языкова, Плещеева, Никитина. В стихотворении Пушкина "Погасло дневное светило" образ океана заменен образом гор (Стара Планина), в лермонтовской "Колыбельной" "злого чечена" заменяет "злой турок". Перевод стихотворения "Думы мои, думы мои" Тараса Шевченко поэт завершает обращением к Болгарии. Точных переводов в творчестве Славейкова очень мало, в основном это переработка, вольное изложение, талантливо выполненное, отличающееся пластичностью образов и музыкальностью. Русский стих и болгарский фольклор помогли Славейкову вслед за Н. Геровым и Д. Чинтуловым утвердить в болгарской поэзии силлаботоническую систему стихосложения. Приспособление переводных иностранных произведений к национальной действительности, по всей вероятности, является необходимым этапом на стадии становления национальных литератур, задержавшихся по тем или иным причинам в своем развитии, а затем стремительно догонявших ушедшие вперед литературы. По мере дальнейшего развития оригинальной художественной литературы роль болгаризации в национальном художественном процессе заметно падает, а затем сходит на нет.

В 40-е – 50-е годы XIX в. переводная и "болгаризованная" беллетристика заменяла отсутствующую оригинальную художественную прозу, подготавливая в то же время ее зарождение. Зарубежная беллетристика сыграла важную роль в становлении оригинальной болгарской повести, опыт инациональных литератур широко использовался болгарскими прозаиками.

Первые болгарские беллетристы были не только активными читателями иноязычной художественной литературы, но и сами занимались переводческой деятельностью. Васил Друмев перевел и опубликовал в журнале "Български книжици" рассказы "Царица Семирамида"¹, "Нравственные рассуждения невинного юноши"² и "Привидения"³, авторская принадлежность которых не установлена. Связь между поэтикой этих произведений и первой повестью Друмева "Несчастный род" несомненна.

Илия Блысков переводил как религиозную литературу ("Десять заповедей Бога или краткое христианское вероучение", "Жизнь святого Иоанна Предтечи и святого Игнатия Богоносца"), так и светскую (рассказы В. Гаршина "Сигнал"⁴, "Смешной рассказ"⁵).

Блысков прибегал и к болгаризации некоторых произведений. В частности, он приблизил к национальной действительности сочинения Мари дю Пренс из книги "Magasin des enfants": "Две сестры, Добра и Грозданка" (1869)⁶, "Азаил и неблагодарный крестьянин" (1869)⁷, "Рада сплетница или болтливая женщина" (1873). Они переведены Блысковым не непосредственно с французского, а с греческого языка, который, как отмечалось, нередко являлся языком-посредником для болгарских литераторов при переводах произведений западноевропейских прозаиков. Отзвуки произведений Мари дю Пренс ощутимы в повести Блыскова "Злосчастная Кристинка". Религиозное мировосприятие, идеализация патриархального образа жизни, пропаганда просвещения – все это имеет место как в болгаризованных Блысковым произведениях, так и в его оригинальных повестях.

Любен Каравелов также занимался переводческой деятельностью. Он перевел и опубликовал в издававшейся им периодике (газете "Свобода" и журнале "Знание") следующие произведения

украинской писательницы Марко Вовчок: "Рабыня"⁸, "Кармелюк"⁹, "Два сына"¹⁰, "Свекровь"¹¹, "Горпина"¹², "Данило Гурч"¹³. В архиве Каравелова сохранился перевод повести Егора Ковалевского "Фанариот". Выбор Каравеловым произведений для переводов целенаправлен, даже несколько утилитарен. Ему близки демократические позиции украинской писательницы. Переведены произведения, отражающие бедственное положение народных масс, пронизанные сочувствием к крестьянству, протестом против крепостничества. В ряде рассказов Каравелова привлекают образы передовых людей, борцов за свободу (например, герой рассказа "Кармелюк", ведущий борьбу против социального притеснения, легендарный герой рассказа "Рабыня" – Остап, возглавивший борьбу против турок). Болгарский писатель порой допускал в переводе вольность, революционизируя образы, созданные М. Вовчок, дабы усилить воздействие рассказов на болгарского читателя. Л. Каравелов переводил и поэзию (Т. Шевченко, Р. Бернса, Г. Гейне).

В литературно-критических статьях Каравелов отстаивал принцип осмысленного отбора произведений иностранной литературы для перевода на болгарский язык. Он призывал литераторов при выборе произведений для перевода не игнорировать конкретные условия Болгарии, учитывать потребности болгарских читателей. Каравелов – критик отвергал болгаризацию иностранных произведений. Однако Каравелов-переводчик допускал свободный перевод, отступления от оригинала. Тут налично противоречие между теоретической мыслью и практической деятельностью.

Каравелов остро чувствовал необходимость создания национальной беллетристики: "Болгарскому народу нужны чисто болгарские книги, проникнутые болгарским народным духом, с болгарскими взглядами на литературу, – одним словом, болгарам нужны прежде всего оригинальные произведения, а не бездарные переводы"¹⁴. Друмев также полагал, что назрела нужда в появлении собственно болгарской повести. Он писал в предисловии к своей первой повести: "Наша молодая литература

нуждается в книгах — оригинальных и переводных. А так как у нас появились переведенные на болгарский язык иностранные повести, а своих собственных почти нет, то думаю, что эта краткая повесть "Несчастное семейство" не будет излишней"¹⁵.

Первые болгарские повести были опубликованы В. Друмевым и Л. Каравеловым одновременно — в 1860 году. В журнале "Български книжици", издававшемся в Царьграде (1860, № 13–22) вышла повесть "Несчастное семейство", написанная никому до толе неизвестным девятнадцатилетним Василом Друмевым. Она принесла юноше литературное бессмертие, ибо это было первое оригинальное произведение болгарской беллетристики, появление которого стало важной вехой в национальном историко-литературном процессе. Илия Блысков также начал свою творческую деятельность с жанра повести. Его первая повесть — "Похищенная Станка" вышла в 1864 г.

Анализ повестей В. Друмева ("Несчастное семейство"), И. Блыскова ("Похищенная Станка") позволяет сделать вывод, что в них нашла широкое отражение поэтика французской романтической "неистойой" школы. Болгарская "неистовая литература" имеет, помимо схождений с французской, и ряд существенных отличий. Гете называл "неистовую" словесность литературой отчаяния, в Болгарии же это была литература не только отчаяния, но и бунта, ей присуще героическое начало. Таким образом, изобразительные средства "неистойой" поэтики предстают у болгарских прозаиков в новом идейно-функциональном преломлении — при помощи этой поэтики болгарские прозаики вызывали у читателя сострадание к поработенному народу, и в то же время — гневный протест против рабской действительности. "Неистовая литература" в Болгарии особенно ярко проявила себя в период становления болгарской беллетристики в 60-е годы XIX в., тогда как во Франции и России она достигла своего расцвета в 30-е годы XIX в. Таким образом, если в первой половине XIX в. диахрония между временем создания в оригинале воспринимаемого произведения и временем его проникновения в Болгарию составляла нередко более века, то на втором этапе развития болгарской литературы эпохи Возрождения (в 50–70-е годы XIX в.) она сократилась до трех десятилетий.

Специфическая особенность литературных связей в эпоху болгарского Возрождения – создание эмигрантских центров развития болгарской литературы. Поскольку в Османской империи власти часто запрещали вести культурно-просветительную работу, издавать литературные произведения, возник ряд центров культурного развития вне ее, где болгарские эмигранты вели активную борьбу за освобождение родины, просвещение нации, ее культурное развитие. С литературой страны, давшей приют болгарскому эмигрантскому центру, связи были особенно интенсивными.

Таким образом, создается ряд эмигрантских линий в болгарской литературе. Литература эмигрантов была часто более выразительной, чем зажатое в тиски цензуры, во многом закрытое для передовых веяний литературное творчество внутри страны. Именно она-то нередко являлась авангардом болгарского литературного процесса, определяя направление его развития. В 40-е годы XIX в. роль такого авангарда сыграла Болгарская одесская эмиграция (Н. Геров, Д. Чинтулов, В. Априлов, Н. Палаузов и др.); в конце 50-х и в 60-е годы – Болгарская московская эмиграция (Л. Каравелов, Н. Бончев, Р. Жинзифов, В. Попович, К. Миладинов и др.). В начале 70-х годов XIX в. ведущую роль в культурном развитии нации и подготовке ее к революции стали играть Болгарские эмигрантские центры, расположенные в Румынии (Бухарест, Браила, Галац и др.). В Румынии работали в те годы Х. Ботев, Л. Каравелов, Д. Войников, В. Левский, В. Друмев и другие выдающиеся представители болгарского Возрождения. Болгарская молодежь училась также в Греции, Франции, Чехии, Англии, Сербии, Австрии и других странах. Отсюда – полилингвизм многих болгарских писателей эпохи Возрождения.

Некоторые из болгар, обучавшихся в России, создают художественные произведения на русском языке (рассказ Василя Поповича "Поездка в виноградник" (1859), цикл рассказов Василя Друмева: "Из одесской жизни", "Из жизни болгар в Киеве", "Из жизни студентов в России" (1865–1869)). Разумеется, болгарские писатели обращались не только к литературному языку той страны, где они получали образование. Написанию произве-

дений на чужом языке предшествовало углубленное изучение литературы данной страны, и это находило отражение в создаваемых сочинениях. В рассказе "Из жизни студентов в России", носящем очерковый характер, Друмев размышляет о горькой судьбе маленького человека, о социальной несправедливости, царящей в обществе. Отзвуки "Шинели" Гоголя, "Бедных людей" Достоевского, натуральной школы весьма ощутимы в этом рассказе.

Первое прозаическое произведение Любена Каравелова "Атаман болгарских разбойников" написано по-русски и опубликовано в 1860 г. в газете "Наше время". Лишь через десять лет оно было переведено автором на болгарский язык и напечатано под заглавием "Воевода" в газете "Свобода". Вслед за "Атаманом болгарских разбойников" в русской периодической печати появляются написанные на русском языке повести и рассказы Л. Каравелова – "Неда", "Бедное семейство", "Дончо", "На чужой могиле без слез плачут", "Турецкий паша". В 1867 г. на страницах "Отечественных записок" увидело свет лучшее произведение болгарской возрожденческой беллетристики – повесть Л. Каравелова "Болгары старого времени". Все повести и рассказы, опубликованные в русской периодической печати, были объединены Каравеловым в сборник "Страницы из книги страданий болгарского племени", вышедший в Москве в 1869 г. В прозе Л. Каравелова чувствуется влияние русской и украинской литератур (прежде всего произведений Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского, Марко Вовчок). С 1860 по 1867 г. Каравелов создавал прозаические произведения только на русском языке. Его билингвизм был продуктивным. Русский язык стал для Л. Каравелова языком художественного мышления.

Влияние русской реалистической литературы и критики способствовало возникновению одной из специфических особенностей болгарской литературы в период ее становления – опережению практики теорией. Некоторые писатели, отстаивавшие в теоретических работах реалистические принципы отражения действительности, на практике создавали романтические и сентиментальные произведения либо сочетали в них разнородные эстетические тенденции. Противоречия между теоретической мыслью

и художественной практикой не являются результатом творческой слабости болгарских писателей. Они восприняли в России современную передовую теорию, но в практике литературной жизни шло "восполнение" непройденных еще стадий литературного развития.

Нужно подчеркнуть, что "выход теории вперед" сыграл важную роль в ускорении движения болгарской литературы по пути освоения реалистического метода. В творчестве Христо Ботева и Любена Каравелова, чье идейное становление происходило под влиянием Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и других русских революционных демократов, нет сентиментальных нот, но пафос революционно-героической романтики всегда присутствует в нем. Можно говорить о гармоническом синтезе реализма и романтизма в их произведениях, создававшихся в условиях наивысшего подъема национально-освободительной борьбы.

Творчество П.Р. Славейкова интересно тем, что в нем фактически можно проследить все стадии развития болгарской литературы в эпоху национального Возрождения. Славейковым написаны жития и дидактические произведения; поэт отдал дань сентиментализму и романтизму; наконец, в ряде его произведений ("Песня моей монетке" (1861), "Юноша, возьми за ум" (1857) и др.) побеждает реализм. Эволюция творческого метода Славейкова во многом отражает динамику болгарского литературного процесса эпохи Возрождения. Если романтические веяния болгарские писатели впитывали спонтанно, без теоретического осмысления (программы романтизма у них не существовало), то к реализму они шли осознанно, опираясь на достижения критической мысли русских революционных демократов, эстетически обосновывая необходимость овладения реалистическими принципами отражения действительности. Таким образом, в 70-е годы XIX в. литературные связи поднялись на качественно новый уровень, что способствовало становлению реалистического направления в болгарской литературе. Развитие литературы обрело новую перспективу, в конце прошлого столетия оно становилось все более синхронным с общеевропейским литературным процессом, в котором ведущую роль играл реализм.

Таким образом, литературные связи предстают в культурном процессе эпохи болгарского Возрождения как сложное, многоплановое переплетение идейных и художественных тенденций и направлений. В своей совокупности они служили формированию и развитию эстетического сознания. Они определялись общим стремлением деятелей литературы содействовать процессу освободительной борьбы народа, складыванию национальной художественной культуры.

Примечания

- 1 Български книжици. Цариград. 1860. № 3.
- 2 Там же. 1860. № 18.
- 3 Там же. 1860. № 21.
- 4 Съвременни книжки за прочитане, кн. 20, китка VII: Върбина цвете. Издава Ил., Р. Блъсков. Шумен, 1888; см. Ил. Конев. Блъсков като преводач от руски, сп. Език и литература, год XV, 1966, кн. 3.
- 5 Съвременни книжки за прочитане на секиго, кн. 10. Ружа. Издава Ил. Р. Блъсков. Варна, 1886. Вероятно е по подражание на "Зла, непредвидена случка" от Абуказема.
- 6 Две сестри, Добра и Грозданка. Приказка I. Побългарил Илия Р. Блъсков. Русчук, 1869 (2-е изд. — 1870).
- 7 Азаил и неблагоприятный селенин. С прибавление на една песен Грозданка. Приказка П. Русчук, 1869 (2-е изд. — 1870).
- 8 Свобода, Букуреш, 1872, год III, № 2-3.
- 9 Там же. № 13-19.
- 10 Там же: 1871, год II, № 2.
- 11 Там же. № 24.
- 12 Знание, Букуреш, 1874, год I, № 10.
- 13 Там же, 1875, год I, № 5.
- 14 Газ. "Свобода". Букуреш, 1869, № 5.
- 15 *Друмев В.* Съчинения. София, 1967. Т. I. С. 21.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ О РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
(проблемы "вольнобесия")

Хорошо известно, что жизнь хорватского мыслителя была тесно связана с Россией. Воздействуя идейно на московский двор, он надеялся осуществить свои важнейшие политические, религиозные, просветительские планы. В России Ю. Крижанич провел наиболее творческий период жизни. Здесь были созданы главные его произведения, много позже принесшие автору заслуженную посмертную славу, а извлекли их из забвения и впервые дали должную оценку русские ученые XIX в. Различные стороны современной Ю. Крижаничу русской действительности, пути дальнейшего развития России, рекомендуемые им средства для ее будущего процветания и многое другое – все это являлось центральной темой большинства работ нашего автора. Естественно, и в историографии, ему посвященной, "русский комплекс" занимает ведущее место¹.

Но каждый, кто знакомится с трудами о Юрия, легко заметит немалый интерес, проявляемый им к прошлому, настоящему и будущему Речи Посполитой. Это и понятно: славянин и католик Юрий Крижанич не мог обойти в предлагаемых им рецептах дальнейшего развития славянства такое католическое и вместе с тем многонационально славянское государство. Известно, что он владел польским языком, читал литературу о Польше, включая польских и польско-латинских авторов (в том числе и политические памфлеты²). Он много размышлял о ее судьбах еще до второго приезда к царскому двору. Показательно в этой связи, что в сохранившихся "письмах", поданных им в Посольский приказ в 1659 г., имелись уже оценки положения в Речи Посполитой, развитые в позднейших его сочинениях³. Писатель располагал и существенным запасом собственных впечатлений. Биография Ю. Крижанича содержит еще немало темных пятен, но, во всяком случае, не секрет, что, не говоря даже о последнем отрезке его жизненного

пути, целиком связанном с Литвой и Польшей, о.Юрий несколько раз бывал в собственно Польше, в Белоруссии, на Украине и на Смоленщине, причем иногда жил там сравнительно подолгу. Стоит отметить, что он оказывался в Речи Посполитой и в моменты для нее критические, позволявшие мыслителю яснее судить о стоявших перед страной проблемах; например, в начале освободительной войны украинского народа, по меньшей мере вплоть до ошеломляющих поражений польских войск в 1648 г.⁴, в 1659 г., т.е. вскоре после шведского Потопа и в период крайнего обострения обстановки на Украине. Круг "польских знакомств" о.Юрия был достаточно обширен и охватывал разные общественные слои: он являлся домашним капелланом у смоленского шляхтича С. Галиньского в 1647 г., а затем капелланом польского посольства во главе с К. Пацем в Россию в том же году, имел контакты на разном уровне с представителями католического, православного и униатского духовенства, а также украинского казачества (прежде всего с верхушкой) и т.д. Во время тобольской ссылки, как свидетельствуют его труды, Ю. Крижанич продолжал следить за событиями в Речи Посполитой и имел к тому возможности: значительная, постоянно пополнявшаяся группа иностранцев (служилых людей и ссыльных), оседавшая в Тобольске и проезжавшая далее, торговцы, путешественники, даже тогдашняя зарубежная пресса, которую получали в Сибири⁵, – все это обеспечивало ему определенную степень информированности.

Суждения мыслителя о Речи Посполитой, хотя и не всегда объективные, входят интегральной частью в разрабатываемые им схемы, представляют и самостоятельный интерес. Как и многие авторы его времени, он писал ведь не ученые трактаты, а полупублицистические произведения. Важно отметить еще два обстоятельства. Основная часть работ Ю. Крижанича создавалась в условиях длительной, с течением времени все более ожесточенно протекавшей русско-польской войны, осложнявшейся вмешательством Османской империи и Крыма и обострением ситуации на Украине. Кроме того, он писал в долгом сибирском изгнании. Человек, сознававший, несмотря на предписываемую

ему сапом и неизменно подчеркиваемую скромность, свои возможности, с темпераментом публициста, полемиста, а не кабинетного ученого, с ясно выраженным стремлением к активной практической деятельности⁶, он тяжело переносил свое многолетнее удаление, да и не скрывал этого.

Бессспорно, все это влияло на его высказывания вообще, о Речи Посполитой в особенности. Речь не идет о "неискренности" автора, нет оснований приписывать ему это. Многочисленные весьма критические суждения о разных сторонах русской жизни, разбросанные в его произведениях, ясно говорят о его гражданской смелости, что справедливо отмечалось в литературе. Вспомним также ранние, 1659 г., мнения о Польше (см. выше). Но изложенные моменты, более близкое знакомство с практикой русского "совершенного самовладства" диктовали Ю. Крижаничу известную осторожность в мнениях, предназначенных ведь для царского двора, придавали им определенную направленность, усиливали их антипольский крен.

В историографии давно указано на значимость "польской темы" в творчестве Ю. Крижанича. Тем не менее весьма долго тема эта разрабатывалась лишь попутно, материал о Речи Посполитой анализировался в рамках отрицательной антигезы России, рассматривался вопрос о "польских источниках", использованных автором. Не считая малоудачной статьи В. Вилинского⁷, данная проблема подверглась специальному рассмотрению лишь с 60-х годов нашего века⁸. К настоящему времени сделано уже немало. Особенно основательно проанализирована проблематика "польского чтения" писателя: не только круг авторов, но и конкретные произведения и отдельные места из них, подход к материалу, характер и методы его использования. Показана степень знания Ю. Крижаничем польского и украинского языков. Рассматривались и оценивались его высказывания о Польше и т.д. Тем не менее возможности дальнейшей разработки темы достаточно велики.

"Польская тематика", затрагиваемая в произведениях мыслителя, разнообразна и обширна. Здесь характеристика внутреннего положения Речи Посполитой, перспектив ее дальнейшего развития, предлагаемые автором пути исправления недостат-

ков внутренней жизни страны; основные черты ее государственного устройства, положение разных групп господствующего класса, сельского и городского населения; главные проблемы внешней политики страны; состояние военного дела; история государства; характеристики политических деятелей и мн. др. В данной статье могут быть проанализированы только некоторые из этих проблем, привлекавшие наибольшее внимание Ю. Крижанича, казавшиеся ему особенно важными, связанные с внутренней жизнью Речи Посполитой.

Народы славянского корня принадлежали по общеисторическим воззрениям Ю. Крижанича к общности сравнительно молодой, перспективной, имеющей объективно хорошие возможности для развития. Но реальное положение их к XVII в. представлялось ему катастрофическим. Наш автор связывал его с причинами прежде всего внутреннего порядка – пороками общественного развития славян, сложившимися исторически, их взаимной борьбой, а также внешнего – экспансией соседних народов, что в итоге привело к потере частью славян независимости. Казалось бы, в этом смысле в гораздо более выгодном положении оказались поляки, сохранившие свою государственность. Но Ю. Крижанич не принадлежал к числу политологов, исходивших из признания государства самодовлеющей ценностью. Жесткая, кажущаяся даже тотальной критика, которой он подверг порядки в Речи Посполитой, подтверждает сказанное.

Приведем несколько показательных цитат, в которых дается общая характеристика ситуации в ней: "У ляхов несть ни единого порядка в государстве" (1659 г.)⁹; "На всем широком свете нет такого беспорядочного и распущенного королевства как Польское"; "Если бы кто-нибудь обошел кругом весь свет, чтобы отыскать наихудшее правление, если бы кто-нибудь нарочно захотел выдумать наихудший способ правления, он не смог бы найти иного, более подходящего способа, чем тот, коим ныне правят в Польской земле"¹⁰.

Анализируя обстановку в Речи Посполитой, сложившиеся в ней ненормальные, по его понятиям, общественные порядки, причины создавшегося положения, Ю. Крижанич исходил из примата внутренних обстоятельств, определивших пути развития страны.

При этом он рассматривал характерные черты современной ему ситуации исторически, как итог длительного процесса. Мыслитель выделил три круга явлений, которые сыграли, как он полагал, важнейшую роль в общественно-политической жизни Речи Посполитой и стали вместе с тем причинами ее деградации. Это – вольнобесие (своеволие, безначалие), чуждебесие (ксеномания), чужевладство (ксенархия), органически друг с другом связанные, взаимовлияющие и взаимозависимые¹¹.

Исследуя "историю болезни" Польско-Литовского государства, наш автор видел первопричину всех зол в переизбытке свобод, вольностей, привилегий, предоставленных верховной властью высшим сословиям – магнатории и шляхте. Как известно, по своим взглядам Ю. Крижанич принадлежал к достаточно сильной в европейской политологии XVI–XVII вв. промонархической линии¹², отражавшей в известной мере распространенные, прежде всего в крестьянской среде, массовые воззрения. Наилучшей формой правления, особенно для славянства (с учетом и исторических традиций), он считал абсолютную монархию, «совершенное самовладство». Именно облеченный неограниченной властью, этим "Моисеевым жезлом", правящий вместе с тем не тирански, "людодерски", а на основе целесообразного законодательства монарх казался ему наиболее подходящим для роли арбитра, обеспечивающего определенное равновесие между сословиями, гаранта стабильности всей феодальной системы. А недопущение недовольства, волнений – важнейшая, по Ю. Крижаничу, задача любой власти¹³ – взгляд вполне понятный после религиозных войн, двух европейских буржуазных революций да и в "бунташный" XVII век. Средство же от возмущений он видел в том, чтобы дать населению «соразмерные, подобающие и справедливые привилегии»¹⁴. Подробному обоснованию своих представлений в данной сфере в общетеоретическом плане и на конкретных примерах из истории и современности на основе многих литературных источников и личных наблюдений мыслитель посвятил немало страниц собственных работ.

В этом смысле Речь Посполитая виделась ему отрицательным примером в двух отношениях: из-за чрезмерных "вольностей" и избирательной монархии, причем со все уменьшающей-

ся реальной властью королей (как стороны "вольнобесия"). Очевидно, таков был его аутентичный взгляд на дело, поскольку в произведениях, обращенных прежде всего к царскому двору, не было никакой необходимости в обоснованиях вреда подобного положения вещей. Показательно также, что в документах, поданных Ю. Крижаничем в Посольский приказ в сентябре 1659 г., сразу по вторичном приезде в Москву, особенно в так называемом "сербском письме", мы находим те же уничижительные характеристики "шляхетских вольностей", что и в позднейших его трудах¹⁵.

Различные аспекты рассматриваемой темы особенно подробно проанализированы в специальном 22-м разделе "Бесед об управлении" – "О том, что русское правление лучше польского", а также в дополнении "Политическая ересь 2-я. Об своевольству" (тут и текст длинной, составленной о. Юрием беседы русского Хервоя с поляком Казимиром), в сочинении "О промысле божьем", созданных в 60-х годах¹⁶, затрагиваются и во многих других работах ученого хорвата. Обращают на себя внимание определенные изменения в его мотивировке необходимости анализа "вольнобесия" в Речи Посполитой. В наиболее ранних, 1659 г., документах, где данный вопрос рассматривается ("сербское письмо", "Путно описание от Львова до Москвы", "Усмотрение о царском величестве"), постулируется обязательность защиты от польских обвинений порядков на Руси, как тиранических. С подобным суждениям поляков автор связывал распространенность сходных мнений в Европе и, в особенности, "две злости zelo люты и несчастны": русские неудачи на Украине; боязнь иностранцев поступать на службу в России¹⁷. Позже он аргументировал целесообразность изучения "вольнобесия" необходимостью помешать этому "польскому недугу" развиться и в пределах Московского государства¹⁸. Можно поэтому предположить, что он наблюдал там такие симптомы в среде, где вращался. Вместе с тем, как уже отмечено, для царского двора не было нужды в столь основательной аргументации. Это позволяет сделать вывод, что Ю. Крижанич имел в виду и возможное использование соответствующих аргументов, целиком или частично, при переговорах о польско-русском союзе и кандидатуре царевича на пре-

стол Речи Посполитой, как своеобразный агитационный материал, наподобие составленного им в 1659 г. по украинскому вопросу¹⁹.

Хорватский мыслитель рассматривал проблему непомерного развития гражданских и политических свобод привилегированных сословий в широком историческом контексте, указывая, что "вольнобесие ильти необуздана свояволя в людству, яко беше древо в греках, а сада в немцах и в ляхех" — одна из распространенных человеческих ошибок²⁰, особенно характерная для государств республиканского типа и с ограниченной монархией. Самым отрицательным примером в данном смысле виделась ему Германская империя, где подобные "анархические" порядки сложились давно. Именно оттуда, согласно нашему автору, эта "болезнь" распозлзлась по Европе²¹, именно "немцы на разные лады свели ляхов с ума", и именно по немецким образцам сложился "беспорядочный и весьма тиранский строй" Речи Посполитой²².

Он отметил сходство процессов и одинаковые последствия в Германии и Польско-Литовском государстве, но также и определенные различия. Приведем несколько наиболее показательных отрывков. «Там, где существуют безмерные, превеликие, ненужные привилегии, самовладство погибает и возникает распущенность (анархия), как мы видим у поляков и немцев, где никто никого не слушает и сколько властелей, столько тиранов»; «...многие привилегии — особенно у поляков и у немцев — были добыты силою и вопреки разуму»; «...благородные люди или бояре присваивают себе чрезмерные привилегии и не повинуются королю, как вы это видите у поляков и у немцев». Сердцевину явления Ю. Крижанич усматривал в социально-политической сфере: в чрезвычайном росте владельческих прав и привилегий, в неправомерном превращении "феодов", "ленов", "привилеев", определяемых им как временные "милости", исходящие от верховной власти, в постоянную принадлежность высших сословий, с ущербом для королевских прерогатив и общества в целом. "Но из этих милостей и ссуд они учинили своеволие и сочли их такими свободами и вольностями, благодаря которым они не слушают своих королей, и тем самым разрушили весь благой порядок и

учинили немалое зло и беспорядок. Вследствие этого и королевское достоинство у них унижено, и всему народу причинен большой ущерб"²³.

Мыслитель указал на два общественных слоя в Германии, повинных в развитии своеволия, — феодалы, прежде всего знать, и городское, торгово-промышленное население, в первую очередь его верхушка, патрициат²⁴. В Речи Посполитой он винил в создавшемся положении только класс феодалов—шляхту и в особенности магнатию—, в полном соответствии с реальной раскладкой политических сил там в XVII в., когда, в частности, город не обладал существенным весом, а магнатские фамилии с их клиентелой оказывали решающее влияние на ход дел в стране.

Необходимо подчеркнуть, что Ю. Крижанич не был противником эволюции феодального строя, не отстаивал идею консервации более ранних его форм. Уже из приведенного материала видно, что он выступал не за это, а против феодального и городского сепаратизма, против чрезмерного усиления феодалов и городов за счет ослабления центральной власти.

Анализ высказываний ученого о Речи Посполитой подтверждает выставленные тезисы. Основной чертой ее общественного устройства он считал расчленение власти, с дальнейшим обессилыванием последней и перерождением свободы в свою противоположность, фактическую тиранию. "Ибо польская свобода есть ничто иное, как разделение верховной власти на многие части или на низшие члены, а этим разделением верховная власть ... делается слабою для наказания преступлений. Куда же уменьшена верховная власть царя и сената, необходимо тотчас последовала и безнаказность преступлений, а отсюда уже родилась не свобода, но грубое рабство всех добрых и скотское своеволие всех преступных"²⁵. Уже в "сербском письме" (1659 г.) содержится краткая, но весьма выразительная характеристика польской шляхетской свободы, которая определялась как "медвежье распушение" и делался вывод: "Ни в котором государстве такие звериные волности нет"²⁶. Позже эта тема была развита подробнее, особенно в разговоре Хервоя и Казимира, где проведена четкая грань между свободой "благой, честной, человеческой", существующей, согласно Ю. Крижаничу, при "самовладст-

ве", и свободой "злой, звериной, незаконной", характерной для Речи Посполитой и Германии²⁷.

Наш автор считал, что мера "вольнобесия" в Польско-Литовском государстве еще более увеличивается благодаря закрепившейся в нем форме правления – избирательной монархии. Подробному обоснованию в общем плане преимуществ наследственной передачи престола перед избранием посвящен 36 раздел "Бесед об управлении" (разговор Бориса и Хервоя), рассматривается данный вопрос и в диалоге Хервоя и Казимира применительно к Польше²⁸. Эта часть труда вполне могла предназначаться Ю. Крижаничем и для целей агитации (см. выше).

Касааясь специально Речи Посполитой, он особо отметил среди прочего четыре момента. Ограничение королевской власти в ней было проведено в эгоистических интересах "благородного сословия" в целом, которое прежде всего стремилось таким образом избежать обязательного участия в войнах без своего предварительного согласия. Заметку об этом мыслитель сопроводил следующей саркастической оценкой правящего класса страны: "Твои пак земляны (земляки), о Казимир, любят празнование, яко вижу, есуть правы лежаки (прямые лежебоки), бездельники и сарданапальцы. Кои, забывши народа, и общего добра, и стана да уряда своего, все целы суть ся предали лености, и разкошам, и посебуйным пожитком (личным частным пользам) на прилику (наподобие) оного древнего Сарданапала"²⁹. Но особые выгоды извлекала из создавшегося положения магнатерия, поскольку в реальной внутривосточной ситуации Речи Посполитой выборные короли оказались в зависимости от поддерживавших их крупных феодалов и вынуждены были соглашаться на усиление позиций магнатов. В итоге "... властели своевольничают, справедливость страдает, сила торжествует, а король закрывает глаза на преступления властелей"³⁰. Вместе с тем взгляд ученого на раскладку политических сил в государстве не был однобок: он не преминул указать на хотя и ограниченный, но фактически немалый объем власти польских королей. В частности, от его внимания не ускользнул отчасти формальный характер королевских избраний в Речи Посполитой, где правящий монарх всегда мог

на деле сохранить корону за своими наследниками (если они были), а посадить на престол младшего в роде, минуя старшего не удавалось³¹. Наконец, Ю. Крижанич охарактеризовал и влияние королей на внутри- и внешнеполитическое положение страны, правда, в соответствии со своими концепциями, в отрицательном духе³².

Много внимания уделит мыслитель негативным последствиям "вольнобесия". Он использовал при этом обширный исторический и современный ему материал по разным государствам, особенно по Германии и Речи Посполитой. Но если "германский" комплекс данных о теме носит все же более общий характер, то "польский" освещает ее гораздо полнее, конкретнее, хотя и неравномерно. Думается, тут сказались отмеченные выше задачи автора: стремление помешать распространению "вольнобесия" в России, расчеты на использование его аргументации в агитационных целях. Ю. Крижанич излагает обычно свои соображения в форме сравнения, нередко в диалогической, противопоставляя ход дел в Польско-Литовском государстве и в России. Так построены соответствующие места в 22-м разделе "Бесед об управлении", где представлены семь причин, по которым "русское самовластво намного достойнее польского беспорядочного правления"³³. Сходна структура других разделов этой книги, освещающих рассматриваемую проблему, как и посвященных ей мест в других его трудах. В них частью повторяются, частью развиваются указанные "причины", вводятся и новые пункты, важность которых становилась автору яснее в процессе работы.

Последствия "вольнобесия" ученый видел прежде всего во внутренней жизни Речи Посполитой, находил их и в сфере ее международных отношений. Значительное место занимает в его работах характеристика несправедливых сторон ее общественно-го и государственного устройства. Так, вторая "причина" гласит: "... А у поляков сколько властелей – столько королей и тиранов, сколько бояр – столько судей и палачей. Всякий может убить своего крестьянина, и никто с него не спросит и не накажет за это"³⁴. Ю. Крижанич коснулся здесь одного из важнейших явлений в истории Польско-Литовского государства XVII в. (да и более позднего времени) – фактического всевластия магнатов,

так называемых "короликов", и взаимосвязанного с этим резко-го уменьшения прав податных сословий. Оно обращало на себя особое внимание посторонних наблюдателей, поскольку шло вразрез с наметившейся в большинстве европейских стран той эпохи, и не только абсолютистских, тенденцией к сокращению власти аристократии. В этом плане критические иеремиады мыслителя отражали, во всяком случае в первой их части, весьма распространенные в среде мелкой и средней шляхты взгляды, поддерживаемые шляхетскими публицистами XVI–XVII вв., в дальнейшем – рядом деятелей XVIII в.³⁵, разделяемые и многими позднейшими историками.

Но наш автор выходил за очерченные рамки, ибо возлагал вину за чрезмерное угнетение непривилегированных сословий не на одну магнатию, а на класс феодалов в целом³⁶. Подобные представления противоречили основам шляхетской идеологии, отраженной и ее сторонниками среди политических писателей XVI–XVII вв.³⁷, но сближались с мнениями более передовых представителей польской общественно-политической мысли, например А. Фрыча Моджевского³⁸ и некоторых шляхетских публицистов первой половины XVIII в.

Ю. Крижанич широко представил картину бесправия в Речи Посполитой, отметил разные его проявления. По его мнению, характернейшей чертой современной ему внутренней ситуации в стране было общее беззаконие и несправедливость. Например: "...в Польше бесчисленные грабежи, нападения, разбойничества и человекоубийства публичные совершаются свободно, без всякого страха наказания, между тем как бесчисленные поляки свободно, но напрасно плачут и горько вздыхают"³⁹. Особо указано на притеснения, грабежи, поборы, которые приходится терпеть крестьянству и рядовому городскому населению со стороны дворянства, и фактическое отсутствие для них правовой защиты в условиях захвата феодалами судебных функций (вплоть до практической безнаказанности убийства "хлопа" помещиком). Не обойдена вниманием и характерная для Польско-Литовского государства той эпохи реальная беззащитность мелкой, а частью и средней шляхты перед произволом более влиятельных или богатых представителей их класса. Ученый подчеркнул, что и богатым ино-

земцам (военным и арендаторам), по его наблюдениям, обычно сходили с рук преступления против шляхты: "Правда везде ся потирает (подавляется) силою и пенязми"⁴⁰. Он специально остановился, используя и собственные впечатления, на том "разбойничестве", которое творили в Речи Посполитой наемные иноземные войска в отношении не только крестьян, горожан, но и шляхты и даже магнатов. Впрочем, его характеристика польской армии ничуть не благоприятнее: "Польские же ратники в своем отечестве, блуждая по деревням и местечкам, уступают скифам (крымцам. — Л.З.) только в том, что не отводят в плен людей, в остальном же всею жестокостью равняются скифам и своим союзникам немцам. Обирают своих соплеменников, бьют, колот, как будто бы во вражеской стране"⁴¹. Два последние явления обрисованы Ю. Крижаничем в полном согласии с тогдашними реалиями: жалобы на насилия войск были постоянными и всеобщими.

Наконец, о. Юрий не преминул особо коснуться причин освободительной войны украинского народа, видя их в "людодерстве" польских феодалов на Украине, в их неумении управлять там "с умеренностью и скромностью", в притеснениях со стороны арендаторов и откупщиков-евреев⁴², — картина хотя и не полная, но близкая к действительности.

В трудах хорватского мыслителя значительное внимание уделено подробному и многостороннему анализу отрицательного воздействия "вольнобесия" на состояние военного дела в Речи Посполитой — особенно в работе "О промысле". Не приходится сомневаться, что тут сказалось обстоятельно прослеженное в историографии влияние произведений Ш. Старовольского, в которых "военная тема" представлена постоянно и откуда Ю. Крижанич нередко цитировал целые куски. Но гораздо важнее было воздействие времени — непрерывных войн, тяжких поражений, что живо обсуждалось в кругах, с которыми наш автор контактировал в Речи Посполитой. Он давал высокую оценку польскому военному искусству, боевым качествам польских армий, их устройству и т.д., особенно в прошлом, отмечал их успехи, в частности, в столкновениях с "немцами"⁴³ и русскими⁴⁴. Но ученый разобрал, частью вслед за Ш. Старовольским, частью опираясь на личные наблюдения, и основные негативные момен-

ты в военной организации страны, ярко проявившиеся с конца 40-х годов XVII в., и связал их именно с растущим в государстве в своекорыстных интересах магнатории и шляхты "безначалием"⁴⁵. Первопричину он видел в ненормальном функционировании основы польского парламентаризма – сейма, где феодальная верхушка решала вопросы войны и мира, а также проблемы финансирования армий так, как считала для себя выгодным. Сверх того, и дальнейшие этапы формирования боевых сил проходили из-за своеволия феодалов весьма несовершенно. Ю. Крижанич зафиксировал ряд существенных нежелательных последствий такого положения. Так, он учел действительно очень важный факт: Речь Посполитая никогда не выставляла столько войск, сколько могла их иметь по своим реальным возможностям. В качестве примера он привел время Владислава IV, когда, по его словам, страна находилась в превосходном состоянии, тем не менее после смерти короля не удалось собрать жизненно тогда необходимой сильной армии.

Не прошли мимо внимания мыслителя и другие отрицательные аспекты организации войск: медлительность их сбора, в результате чего нередко терялось наиболее удобное для начала боевых операций время; постоянные долгие задержки с оплатой из-за хронической нехватки денег в казне; весьма недостаточное снабжение армий продовольствием, что часто приводило даже к голоду в них. Все это, вместе с общим усилением магнатско-шляхетского самоволия, вело к росту насилий наемных и своих войск в стране, негативно сказывалось, согласно Ю. Крижаничу, и на самом ходе войн: множились раздоры между полководцами⁴⁶, резко падала дисциплина в отрядах, которые зачастую просто разбегались. Особенно опасными считал он войсковые конфедерации и рокоши, отметив это в нескольких местах своих сочинений: "... Но из-за этих рокошей погибло Венгерское королевство, а Польское – близко к гибели"; "... А главное зло – непослушание воеводам, сенату и королю: не может кончиться ни одна война без того, чтобы ратники не составили одного или нескольких заговоров и возмущений против короля и отечества, как несколько уже раз случалось в этой настоящей войне"⁴⁷. Наш автор не сводил данное явление только к недис-

циплинированности войск, а с полным основанием связал его с соперничеством между отдельными магнатами и магнатскими группировками. Он привел, правда, только одну причину такой борьбы: негативное воздействие поверхностного образования сыновей знати за рубежом⁴⁸ — взгляд, понятно, слишком узкий. Ю. Крижанич обратил внимание и на фактическое превращение конфедераций и рокошей в междоусобные войны, в которых участвовал более широкий круг жителей страны. Не приходится сомневаться, что подобное суждение исходило из учета опыта рокоша Е. Любомирского (1665–1666 гг.).

Наконец, еще два обстоятельства, неравноценных, конечно, по важности, привлечшие внимание ученого. Во-первых, он высказал мнение, что единственным оплотом Речи Посполитой против крымцев и османов было ранее Войско Запорожское. Но своеволие польских феодалов на Украине, слишком крутые порядки, введенные ими там, привели к тому, что казаки на деле никогда не были в "совершенном подданстве" у Польши и впредь не будут, что ослабит последнюю в военном отношении⁴⁹. Во-вторых, Ю. Крижанич осудил преобразование польского способа ратного дела на "немецкий лад", заметив, что поражение польской армии во главе с королем от "немцев"⁵⁰ (впервые в истории, как он писал) под Варшавой (28–30 июля 1656 г.) было результатом этой пагубной практики⁵¹.

Итогом разбора мыслителем вопроса о состоянии военного дела в Речи Посполитой можно считать вывод об ее опасном ослаблении на международной арене: в прошлом, когда безначалие в стране еще не приняло таких размеров, она расширялась территориально и была "страшна" соседям, в XVII в. она стала утрачивать понемногу прежние приобретения⁵². Что ж, даже современный историк может разделить такой взгляд, хотя и оценивает причины указанного процесса глубже и шире.

Менее подробно коснулся Ю. Крижанич других последствий "вольнобесия" в Польско-Литовском государстве. В частности его занимала проблема, которая на нынешний взгляд может показаться не столь уж важной: об умножившихся поездках за рубеж в образовательных целях сыновей знати и "посредственного благородного сословия", преимущественно из "немцев и ля-

хов". Он посвятил этой весьма его волновавшей теме специальный небольшой раздел "О новых Алквиадах и Сципионах" в работе "О промысле", рассматривал ее и в других своих трудах⁵³. Ученый оценивал это действительно весьма распространенное в ту эпоху явление сугубо отрицательно. На таком его подходе сказались чрезмерный ригоризм духовного лица да и общая концепция нашего автора, исходившего из нежелательности и опасности для славян тесных контактов с более развитыми народами Запада. Если говорить о Речи Посполитой, то он отразил, видимо, в данном пункте и общераспространенное в среде мелкой, а частью и средней шляхты недовольство подобными вояжами магнатских детей, которые практически одни могли себе позволить такие поездки.

Ю. Крижанич приводил в обоснование своего мнения аргументы разного рода, и их нельзя не признать отчасти справедливыми, поскольку усвоение магнатскими сыновьями западной культуры было, как правило, поверхностным, чисто внешним. Он писал, что таким способом понапрасну расточаются деньги и в итоге еще более ухудшается положение крестьян. Мыслитель высказался против изучения иных иностранных языков, кроме необходимых латыни или греческого, и чтения произведений многих поэтов, историков, ораторов и политических писателей. Казалось бы, перед нами реакционно настроенный сторонник образования классического типа, не говоря уже о забавной непоследовательности: ведь он сам знал несколько языков и всегда был книжником. Но на самом деле его беспокоили не эти моменты сами по себе, а опасные для государства последствия псевдообразования аристократии. Он считал, что в результате зарубежных поездок представители знати Речи Посполитой "слишком набираются духа и суетнейших помышлений", "все считают, что рождены повелевать, а не служить и не воевать", в зрелом возрасте между ними слишком развивается соперничество⁵⁴. Кроме того, как полагал Ю. Крижанич, молодые люди из магнатских фамилий некритически заимствуют на Западе и стараются привить дома понравившееся им в нравах и законах, не считаясь с пригодностью их на родной почве, "вводят чуждые, распущенные и вредные роскоши, преимущественно в деле телесного уб-

ранства, тонкостей яств, устройства пирушек и торжеств, свадеб, похорон и других подобных вредных пустяков".

Из иных последствий "безначалия" в Польско-Литовском государстве ученый отметил переизбыток в нем "больных членов общества" – чужеземцев, прежде всего "живущих скопом", т.е. образующих устойчивые этнически замкнутые группы (цыгане, армяне, шотландцы, евреи), а также поселенцев других национальностей (итальянцы, татары)⁵⁵. Такая констатация была бы слишком явным преувеличением, если бы Ю. Крижанич не уточнил, что имеет в виду польские города, но и с такой поправкой картина лишь частично отвечала реальности и имела в виду скорее цели пропаганды. С указанным явлением, а также с влиянием "немцев" наш автор связал особую распространенность в стране еретических учений⁵⁶. Если припомнить, что Ю. Крижанич писал в период победы контрреформации в Речи Посполитой и усиления религиозной нетерпимости шляхты во время и после первой Северной войны, то подобный взгляд покажется совершенно неосновательным. Поэтому в историографии высказывалось мнение, что его характеристики носили в данном случае сугубо литературный характер, были анахроничны и опоздали на несколько десятилетий⁵⁷. Мнение это представляется, однако, сомнительным: о.Юрий был тонким наблюдателем и столь очевидных ошибок не допускал... если не имел к тому особых поводов. Думается, причин следует доискиваться в ином. Во-первых, он слабо знал польскую деревню и ориентировался на условия, сложившиеся в городах, а также, возможно, в некоторых районах, где он бывал (например, в Великом княжестве Литовском). Во-вторых, что гораздо важнее, Ю. Крижанич как раз передал нам те весьма преувеличенные представления об излишней веротерпимости в стране, которые распространились в шляхетской среде да и шире в его время и, кстати говоря, культивировались сверху, чтобы канализировать недовольство масс в этом направлении. Кроме того, наш автор не мог не использовать их для своих пропагандистских задач, а также, чтобы предостеречь московский двор от опасности иноземных влияний.

В экономической сфере ученый выделил одно явление: монополии в магнатских городах и селах, особенно питейную (как

известно, право пропинации было закреплено за польскими феодалами еще в Пётрковском статуте 1496 г.), еще более обременительные для населения из-за системы откупов⁵⁸.

Подытоживая свой анализ пагубных последствий "вольнобесия" в Речи Посполитой Ю. Крижанич пришел к двум умозаключениям, очень важным для его оценки перспектив дальнейшего развития страны. Первое – это недовольство всех сословий, общественных групп и составных частей правящей элиты, начиная от крестьян и горожан и кончая королями, создавшимся положением⁵⁸. Поскольку, как отмечалось, именно приглушение взаимных противоречий разных социальных сил мыслитель считал важнейшей функцией государства, ситуация в Речи Посполитой представлялась ему аномальной. Второй вывод был связан с первым и состоял в том, что из-за остроты внутренних конфликтов и неизбежного ослабления участвовавших в них сторон ученый не видел в современном ему польско-литовском обществе никаких сил, способных самостоятельно исправить социально-политическую структуру страны. "А у поляков нельзя исправить (изъяны и ошибки правления. – Л.З.)". "Я знаю, вследствие проклятого безначалия мое отечество сделалось клоакой всех зол... Знаю, мой народ сделался игрищем немцев и притчею всего света и нельзя ожидать ему исправления, пока длится безначалие" (из разговора Казимира и Хервоя)⁶⁰.

Констатация названных фактов была важна Ю. Крижаничу с двух точек зрения: для воздействия на царский двор, чтобы подтолкнуть его на путь, бывший первостепенной частью концепции мыслителя – путь русско-польского сближения. Но и в агитационных целях, дабы подготовить почву для такого единения с другой стороны, в Речи Посполитой. Ему была хорошо известна сложность этой задачи, в том числе и из-за общераспространенного в шляхетских кругах убеждения в превосходстве общественного устройства страны над всеми другими (в частности, он несколько раз с осуждением приводил известное присловье "Польша держится анархией"). Вместе с тем о. Юрий не один раз указывал, что в среде ее господствующего класса, между политическими писателями и т.д. есть немало противников существующих порядков, достаточно активно выступающих против них⁶¹.

Более того, в неоднократно уже нами цитированном разговоре Казимира и Хервоя ученый привел конкретные "пункты обвинений" с польской стороны в адрес русского "самовладства" и полемизировал с ними⁶². Эти пять пунктов сводились к осуждению следующих русских установлений и обычаев в государственном строе, личных правах, сфере экономики и быта: права войны и мира как исключительной прерогативы царя⁶³; обычая "бить челом" государю и писать "холоп твой" при обращении к нему; наказания кнутом, батогами и ссылкой; запрещения свободы корчемства, игры в карты и курения; более простой и с меньшим тщанием приготовленной еды, чем в Речи Посполитой и у "немцев".

Не приходится сомневаться, что указанные "пункты" отражали претензии привилегированного сословия Польско-Литовского государства, магнатов и шляхты. Вероятно, Ю. Крижаничу пришлось их слышать во время достаточно частых контактов с представителями этого сословия там и в России. Интересно поэтому более внимательно присмотреться к позиции Казимира (поляка) в названном разговоре. Не исключено, что некоторые приписанные ему особенно суровые суждения о порядках в Речи Посполитой исходили от самого Ю. Крижанича, во всяком случае бесспорно их единство с рядом его личных оценок (хотя оно могло возникнуть и из близости взглядов). Но обращают на себя внимание и отдельные антимагнатские высказывания Казимира. Они позволяют предположить, что наш автор передал здесь скорее мнения шляхетского лагеря, а не магнатерии. Ученый довольно подробно полемизировал с приведенными обвинениями, вероятно, имея в виду и возможное использование своей аргументации при контактах с противниками русско-польского сближения.

Но еще важнее другое: в разделе о "слободинах", которые мыслитель считал необходимым предоставить населению России, прежде всего "благородному сословию", были частично учтены и "пункты обвинений"⁶⁴. В самом деле, в привилегиях класса феодалов в целом предусматривалась отмена обычая "бить челом", обращения "холоп твой" и всех позорных наказаний, в том числе кнутом и батогами, ликвидировалась с некоторыми

оговорками корчемная монополия и полностью — все другие (правда, имелось в виду, что этим воспользуются города, а не феодалы, как в Речи Посполитой), всем жителям разрешалось курение. Было бы преувеличением сводить эти "слободины" к польскому влиянию, они объяснялись внутрирусскими потребностями, но и сбрасывать со счетов его нельзя. Очевидно, Ю. Крижанич предполагал таким способом уменьшить число противников русско-польского единения и увеличить количество его сторонников. Если учесть сказанное выше о позиции Казимира, то можно думать, что о. Юрий рассчитывал найти союзников для подобных планов прежде всего среди шляхты, ее идеологов и руководителей.

В заключение вкратце перебросим мостик к тем проблемам, которые требуют специального рассмотрения в будущих работах. Анализируя последствия "вольнобесия" в Речи Посполитой, мыслитель связал со своевољством и ксеноманию ("чужебесие"), "ибо чуждые нравы и законы легко прокрадываются туда, где где правление безначально"⁶⁵. Этой теме в целом чаще всего вместе с чужевладством, он посвятил несколько разделов в "Беседах об управлении" (часть III, разделы 12–18, 50), писал о ней и в иных работах, причем "польский" материал играл в них достаточно заметную роль. Вот два определения чужебесия: "... это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ (славян. — Л.З.)...", "... мы дивимся всяким чужим вещам (и их ценим, хвалим и возносим), а свой собственный образ жизни презираем, уничижаем, отвергаем". Ю. Крижанич относил ксенархию к одному из испорченных способов правления, писал о ней как о черте, присущей славянам вообще, но фактически, аналогично текстам о вольнобесии, имел в виду главным образом привилегированные сословия, прежде всего их верхушку⁶⁶. Он вовсе не был противником контактов между народами, напротив, считал их естественными и необходимыми, в том числе и для славян, общности сравнительно молодой и потому отставшей в своем развитии. Но о. Юрий неизменно предостерегал против опасных сторон и последствий таких связей именно для народов славянского корня, особенно склонных, по его мнению, к некритическому восприятию чужого опыта в раз-

ных сферах бытия⁶⁷. Речь Посполитая виделась Ю. Крижаничу хорошим образчиком пагубных результатов слишком тесного сближения с иноземцами, проявившихся прежде всего и больше всего в ее внутренней жизни, а также в области международных отношений.

Примечания

¹ Достаточно представительные библиографии работ о нем см.: *Zywot i dielo Jurja Križanića. Zbornik radova. Zagreb, 1974. S. 259–277* (A.L. Goljdberg); *Križanić J. (1618–1683) Russophile and Ecumenic Visionary. The Hague, Paris, 1976* (A.L. Goldberg, J. Golub), а также: *Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990*; *Пушкарев Л.И. Общественно-политическая мысль России (2-я половина XVII в.). М., 1982*; *Znanstveni skup u povodu 300. Obljetnive smrti Jurja Križanića (1683–1983) // Zbornik radova. 1–2 Dio. Zagreb, 1985–1986* (Radovi o životu i djelu Jurja Križanića. Svezak 3–4); *Zbornik zavoda za povijesne znanosti istraživačkog centra Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Vol. 14, Posvećen Jurju. Križaniću povodom 300. Obljetnosti smrti, 1683–1983. Zagreb, 1986.*

² *Вальденберг В.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912. С. 132.

³ *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. М. 1901. С. 173–174. Прил. С. 28–38.

⁴ Там же. Прил. С. 249–252.

⁵ Там же. С. 195–197, 199. Прил. С. 39–75.

⁶ Весьма характерен последний жизненный шаг Ю. Крижанича. В 1683 г., в очень солидном по понятиям того времени возрасте, он оказался не в спокойной для литературной работы обстановке в Риме, переписку о чем вел несколько лет, а в польской армии под Веной! Попутно отметим следующее. С.А. Белокуров высказал мнение, что Крижанич отправился тогда в Рим и сумел добраться до Вены. (*Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 289–291). Оно закрепилось в историографии (см. например: *Frančić M. Juraj Križanić ideolog absolutizmu. Warszawa, Kraków, 1974. S. 6, 42–44*; *Golub J. Biografska pozadina Križanićevih djelu // Zywot i djelo Jurja Križanića. Zagreb, 1974. S. 102*). Однако фактических

подтверждений этого нет, а само по себе такое мнение сомнительно. Единственное известное сообщение о смерти Крижанича приведено у Н. Витсена, который отметил, что о. Юрий "в польском войске при осаде Вены недавно пал в сражении" (*Белокуров С. А.* Указ. соч. Прил. С. 19). С учетом хода Венской битвы представляется невозможным, чтобы Ю. Крижанич попал в армию Яна III Собесского из осажденного османами города. Гораздо вероятнее, что он прибыл в нее раньше из Варшавы. Следует поэтому поискать данных о нем в польских источниках о походе. См. и: *Golub J.* Službeni zapis o smrti Jurja Augustina Križanića // *Zbornik zavoda...* S. 22–30.

7 *Wilinski W.* Križanić a Polska // *Przegląd Powszechny.* 1929. T. 184. № 550. S. 61–86.

8 *Гольдберг А. Л.* Сочинения Ю. Крижанича и их источники // *Вестник истории мировой культуры.* 1960. № 6. С. 117–130; *Он же.* Юрий Крижанич и Ш. Старовольский // *Slavia.* 1965. Т. XXXIV, № 1. S. 28–40; *Он же.* Юрий Крижанич в зарубежной историографии // *История СССР.* 1976. № 1. С. 202–203; *Экман Т.* Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича // *Dutch Contributions to the V International Congress of Slavists.* Hague, 1963. S. 43–77; *Екман Т.* Juraj Križanić o Polsce // *Literatura. Komparatystyka. Folklor: Księga poświęcona J. Krzyżanowskiemu.* Warszawa, 1968. S. 177–198; *Frančić M. J.* Križanić : a Polska // *Sprawozdanie z posiedzeń Oddziału PAN w Krakowie.* 1966. № 1. S. 101–103; *Idem.* Juraj Križanić ideolog...; *Łużny R.* Autorzy polscy XVI i XVII wieku w kregu lektury Juraja Križanića // *Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych PAN.* 1969. R. XII. Z. 1(52). S. 20–23; *Żwoliński P.* Juraj Križanić a język polski // *Ibid.* S. 14–20, u a.

9 *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 173.

10 *Крижанич Ю.* Политика, М., 1965. С. 496, 551–552. См. и: *Русское государство в половине XVII века.* Рукопись времен царя Алексея Михайловича, открыл и издал П. Безсонов, М., 1860. Ч. 2. С. 104.

11 См. и: *Вальденберг В.* Государственные идеи..., с. 131–132.

12 См., например: Там же. С. 93–109, 115–120; *Екман Т.* Juraj Križanić... S. 177–179.

13 См., например: *Крижанич Ю.* Политика... С. 381, 424, 566–568, 591–595, 599–600.

14 Там же. С. 592.

15 *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 173–174. Прил. С. 29.

16 *Крижанич Ю.* Политика... С. 547–552; Русское государство в половине XVII века... С. 296–331; О промысле. Сочинение того же автора, как и "Русское государство в половине XVII века / Сведения об открытой рукописи П. Безсонова. М., 1860. С. 70–72, 91–92, 98–99, 102–103.

17 *Белокуров С.А.* Указ, соч. С. 172–174. Прил. С. 30, 34, 35; *Крижанич Ю.* Собрание сочинений. М., 1891. Вып. 1. С. 7, 9, 13–14.

18 См., например: *Крижанич Ю.* Политика... С. 491, 511, 539, 547, 549, 586; Русское государство... С. 48, 51–52, 306–307.

19 Он учитывал, надо полагать, весьма развитые традиции такого рода в политической жизни Польско-Литовского государства.

20 Русское государство... С. 91.

21 Ю. Крижанич использовал одну из работ хелмштедского профессора Г. Конринга, писавшего под псевдонимом Кириак Тразимах, в которой оправдывалось шведское вторжение 1655 г. в Польшу и осуждались порядки в ней, как очаг опасного для Европы своеволия (*Ektat T. Juraj Križanić*... С. 177–178), но подходил к проблеме совсем иначе.

22 *Крижанич Ю.* Политика... С. 547; Русское государство... С. 157, 273; Из рукописного наследства Ю. Крижанича / Изд. Л.М. Мордухович // Ист. архив. 1958. № 1. С. 177.

23 *Крижанич Ю.* Политика... С. 592, 600, 602, 614.

24 См.: Там же. С. 556–557; Русское государство... С. 273, 279, 374; *Гольдберг А.Л.* Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII в. // История СССР. 1960. № 6. С. 81, прим.

48.

25 О промысле... С. 91.

26 *Белокуров С.А.* Указ, соч. С. 173.

27 "Свобода злая: где знати и богатым вольно бегать от всякого труда, проводить жизнь праздную и бесполезную для государства, где вольно преступать законы, обижать слабейших, совершать какие угодно нелепости и злодеяния, где нет страха ни пред судом, ни пред наказанием" и т.д. См.: Русское государство... С. 323–324, 327. Ср. и: О промысле... С. 92, где говорится о "жесточайшей и самой рабской свободе" в Польше.

28 *Крижанич Ю.* Политика... С. 660–665 и др.; *Вальденберг В.* Государственные идеи... С. 110–112.

- 29 Русское государство... С. 322–323.
- 30 *Крижанич Ю.* Политика... С. 663.
- 31 Там же. С. 662. В качестве примера автор привел избрание в 1648 г. старшего брата, Яна Казимира, хотя большей популярностью в стране пользовался младший, Карл. Это соответствовало действительности, но объяснялось более сложными причинами внешнеполитического и военного свойства. Возможно, Ю. Крижанич не счел нужным здесь их касаться, но не исключено, что он просто отразил мнения, имевшие хождение прежде всего в шляхетской среде. Если так, то мы имеем здесь свидетельство о круге его знакомств и степени информированности в польских делах в 1648 г., когда он жил в Гродно, а затем в Варшаве.
- 32 Русское государство... С. 329–330.
- 33 *Крижанич Ю.* Политика... С. 549–552.
- 34 Там же. С. 549. См.: Русское государство... С. 319, 327–328 (взято автором у Ш. Старовольского. См.: *Eekman T. Juraj Križanić*... С. 193), 374. Ср. также: с. 17, 27–28, 35, 41, 52–54, 63.
- 35 Достаточно вспомнить хотя бы соответствующие места из "Предостережения Польше" (1790 г.) С. Сташича, общая программа которого, понятно, была намного шире.
- 36 См., к примеру: *Белокуров С.А.* Указ. соч. Прил. С. 29 (1659 г.); Русское государство... С. 222 (ср. и с. 46, 53, 303).
- 37 В частности, удачное сравнение и противопоставление ряда идей Ю. Крижанича и его старшего польского современника, произведения которого он широко использовал, Ш. Старовольского, чей критицизм укладывался в русло прошляхетской программы, см.: *Eekman T. Juraj Križanić*... S. 190–194.
- 38 Какое-либо знакомство Ю. Крижанича с его работами или им подобными не прослеживается.
- 39 О промысле... С. 91–92. Ср.: Русское государство... С. 27–28, 41, 52–54, 63, 324, 329.
- 40 Русское государство... С. 303; ср. с. 46, 53.
- 41 О промысле... С. 98–99, 102. Ср. также: *Белокуров С.А.* Указ. соч. Прил. С. 28 (1659 г.); *Крижанич Ю.* Политика... С. 550–551.
- 42 *Крижанич Ю.* Политика... С. 58 I; О промысле... С. 81, 95–96; *Белокуров С.А.* Указ. соч. Прил. С. 28–29.

- 43 Автор имел в виду и собственно немцев, и шведов.
- 44 *Крижанич Ю.* Политика... С. 428, 446, 447, 449; Русское государство... С. 117, 118, 124, 125, 196, 197; О промысле... С. 88; 89; 90, 101, 104.
- 45 Соответствующий материал см.: *Крижанич Ю.* Политика... С. 551; Русское государство... С. 305, 322; О промысле... С. 93–103.
- 46 К примеру: "Воеводы считают ни за что сенат и законы и, по большей части несогласные между собой, из-за частной вражды предают и губят дело общественное" (О промысле... С. 102). В самом деле, войны второй половины XVII в. давали тому достаточно примеров.
- 47 См.: *Крижанич Ю.* Политика... С. 676–677 (ср. с. 685); О промысле... С. 103 (см. и с. 71); Русское государство... С. 302.
- 48 "Отсюда впоследствии, когда такие, плохо обученные, представители знати уже в зрелом возрасте становятся главою при отправлении дел, рождаются между ними зависть, соревнование, раздоры, междоусобные войны и другое зло разного рода, а все это плачевным образом разоряет государство" (О промысле... С. 71).
- 49 О промысле... С. 95–96.
- 50 От шведско-бранденбургских войск.
- 51 О промысле... С. 87–88.
- 52 Русское государство... С. 305.
- 53 *Крижанич Ю.* Политика... С. 479, 500, 550, 616; О промысле... С. 70–72.
- 54 Согласно Ю. Крижаничу таким заблуждениям иногда способствуют наставники, которые в школах слишком преувеличивают роль "героев", "...И таким образом злонамеренно убеждают учеников к подражанию героям и хотят изо всех сделать Алкивиадов и Сципионов".
- 55 *Крижанич Ю.* Политика... С. 498, 519, 550, 557.
- 56 Там же. С. 550, 551; О промысле... С. 92; Из рукописного наследия... С. 177.
- 57 См., например: *Еектап Т. Juraj Križanić*... С. 183–184.
- 58 *Крижанич Ю.* Политика... С. 550.
- 59 Там же. С. 550–551.

60 Там же. С. 549; Русское государство... С. 305 (ср. с. 116).

61 См., например: *Крижанич Ю.* Политика... С. 467, 491, 549; Русское государство... С. 306, 307; О промысле... С. 92. Но автор не привел один из центральных аргументов защитников строя шляхетской республики: слабости в ней классовой борьбы сравнительно с другими европейскими державами, что было реальным феноменом.

62 Русское государство... С. 306–321.

63 Во второй половине XVII в. с падением роли земских соборов это более или менее соответствовало действительности. Как известно, в Речи Посполитой данное право принадлежало королю вместе с сенатом при участии сейма.

64 *Крижанич Ю.* Политика... С. 597, 603–605, 610, 611.

65 Русское государство... С. 305. См. также: *Вальденберг В.* Государственные идеи... С. 131–132.

66 *Крижанич Ю.* Политика... С. 479, 495, 497, 522, 567.

67 Русское государство... С. 281, 300; *Вальденберг В.* Государственные идеи... С. 126–128, 182–192.

ХРИСТИАНСКИЙ АДРЕСАТ ОСМАНСКИХ РЕФОРМ XVIII–XIX вв.

Известно, что реформаторский процесс в Османской империи, известный как танзимат (1839–1876), был призван обновить и укрепить систему военно-административных методов управления позднефеодальной империей. Такого взгляда придерживались отечественные османисты (А.Ф. Миллер, А.Д. Новичев, А.Д. Желтяков, Ю.А. Петросян), балканские историки (Ахмед С. Аличич, Ст. Димитров, И. Тепич), американские и израильские историки (Ст. Шоу, П. Шугар, Б. Йелавич, Я. Ландау). Это, несомненно, так, но это лишь часть проблемы.

Зададимся вопросом об объектах реформ с точки зрения османского населения и тотчас вспомним, что Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., Стамбульский хатт-и хумаюн 1856 г. и серия менее популярных и общеизвестных реформаторских документов имели конкретного этнического, а точнее – этно-религиозного адресата – христианских подданных Высокой Порты. А еще точнее – православных. Естественно, в этих документах упоминались и другие немусульмане (иудеи, армяне и прочие). Однако именно коренное население румелийских земель, иначе говоря Европейской Турции, продолжало жить более компактной массой, чем любой иной этнос на завоеванных турками-османами землях. На румелийских же территориях противостояние экономически более развитой христианской периферии и исламского, османского центра власти выглядело очевидно для современников и очень тревожно для Высокой Порты.

Другой аспект проблемы состоял в том, что за века османского владычества на Балканах противостояние малочисленных турок-мусульман (в качестве феодалов и военно-административной силы подавления) христианам-земледельцам и мелким ремесленникам претерпело существенную трансформацию. Приведенная парадигма противостояния была характерна только для XV – первой половины XVII в. К XIX в. мусульманское (но

в основе – местное, а не турецкое) население увеличилось весьма значительно. Оценки Кемаля Карпага, А. Желязковой, В. Мутафчиевой, К. Джембазовского дают картину мусульманского (подчеркиваю – только в конфессиональном смысле) преобладания: в Албании – до 70%, в Косово – до 72%, в Македонии – до 40%. Высокий процент исламизированного населения был и в других румелийских землях (Босния, отдельные районы Болгарии)¹. Не о таких ли мусульманах, принявших ислам, но сохранявших этническое чувство более свято, нежели догматы Мухаммеда, писала в начале XVIII в. английская путешественница леди Мэри Монтегю, что они "очень благоразумно соблюдали обе религии, ходили в мечеть в пятницу, а в воскресенье – в церковь"².

Различны были мотивы и условия исламизации, положение новообращенных в системе военной и государственной структуры Османской империи. Речь идет о том, что румелийские земли, населенные христианами и мусульманами, этническая общность которых, несмотря на все усилия Порты, не могла быть произвольно стерта, стали первым и до последней трети XIX в. главным объектом реформаторской деятельности османского центра власти. Речь шла о сохранении османского господства в наиболее сложном для управления регионе империи.

Идея уравнивания мусульман и христиан перед лицом османских законов была выработана долгими годами приспособления, более или менее удачного, турецкого управления к румелийскому мультинациональному обществу.

Итак, Балканы стали первым объектом преобразовательных начинаний султанов и Высокой Порты. Причем отчетливо эти тенденции прослеживаются с начала XVIII в.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что Балканы в значительной степени оставались цивилизационной контактной зоной между Востоком и Западом. Это обстоятельство издавна понималось Портой и стимулировало отношение к румелийским землям как к плацдарму дальнейшей борьбы за расширение мира ислама в период расцвета и могущества дома Османов. Позднее, в XVIII–XIX вв., эти же земли воспринимались как передовые рубежи обороны исламских владений, а потому подлежали первоочередному укреплению через реформы. Зададимся вопро-

сом: какие османские земли были наиболее готовы к переменам западного образца? Ответ очевиден.

Османский центр власти вобрал в себя многих представителей балканской аристократии (например: знаменитые династии драгоманов Маврокордато, везиров Соколовичей). Поэтому такие византийские институты, как пронии, цехи, элементы горного права в саксонском варианте не только органично сочетались в румелийской зоне с османо-тюркскими нормами землевладения и организации городской жизни, но создали реальную предпосылку того, что модернизаторские предписания султанов-реформаторов могли быть поняты правильно и реально воплощены в жизнь на Балканах. Причем почти без оппозиции, характерной для турецко-османских территорий, где ортодоксальный исламизм отрицал любую "гаурскую, франкскую" новацию – от багинета (штыка) до макарон. Наконец, еще Омер Лютфи Баркан отмечал, что некоторые принципы хозяйственного регулирования, характерные для Балкан, легко вписывались в новации, причем далеко отходили от установлений ислама.

Я бесконечно далек от того, чтобы считать, что танзимат пришел с Балкан, но турки-османы XVIII–XIX в., по признанию всех исследователей, в сфере управления и организации хозяйственной жизни чаще адаптировали воззрения и навыки покоренных народов, чем генерировали собственные новации, и наибольших успехов в этом они добились именно на Балканах.

Следовательно, существовал благоприятный и необходимый объект реформаторских устремлений и объективные условия их восприятия. Христианский мир Османской империи первым испытал воздействие преобразований "сверху", и румелийские земли, населенные христианами, стали первыми аванпостами этих новаций.

Проблема охраны дальних рубежей воочию предстала перед османскими правящими кругами после войны с государствами "Священной лиги" 1684–1699 гг. Дмитрий Кантемир одним из первых на Балканах, а также посол России И. Неплюев и австрийский посол Тальман уловили новую тенденцию в Высокой Порте: остановиться, оценить свои позиции в европейских владениях и затем укрепить именно здесь свою власть и вооруженные силы.

Внешний фактор был главным и первым побудительным мотивом османских преобразовательных инициатив. В начале XVIII в. их содержание было чисто военным. Однако важно отметить, что авторами первых проектов были:

– в 1710 г. поляк Понятовский (из окружения Карла XII, прибывший с ним в Стамбул);

– после 1725 г. князь Ференц II Ракоци и выходец из Трансильвании, принявший ислам и получивший имя Ибрагим и прозвище Мютеферрика, т.е. "доверенный советник" при высочайшей особе³;

– в 1732–1747 гг. реальное значение для Порты имели проекты австрийского наемника Александра Бонневалея, перешедшего на службу к туркам⁴.

При всех различиях авторов проектов и самих проектов их объединяли две главные особенности: приобщение христиан Европейской Турции к защите западных рубежей Османской империи и широкое использование христианских эмигрантов из Европы в хозяйственной жизни и военном деле. Речь шла о французских гугенотах (1717 г., проект Рошфора), об отрядах из венгров и поляков (проект Ференца II Ракоци), о создании подразделений из румелийских христиан (Александр Шкарлат и Николай Маврокордато).

Довольно широкой популярности представленных христианскими советниками проектов сопутствовало распространение в первой трети XVIII в. среди верхов османского общества моды на европейский стиль в архитектуре и культуре создания парков и цветников, в быту (одежда, часы, экипажи, книги и т.д.), отчасти в манере поведения. Все это стало именоваться стилем "а ля франга" и "эпохой тюльпанов".

Однако и военные проекты, исходившие от христиан, и отдельные элементы образа жизни затрагивали очень узкий слой стамбульской правящей элиты и отражали не осознание необходимости слияния "исламского духа" и османского строя с христианским миропониманием, а стремление освоить быстрее (и приятнее) опыт христианского Запада ради удержания имперских рубежей. Широкое распространение имела идея о великом правителе, по примеру Петра I, сумевшего привлечь на службу иностранцев и иностранные нововведения во имя возвышения России.

этом Эдер пишет, что он уже направил письмо с изложением этого плана английскому послу в Санкт–Петербурге сэру Чарльзу Стюарту, чтобы тот сообщил об этом заинтересованным лицам. Вероятно, план, предложенный к осуществлению летом 1812 г., не случайно так похож на план 1806 г. Следует при этом учесть, что именно на английский флот при этом возлагалась задача снабжения военных отрядов.

Интересен и тот факт, что когда военные действия на территории России в значительной степени сковали силы Наполеона, британская эскадра, курсировавшая в Адриатическом море, сделала попытку захватить принадлежавший тогда Французской империи крупный порт на о-ве Лесина (совр. Хвар). Эта попытка оказалась неудачной из-за внезапно разыгравшегося шторма – три судна были выброшены на берег, где их команды попали в плен; остальные побоялись приблизиться и были вынуждены отойти.

Подводя некоторые итоги, можно только сказать, что как в архивах, так и в забытых ныне публикациях можно найти немало материалов, позволяющих уточнить картины исторического прошлого. Ведь пропуск исторического факта – такая же фальсификация истории, как его намеренное замалчивание. Необходимо восстановить значение факта в истории, которое, к сожалению, в последнее время мы часто недооценивали. Основная задача историка – воссоздать фактическую картину. Дать ей самостоятельную оценку читатель сможет сам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Л. Э. Калнынь, Л. И. Масленникова. К проблеме славянско-го слога: соотношение фонетических контуров слога и слова	5
С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. К проблеме дифферен-циации славянского диалектного ландшафта	27
Л. А. Гиндин, И. А. Калужская. Роль Карпат в этногенезе сла-вян позднепраславянского периода в свете историко-фи-лологических и лингвистических данных	47
Т. В. Цивьян. О концепте языкового союза и современной балканистике	58
Г. Д. Гачев. Космософия России, Польши и Болгарии	69
М. Г. Чемоданова. Перевод как фактор становления новой болгарской литературы	97
Л. В. Заборовский. Юрий Крижанич о Речи Посполитой (про-блемы "вольнобесия")	111
В. И. Шеремет. Христианский адресат османских реформ XVIII–XIX вв.	136
Л. В. Зеленина. Планы привлечения балканских народов к борьбе с Наполеоном: новые документы, а также новые оценки документов известных	144

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доклады к XI Международному съезду славистов
(Братислава, 30.VIII – 8.IX.1993 г.)

Институт славяноведения и балканистики РАН, М.,
1992 г. 153 с.

Подписано в печать 10.09.92. Формат бумаги 60x90 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Уч.изд.л. 7,7
Тираж 300 экз. Заказ 179 Цена договорная

Отпечатано на ротапринте
ВНИПИСТАТИНФОРМА Госкомстата РФ

